

★ Даниил КАЛИНИН ★

ВЫБОР ЧЕСТИ

Annotation

Потомок белых эмигрантов Никита Мещеряков возвращается на Родину в рядах полка «Бранденбург-800». Большевиков он ненавидит больше, чем немцев. – они отняли его дом, лишили семьи и счастливого детства. Он готов мстить.

Только кому? Кто его враг? Советский народ? Женщины, старики, дети? Воины, исполняющие свой долг? Или фашисты, пришедшие завоевать его страну?

Обманутый разум молчит, зато сердце говорит правду. Никита сделает выбор чести.

- [Даниил Калинин](#)
 -
 - [Пролог](#)
 - [Глава первая. Жизнь без войны](#)
 - [Глава вторая. Блицкриг](#)
 - [Глава третья. Еще повоюем...](#)
 - [Глава четвертая. Последний бой](#)
 - [Глава пятая. Поворот судьбы](#)
 - [Глава шестая. «Бранденбуржцы»](#)
 - [Глава седьмая. Первая задача](#)
 - [Глава восьмая. Диверсант](#)
 - [Глава девятая. Выбор чести](#)
 - [Глава десятая. Истинный воин](#)
 - [Глава одиннадцатая. Искупление](#)
 - [Глава двенадцатая. Схватка](#)
 - [Глава тринадцатая. Виктор](#)
 - [Глава четырнадцатая. Правда Веры](#)
 - [Эпилог](#)
-

Даниил Калинин

Выбор чести

Художник Игорь Варавин

© Калинин Д.С., 2018

© ООО «Издательство «Яуза», 2018

© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Пролог

...Холодный, промозглый воздух заставляет зябко передернуть плечами и плотнее подогнать форму. Ощущения премерзкие, легкий летний комплект совершенно не греет; сырость и ветер пронизывают тело до костей.

Утренний туман недавно рассеялся, открыв взгляду тяжелые, свинцовые тучи, нависшие будто над головой. Вот-вот пойдет дождь, который выбьет из тела остатки тепла. Хочется в сердцах выругаться, помянув и бездарное командование, и проклятый холод, совершенно не типичный для летней Франции. Вот только ребята чуть ли не молятся капризам природы. Ибо в такую погоду нам не ждать воздушной штурмовки...

За лесом шумят моторы. Это моторы немецких танков, и звук их работы обещает нам скорую схватку. Страшную и смертельно опасную. Так что тревога, не сходящая с лиц солдат, имеет под собой веские основания.

Вокруг меня собрался расчет: заряжающий и два подносчика снарядов. Все трое молодые парни, один бретонец, два гасконца. Когда я отбирал бойцов, происхождение из Гасконии стало определяющим фактором: по ту сторону Пиренеев их родственники показали себя отличными бойцами. Бретонец же, чья родная земля теперь находится под немцами, настроен драться до конца: для него эта война стала уже очень личной.

Но ни врожденная отвага, ни мужество не могут победить страх первого боя. Он написан на лицах бойцов, он читается в глазах. Но слава богу, в своих ребятах я не нахожу того ужаса, который парализует солдата, который ломает его волю и лишает мужества. И это очень важно. А страх? Что страх, только дурак первого боя не боится.

Форма новоиспеченных артиллеристов изгажена глиной и землей, пропахла крепким мужским потом. Мои бойцы не подшиты и не бриты, и в другое время я получил бы жестокий разнос от начальства за такой вид подчиненных. Но как бы я хотел, чтобы сегодня был именно *тот* день, когда я, красный как рак, слушал бы крики старшего офицера... Полночи мы готовили позиции и маскировались, пару часов сна удалось урвать уже на рассвете. Так что неряшливый внешний вид простителен и бойцам, и их командиру.

...Это уже было когда-то. Тяжелая ночь, наполненная земляными работами, краткий миг сна на рассвете... и первый бой. Тогда я выжил, а

что нас ждет сегодня?

...Шум моторов приближается. Сложно передать словами, но будто судорога проходит по линии солдат, укрытых окопами: все напряженно всматриваются вперед, на опушку, откуда должен появиться враг. И немцы не заставляют себя долго ждать.

Вперед вырываются два легких чешских LT vz.35. Германцы для себя их переименовали, но я помню только старое название. Танки легкие, хотя посерьезней немецкой «единички», и недооценивать их не стоит: пушки и пулеметы новоиспеченных панцеров могут без проблем уничтожить батальон, лишенный артиллерийской поддержки. Правда, у моего она имеется: мой расчет и пара «сюрпризов», спешно подготовленных за ночь. Но сделав ставку на внезапность, подчиненным я приказал вести огонь только по сигналу. И «легкие» разведчики, а это именно разведчики, не являются той целью, ради которой стоит подать этот сигнал.

Наглости немцев стоит позавидовать: от души врезав по молчавшим окопам из пулеметов, экипажи с коротких остановок открыли частый пушечный огонь. Они бьют по деревянным макетам, сооружаемым силами целого батальона, тщательно замаскированным и расположенным в самых удачных для артиллерии местах. Фактически немцы вызывают огонь на себя, и будь на месте деревянных стволов стволы орудийные, фрицам мало бы не показалось. Но враг, очевидно, уверен, что французы блефуют, и бронетехнике особой угрозы нет. Видимо, уже сталкивались с подобной хитростью.

Земля в окопах содрогается от каждого взрыва, а воздух наполнился запахом пороховой гари. Пехотинцы тревожно переглядываются, слышатся испуганные возгласы. Этот бой первый практически для всех.

Мой расчет замаскирован отлично, так что, я думаю, сейчас обойдемся без боя. Но на всякий пожарный я веду противника через оптический прицел «окопного» орудия.

Неожиданно что-то цепляет взгляд. Чуть поведя стволом орудия (так, чтобы его движение не было заметно), я направляю прицел на опушку леса.

Да, так и есть. Через оптику четко различается приземистый силуэт командирской «единички». Вот ведь... Умеют немцы воевать, причем сколь дерзко, столь же и грамотно. Сейчас их командир определяет цель и тут же передает ее по радиосвязи, фиксирует попадания и отсутствие ответного огня. А будь что неладно, он успеет предупредить подчиненных, сам не вступая в бой.

...Иногда на войне одного взгляда достаточно, чтобы почувствовать врага. Я разглядел панцер командира разведки, а секунду спустя в нашу

сторону круто развернулся один из «чехов». Совпадение? Или враги увидели, а скорее даже почувствовали друг друга одновременно?

В расчете я занял место заряжающего. И сейчас мне хватило буквально пары секунд, чтобы навести орудие на цель. Еще мгновение я колебался в надежде, что это совпадение. Нет, вторая коробочка тоже развернулась ко мне.

– Огонь!

Я опередил врага на долю секунды: мой снаряд ударил точно по корпусу, заглушив танк и сбив прицел немецкого наводчика. Ответный осколочно-фугасный ударил по траншее несколькими метрами левее. Послышались крики, но истощной боли покалеченных я в них не уловил.

Лобовая броня чешского танка 25 мм, расстояние между нами 500 метров. А бронебойный снаряд Mle1935 берет 18 мм на 400 метрах, так что мое попадание определяющим не стало. Зато второй танк, развернувшись к нам лбом, уже резко тормозит перед выстрелом...

В капонире нутужно заревел мотор старенького «Рено» FT-17. Танк-ветеран, сражавшийся в великую войну, и сегодня был небесполезен. Я возлагал на него большие надежды в грядущем бою. Горячий командир машины, лейтенант Анри Гюто (тоже гасконец), изготовил его к бою без команды – но этим он спас мой расчет.

Я построил огневую схему наличной артиллерии так, чтобы враг, разворачиваясь лбом к одному из нас, подставлял борт другому. Так что «Рено» в капонире имел возможность вести убойный огонь по корме панцеров, что тут же оценил командир немецкой разведки. Так и не сделав выстрела, второй «чех» мгновенно развернулся к новой угрозе, и наспех сделанный Анри выстрел ушел в «молоко».

«Мой» панцер запустил двигатель, но огрызнуться снарядом у него не получилось: мой расчет действует быстрее (скорострельность 37-мм траншейного орудия Пюто достигает 29 выстрелов в минуту). На этот раз я зарядил по башне «чеха». Пробить броню я, конечно, не смог, но удар бронебойного снаряда наверняка оглушил расчет. Тем не менее машина продолжила пятиться назад.

В это время дуэль танков скоротечно и трагично завершилась: «чех» имел значительное преимущество и в оптике, и в скорострельности, и в бронепробиваемости. Он маневрировал, а машина Анри неподвижно торчала в капонире. Точнее, торчала башня, но, видимо, немецкий наводчик оказался настоящим снайпером: я четко услышал звук попадания в башню «Рено». Последний успел сделать выстрел, но бронебойная болванка лишь чиркнула по корпусу немца. Вот только панцер на этот раз оказался

повернут ко мне бортом, и этот шанс я не упустил...

Первый снаряд ударил по ходовой. Две секунды – и следующая болванка таранит поворачивающуюся башню. В течение еще пяти секунд ровно два снаряда бьют по корпусу точно там, где находится топливный бак.

Я расстреливаю «чеха» как на учениях: дистанция 600 метров, его броня 16 мм. Значения предельные, но на них меня и натаскивали, и точность попаданий безупречна. Благо оптика орудия позволяет, а мой расчет работает как швейцарские часы. Как результат, буквально за десяток секунд немецкий танкер чешского происхождения (работающий на бензине) вспыхивает, словно коробка спичек. Танкист из наспех открытого люка успевает вылезти лишь наполовину, прежде чем столб пламени выбрасывает его покореженное тело...

По спине потянуло могильным холодом: отвлекшись на второй танк, я фактически погубил расчет – экипажу первого танкера времени было дано предостаточно. Правда, иначе я поступить все равно не мог: потеряв танк Анри, мы стали на треть слабее и против двух машин точно бы не справились. Тем более «чех» так удачно встал. Но вот теперь, лихорадочно наводя орудие на первую цель, я ждал неминуемого возмездия.

Военная удача любит смелых: неизвестно почему танкер продолжает молча пятиться задом. Ни орудийного выстрела, ни даже пулеметной стрельбы. И я рискнул, выстрелил по гусенице. Сгоряча промазал, но пара секунд, и вторая болванка находит цель. Немецкий механ в последний момент попробовал сманеврировать, но лишь упростил мою задачу. «Разутая» машина встала, и в прицел я увидел, как только один член экипажа покинул танкер.

...Два к одному, размен на деле отличный, если не вдумываться в то, что погиб товарищ, купивший наши жизни ценой собственной гибели. Но как бы то ни было, а подбив обоих «чехов», мы крепко сократили немецкую группу. Вряд ли один батальон будет атаковать больше чем два взвода танков, а значит, пятую (если не больше) часть их машин мы уже уничтожили. И кстати, неплохих машин, превосходящих самые многочисленные немецкие «двойки» и «единички».

Только вот на опушке по-прежнему остается командирский танкер. С позиции, которую я определил под свое орудие, до немца более километра. Тем более его закрывают деревья. А остался он для того, чтобы корректировать артиллерийский огонь: радиальные немецкие танки могут позволить себе вызывать и артподдержку, и даже авиационный налет.

Его надо если не подбить, так отогнать: пускай самое мощное мое

орудие не вступало в бой и не раскрыло себя, без второй пушки мы много не навоюем. А позицию моего расчета необходимо поменять, чего при немце никак незаметно не сделаешь.

Решение приходит быстро. Под моим командованием остались еще два ротных (60 мм) миномета с расчетами. Против танков они подходят лишь как средство усиления: гусеницу там порвать или попасть точно по двигателю – но это уже совершенная удача. Однако они мобильны и скорострельны.

Подбегаю к расчетам. Минометчики споро подхватываются, и уже вместе мы двигаемся к левому фасу траншей, откуда расстояние до опушки минимально. Быстрый бег с минометами дается нам нелегко, под конец мы дышим как загнанные лошади. Но ничего, зато немец сейчас запоем!

...Конечно, легкие ротные минометы фактически не опасны танкам. Вот только смотря что называть танком: Pz-I обладает броней, пробиваемой очередями даже ручных пулеметов (сам видел во время боев в Испании, у Эль Пингаррон).

Частая стрельба моих минометов тут же приносит результат: немец скрылся, как только первые мины стали падать рядом с машиной. Теперь остается ждать гаубичного огня. А то, что он будет невероятно интенсивным, я знаю наверняка: немцы всегда мстят за потери.

По моему сигналу бойцы расчета успевают убрать орудие. Я же, предупредив по цепочке пехоту, бегу к «разутому» танку: мне надо убедиться в правильности догадки. Со мной увязались два минометчика.

Добежать мы успеваем. Открыв башенный люк, я уткнулся в окровавленное тело командира танка. За ним обнаруживается заряжающий со страшно посеченным лицом.

На мертвых всегда тяжело смотреть, а на тела погибших на войне вдвое: человек делает с другим человеком то, что никогда ему не уготовит природа. И все же я близко склонился над противниками, чтобы понять, что стало причиной смерти.

Броня. «Шкода» выпускала танки с хрупкой, невязкой броней. И сегодня она выдержала попадание бронебойной болванки, но изнутри ударила веером осколков по ведущим бой членам экипажа. А механик, очевидно, не рискнул остановить машину и открыть огонь из пулемета. Будь он чуть посмелее, и под огнем его «зброевки» мы бы не смогли толком целиться, не сожгли бы второй панцер...

Забрав кормовой пулемет в качестве трофея и бросив пару гранат в открытый люк машины, я с минометчиками устремился к своим окопам. Взрыв панцера подогнал нас, и мы успели спрыгнуть в траншеи, прежде

чем земля встала дыбом под ударами тяжелых снарядов немецких гаубиц...

Глава первая. Жизнь без войны

Когда сидишь в ненадежном укрытии, которое может завалить землей в любую минуту, когда твое тело сотрясается от чудовищных ударов 150-мм снарядов и ты все ждешь *свой*, каждый ведет себя по-разному. Многие молятся, впервые в своей жизни обращаясь к Господу. Кто-то ругается, некоторые вообще сходят с ума... Есть такие, кто, потеряв счет времени, переживают эти секунды без каких-либо отчетливых мыслей.

Я уже воевал, уже попадал под артиллерийскую подготовку врага. Тогда я молился, потом забывался... Но сегодня перед глазами отчетливо встали картины мирной жизни. Не марсельского детства, а того времени, когда мы с матерью и женой вернулись из Испании...

...В свое время я обещал показать Дунише Париж. Оказавшись во Франции, я сразу выполнил обещание.

В предыдущий раз в столице я был совсем ребенком, когда мы с мамой являлись фактическими беженцами. Тогда город оставил в моей памяти лишь смутные, неясные образы чего-то роскошного, но безумно далекого. Оказаться в Париже вновь, но теперь уже при деньгах, было чем-то вроде мечты, чем-то вроде красивого жеста, с которого стоило начать новую жизнь.

Город поражал, восхищал и просто оглушал размерами, красотой и многолюдством. В первые часы пребывания в нем казалось, что мы попали в какую-то сказку – недаром Париж считается одним из самых красивых (если не самым красивым) городов мира. Количество великолепных дворцов в нем неисчислимо – Елисейский, Луврский, Люксембургский, Бурбонский, Матиньонский, только что построенный Шайо... И каждый из них имеет свою особенную историю и легенды, которые сочно и интересно расскажут экскурсоводы или пожилые парижане, желающие просветить молодых провинциалов.

Но разве только дворцы украшают город? Здание Парижской оперы, Пантеон или Дом инвалидов, собор Парижской Богоматери или базилика Сакре-Кер, разве они не сравнимы с их красотой? А визитная карточка Парижа? Казавшаяся современникам монструозным сооружением, в наши дни Эйфелева башня присутствует на всех фотокарточках города. Парижане считают ее символом, и кажется, что современный вид столицы без нее совершенно невозможен.

Мама бывала здесь ребенком и кое-что запомнила о городе, девушкой

же немало прочитала про «столицу любви». Поэтому в первый же день мы отправились на Монмартр. Тяжелый подъем компенсировался потрясающим панорамным видом города. Мама показывала на тот или иной дворец или церковь и рассказывала все, что знала об этих местах. Экскурсовод из нее получился весьма недурственный, мы с Дунишей просто заслушались!

...Квартал запомнился своей особенной атмосферой. С одной стороны монументальное сооружение базилики Сакре-Кёр, с другой – дешевые бистро, кабаре, знаменитый «Мулен Руж», площадь Тетр, где мы заказали два портрета: один со мной и Дунишей, один со мной и мамой. После чего вкусно подкрепились в недорогом бистро, где официанты с чувством поведали легенду о происхождении названия заведения. Их версия заключалась в том, что казаки в далеком 1814-м любили подогнать нерасторопных разносчиков и поваров, при этом выкрикивая русское «быстро!».

...Монмартр – квартал творческих людей, а площадь Тетр – их столица. Неторопливо обедая на летней веранде, прилегающей к ней вплотную, мы стали свидетелями выступлений поэтов и музыкантов, каких-то фокусников и комедиантов, и ведь никто не мог утверждать, что эти уличные артисты никогда не получают мировой славы и признательности. Жители Монмартра часто выбиваются в люди.

Время бежало незаметно, а уходить из гостеприимного бистро не хотелось. Война, гибель товарищей, ранения, госпитали, конфликт с мафией – все это наконец меня отпустило, осталось позади. Я наслаждался выступлениями уличных артистов, красками закатного солнца и танцем огня восточных красавиц, исполненным во тьме наступающего вечера. И насколько же мне было тепло и уютно, каким ласкающим и мягким был воздух, как ароматно пахло на этой площади...

...Мы повенчались с Дунишей в Париже, в кафедральном соборе Александра Невского. Собор, построенный еще при царях на пожертвования русских людей и императорской фамилии, был словно частицей еще той, дореволюционной России. Значительное число русских прихожан, проживающих в Париже, только усиливало это чувство, а внешний вид храма напомнил мне резной терем из детских сказок.

Надо сказать, что после войны и службы с наваррскими рекете я поменял свое отношение к религии, к Церкви. Наваррцы заставляли уважать свою веру поступками, и я счел, что католическую Церковь по праву можно назвать всеобъемлющей, «ведущей». Но, как оказалось, с выводами я поспешил.

Как описать то духовное состояние, что я ощутил во время службы? Как описать то, что через слова молитв на церковно-славянском со мной будто заговорили далекие предки, словно ожили герои Невской битвы и чудского побоища? Казалось, что с церковными штандартами, стоявшими в храме, еще русские богатыри шли в битву отстаивать свою веру, свободу и землю...

Я молился Господу, Богородице, всем святым, которых знал, – и это был не призыв о спасении на смертном поле, это было *общение*! Да, ответных слов я на свои мольбы не услышал, но я *чувствовал*, что мои слова слышат, я *ощущал* присутствие тех, кому молился, тех, кто взирал на меня со Святых Образов... Впервые я осознал термин *Благодать*.

...Дунишу крестили, крестных удалось найти среди русских прихожан. Этих же славных людей чуть позже мы пригласили на венчание.

День венчания был особенным. Мама, крестная и Дуниша втайне выбирали платье, а ночь перед бракосочетанием я жил в другом отеле. Впервые в жизни я причастился, познав таинство единения с Господом, великое Церковное таинство... Правда, ему предшествовало нелегкое испытание – исповедь, на которой мне пришлось поведать все свои грехи. А там были не только убийства на войне: я был причиной гибели Рауля и бандитов Жерома. Пускай дроздовцы убеждали меня в правильности содеянного, в душе я считал себя виновным в гибели хоть и нехороших, но людей. Слава богу, батюшка не стал накладывать на меня строгой епитимьи и допустил и к венчанию, а по такому случаю и к причастию.

Комичной получилась ситуация с Дунишей: переводить через меня грехи на русский (и читать потом с листочка) она категорически отказалась, так что нам пришлось искать православного священника, владеющего испанским. (Во время крещения я переводил ей.)

...Но вот наконец само таинство венчания, состоящее из двух чинов: чина обручения и чина венчания. Все происходящее помню урывками; несмотря на то, что я очень старался вникнуть в смысл читаемой службы, получалось не очень. Зато было чувство трогательного волнения от обретаемой нами с женой благодати и духовного родства, восторг от создания уже полноценной, окончательной семьи. Торжественность момента, случающегося единственный раз в жизни.

Я запомнил нежные прикосновения маленькой и теплой ручки любимой, запомнил вкус церковного вина из той чаши, которую дают испить молодым. Я не знаю, был ли это просто кагор или вино каким-то образом еще освящалось – ведь, освященное, оно меняет свой вкус. То, что пили мы, было неповторимо сладким и ароматным – подобного я никогда

раньше (и позже) не пробовал.

Никогда мне не забыть глаза моей маленькой супруги – во время венчания они стали просто огромными и невероятно восторженными, как будто свершилось нечто совершенно невероятное! А впрочем, ведь так оно и было.

Да, мы стали мужем и женой и перед людьми, и перед Богом. Теперь уже окончательно. Дунише довольно быстро выдали нансеновский паспорт, где отныне значилась моя фамилия, и каждый раз, когда я об этом думал, я счастливо улыбался.

...Чем еще запомнилась столица? Неповторимой красотой Парижской оперы и глубиной исполнения ее артистов. Выбирали мы между «Кармен» и «Севильским цирюльником». Я был убежден, что моя испанка захочет увидеть постановку, напоминающую ей о родном доме, однако Дуниша поддержала мое желание лицезреть что-то более жизнеутверждающее и веселое. И «цирюльник» нас нисколько не разочаровал, искрометный юмор в купе с интересным сюжетом были прекрасным дополнением к сильнейшим голосам певцов.

...Конечно, мы были и на Эйфелевой башне – как и все, кто приезжает в Париж впервые. Вид с нее открывается потрясающий, и место это особенное, однако эмоции от посещения «визитной карточки» города смазало огромное количество посетителей. Для полноты ощущений не хватало хотя бы видимости романтического уединения...

А больше всего в Париже мне понравились, как ни странно, прогулки по многочисленным и неизвестным улочкам в старых районах, названия которых я не запоминал. Узенькие, выложенные брусчаткой, сплошь окруженные зданиями старинной постройки, они произвели на меня большее впечатление своим домашним уютом, чем все величие дворцов. Редкие скульптуры или украшения из цветов смотрелись здесь более органично, чем их бесчисленное множество рядом с тем же Лувром.

Неспешно гуляя с Дунишей по неизвестным маршрутам, мы выходили порой к набережной Сены или к многочисленным паркам города, с удовольствием съедая по мороженому или заказывая пару круассан в бистро. И лирика прогулок по вечернему городу так сильно запала мне в душу, что старинные улочки Парижа снились мне много после...

Жизнь в столице не могла быть слишком долгой, высокие цены и праздность нашего существования очень больно били по карману. Жилье на ту сумму, что у нас имелась, приобрести возможным не представлялось. Так что мы приступили к поискам нового дома.

В конечном итоге мой выбор остановился на Пуатье. Дуниша хотела

поселиться поближе к границе с Испанией (точнее, с Бискайей), а мама предлагала какой-нибудь маленький городок или даже деревню, где цены на все были в разы меньше. Однако вся их аргументация была сломлена тем, что я сделал выбор со своей будущей профессией.

Я прекрасно осознавал, что мой потолок не ограничивается местом официанта или грузчика, а карьера профессионального боксера была мне заказана после Марселя. В боях на тотализаторе всегда замешана местная мафия, а учитывая немногочисленность боксеров от сават или шоссона и тесное общение мира бандитов, меня могли легко узнать. В таком случае месть головорезов Карбона была бы неминуемой.

Но также я понимал, что без достойного образования не смогу получить хорошей профессии. Крайне важным был и сам выбор рода будущей деятельности. И покопавшись в себе, я осознал, что не хочу быть ни инженером, ни железнодорожником, ни банковским клерком. Нет, мой путь был иным. Я решил стать офицером.

На этот выбор повлияло множество причин. Все свое детство я был угнетаемым сверстниками и жил с мамой в дикой нищете. И, несмотря на то, что благодаря этому я научился бороться за себя, я никогда не осознавал себя тем, кем был по праву рождения, – потомственным русским дворянином. В детстве дворянство для меня ассоциировалось с богатством, с сокровищами, сказочными теремами. Но только после общения с дроздовцами я понял, что истинный и главный долг любого дворянина – это безответное служение своей родине в той форме, на которую ты способен. И настоящий дворянин – это не богач, который кичится славой и наследием предков, нет. Настоящий дворянин – это человек, посвящающий свою жизнь и смерть отчизне. И самый понятный мне вариант подобного служения – это военная карьера офицера.

Кроме того, для меня было крайне важно то, что русским офицером был мой отец. Я знал это с самого детства и, еще не понимая истинного значения служения, уже ребенком мечтал стать военным.

Свое боевое крещение в Испании я принял среди офицеров дроздовцев, какое-то время даже командовал небольшой группой солдат (полуротой это точно не назовешь, но все же больше, чем отделение). И с того момента подсознательно я уже считал себя офицером.

Так что факторов, повлиявших на мое решение, было много. И очевидно, на то была Божья воля: поделившись своими соображениями с крестным Дуниши, я получил горячую и действенную поддержку. Я знал, что Владимир Григорьевич Белицкий был (как и многие эмигранты) офицером царской армии и белой гвардии. Однако я не мог знать, что он

также является офицером-воспитателем в Русском кадетском корпусе-лицее имени Николая II и имеет определенные связи (Владимир Григорьевич воевал в экспедиционном корпусе во Франции). Перед венчанием он с удивлением и особым вниманием выслушал историю моего знакомства с Дунишей. А позже я рассказал ему о всех своих приключениях в Испании и о своем желании стать офицером. И по Божьей воле именно в его лице я заполучил ключик к осуществлению своей мечты, а точнее, рекомендательное письмо к руководству артиллерийской школы в Пуатье.

...На оставшиеся у нас деньги мы смогли приобрести небольшую квартиру на две комнаты в уже довольно старом доме. Но на большее средств не хватало, а после Марселя мне и маме такое жилье (собственное!!!) представлялось дворцом.

Мое поступление откладывалось практически на год, и мне за это время необходимо было хорошо подготовиться к вступительным экзаменам, для чего требовались репетиторы. Поэтому, как бы ни отвратно было возвращение к работе официанта, мне снова пришлось лебезить и услуживать «господам». Хотя на этой работе были свои преимущества (чаевые, еда в заведении), делающие ее более привлекательной, чем работу строителя или грузчика, так что жаловаться не приходилось. Особенно учитывая наше положение.

Мама также искала работу. Устраиваться в дворники я ей запретил, место швеи получить не удалось. Но неожиданно пригодились знания латинского языка: в аптеке рядом с нашим домом требовался фармацевт. Как-то получилось, что квалифицированного специалиста не нашлось, и аптекарь дал объявление, приглашающее грамотных людей, знающих латынь. Кандидатура матушки его вполне удовлетворила.

Дунишу, еще плохо владеющую французским, на семейном совете решили оставить дома – присматривать за хозяйством и также заниматься с репетиторами. Так вроде бы успешно началась наша общая семейная жизнь...

Знаете, почему все сказки заканчиваются свадьбой? Потому что после свадьбы заканчивается сказка. Пока будущие супруги встречаются, влюбляются друг в друга, пока длится период ухаживания, молодые люди очень трепетно относятся к возлюбленной(ому), боятся друг друга обидеть. Требования, предъявляемые к объекту влечения, минимальны: главное, чтобы человек был рядом и не изменял.

Совершенно иная ситуация ждет супругов. Вместо того чтобы празднично наслаждаться жизнью вдвоем, им приходится вместе жить и обустривать

свой быт: работать, готовить, убирать, стирать, ремонтировать и т. д. У каждого появляются свои обязанности, но далеко не каждый успешно с ними справляется, и не каждый согласен с их разделением.

Молодые жены очень редко сразу становятся хорошими хозяйками. Это только свекрови в своих воспоминаниях сразу обладали многолетним опытом быстрой и вкусной готовки, безропотно убирали дом и т. д. На деле все приходит со временем, но не все мужья это осознают. Как результат, когда новоиспеченная супруга оказывается не очень способной хозяйкой, супруг начинает предъявлять претензии: а почему не убиралась, почему не приготовила? И т. д.

Жена, получив за неубранный дом или неприготовленный обед, идет в контрнаступление, указывая на невыполнение каких-то мужских обязанностей, или упирает на тот факт, что у мужа их значительно меньше (по крайней мере, в квартире). Затем она призывает оказывать ей помощь в уборке и на кухне.

И что же? Супруг соглашается. Помощь любимой по дому кажется нормальным и разумным шагом. Но не тут-то было! Зачастую женщина очень быстро привыкает к тому, что мужчина готовит и убирает, и все ее обязанности как-то плавно перетекают к нему (хотя опять-таки, роль паразита может «переходить»).

Если мужчина имеет голову на плечах, а также мужскую гордость, он сопротивляется, заставляя супругу не отлынивать. Но вряд ли он делает это в мягкой форме, нет: он начинает приказывать, ругать, тем самым заявляя свое высокое положение в семье. А у женщины из свободолюбивого горного народа вдруг обнаруживается сильный характер и дух противоречия. Если она не права, но при этом ее ругают, она ни за что не признает свою неправоту.

...В конечном итоге у молодых есть серьезный шанс разобраться самим. Муж понимает, что грубость в общении с женой – не самое лучшее средство, и начинает общаться с ней спокойно, аргументированно. Жена, понимая на деле свою неправоту, учится вкусно и быстро готовить, начинает поддерживать порядок в доме. У молодых еще много мгновений романтики, беззаботности, прогулок под звездами и красивых признаний... Главное, чтобы не было третьей силы, активно раскачивающей лодку молодой семьи.

Конечно, речь идет о родителях. Кто такой родитель? Это человек, давший жизнь своему ребенку, обнимавший свою кроху еще совсем малюсеньким, помнящий первые шаги малыша, помнящий, как он в первый раз звал его, как трогательно плакал... Родитель всю жизнь

защищает и пытается помочь своему ребенку, пытается оградить его от беды – ведь для родителя сын или дочка всегда остаются такими же крохотными, как и в первые дни их жизни. И эти чувства может понять только другой родитель.

А еще родитель отличается от своего ребенка тем, что он старше его и гораздо лучше знает жизнь. Точнее, он уже знает результат тех или иных действий и последствия ошибок, с ними связанных. Родитель в горячности своей любви забывает, что молодые учатся на своих ошибках, что в молодости также на ошибках учился, никого не слушая. А может, никого рядом не было, некому было учить... Главное, родитель знает только результат. Он забывает, что к результату нужно прийти, что этот путь молодые должны пройти вместе!

Конечно, ситуации бывают разные, иногда безотлагательное вмешательство просто необходимо.

Но чаще всего советы, данные ребенку с позиции своего опыта, имеют не положительный, а отрицательный результат. Подмечая те или иные недочеты вторых половинок своих детей и рассказывая о них, родители фактически настраивают супруга(у) против любимого, создают дополнительную напряженность в молодой семье. Хозяйский, практический опыт в семейных делах приходит со временем, только мамы (и папы) об этом забывают. Им кажется, что они всю жизнь все умели, хотя это далеко не так.

Если один супруг чего-то не умеет, но при этом старается научиться (или со временем понимает, что учиться надо), а вторая половина не особо и замечает этот недочет, то у них все хорошо. Время пройдет, и все будет. Родитель же, достаточно умный, чтобы не выяснять отношения напрямую, но недостаточно мудрый, чтобы понять, что нужно время, рассказывает обо всем ребенку. Рассказывает обо всем, что не нравится именно ему, родителю! А ребенок, который понимает, что родитель-то, по сути, прав, идет выяснять отношения. И в ходе очередного конфликта, начавшегося ни с того ни с сего, супруги редко могут не раскрыть, что подтолкнули их к конфликту родители! И вот тогда начинается самое интересное...

Одним словом, надо было как-то ухитриться купить две квартиры. Но и денег не хватало, и вариантов доступных было немного, и маму жалко было одну оставлять. Какими будут последствия данного выбора, я и представить себе не мог.

Но в конечном итоге все встало на свои места. С одной стороны, я стал добиваться от Дуниши того, чтобы она образцово содержала дом, с другой – запретил матери хоть намеком выражать свое недовольство супругой.

Чего мне это стоило – отдельная история. Но тот факт, что летом я буду поступать в артиллерийскую школу и дома буду бывать в немногочисленных увольнениях, отрезвил моих женщин.

...Год семейной жизни пролетел незаметно. Все плохое осталось позади, а все хорошее, все моменты семейного счастья, весь домашний уют настолько сильно въелись в меня, что я практически раздумал поступать.

Но мир менялся. В воздухе запахло большой войной. О войне не давала забыть Испания (мы активно следили за событиями гражданской), войну предсказывала стремительная милитаризация Германии (демилитаризация Рейнской зоны, оккупация Австрии). О войне судачили французы, и в их разговорах не было уже той веры в мощь собственной армии и ее наступательного порыва. Все надежды возлагались на линию Мажино, но тут же вспоминали про «Центурион», не сумевший защитить Бильбао... Наконец, главное – моя интуиция также подсказывала мне, что война неотвратима, неотвратимо и мое в ней участие. И раз уж так, лучше принять ее в должности артиллерийского командира, а не бесправного пехотинца, чьи смерти на войне исчисляются сотнями тысяч.

Несмотря на внушительную подготовку, занявшую практически целый год, к моменту сдачи вступительных экзаменов никакой уверенности в себе у меня не было. С юношества я всегда находился в неплохой физической форме, но на сдаче меня ожидали верховая езда и фехтование, дисциплины аристократические, но, на мой взгляд, давно уже мертвые. Впрочем, дальнейшая моя учеба поставит под сомнение столь спорные суждения, а пока приходилось сцепя зубы разучивать приемы сабельной схватки и фехтования на шпагах, до посинения скакать верхом. В какой-то момент я втянулся, и каждый раз, беря саблю в руки или преодолевая очередной барьер, я чувствовал себя настоящим аристократом. Впрочем, все познается в сравнении: в школе из меня получился самый слабый фехтовальщик и наездник, а экзамен по физической подготовке удалось сдать лишь после демонстрации техники бокса и сават.

Я всю жизнь любил историю и географию, хотя мне пришлось изрядно попотеть, готовясь к сдаче. Тяжело было с физикой и математикой, а химию еле-еле вытянул на самый низкий балл. Трудности были и с иностранными языками: английский и немецкий я до того учил только в школе (немецкий), а уровень знаний казался достаточным лишь на фоне моих одноклассников-неучей. Репетиторы не проявили должного усердия (а может, я и сам не уделил языкам достаточного внимания), но экзамен я завалил. Пришлось идти ва-банк, демонстрировать знания русского и испанского. Это несколько смутило экзаменатора, и он (с оговорками и моими клятвенными

заверениями) пошел навстречу, допустив меня до дальнейших сдач.

А вообще, без рекомендательного письма у меня не было никаких шансов. Дело в том, что в артиллерийскую школу в Пуатье направляли наиболее подготовленных унтер-офицеров из действующей армии и младших лейтенантов, окончивших Сен-Сир или политехническую школу. Последние, как правило, были представителями дворянских фамилий и держались особняком. Я не принадлежал ни к одной из групп, более того, мое гражданство само по себе находилось под сомнением.

Все решила личная встреча с начальником курса, которому были адресованы рекомендации.

...Невысокий, крепко сбитый вояка, с щеточкой усов, до синевы выбритым подбородком, с холодным и цепким взглядом, оценивающе глядел на меня поверх листка бумаги. Он прочитал письмо, но продолжал держать его в руках, видимо, проверяя мою выдержку. С выдержкой в последнее время были проблемы, но я выстоял.

Затем состоялся долгий и вдумчивый разговор, в ходе которого капитан Шемаль последовательно расспросил меня про семью (особенно про отца), про мою мотивацию при отправлении в Испанию, очень долго расспрашивал меня об участии в гражданской войне. Его интересовало буквально все, а наибольший профессиональный интерес вызвало, естественно, действие артиллерии.

Я также последовательно ответил на все его вопросы, после которых капитан уточнил непосредственно о моем желании стать французским офицером. Я ответил именно то, что думал о будущей войне.

Подытожил капитан словами: «Будешь служить. Нам нужны обстрелянные офицеры».

...Так началась моя учеба и официальная служба. Что больше всего мне запомнилось за эти два года?

Унтера, к которым меня определили, по первости крепко невзлюбили «русского выскочку», «цивила». Командиром отделения я, естественно, не стал, а потому все «лучшие» наряды доставались мне, и заступал я в них через сутки. В увольнения я не ходил (командир отделения ни за что не соглашался подписать листок, откровенно смеясь в лицо), учеба также не могла выпрямиться из-за пропусков занятий (через сутки наряд!). Офицеры не лезли во внутреннюю жизнь курсантов, считая, что «молодой» или «заслужил» наряды провинностями, или вместе с другими не признавали гражданского в артиллерийской школе.

Однако все изменилось, когда к нам приехала группа английских военных, предложивших, между прочим, товарищеский спортивный матч.

Состязались по нескольким дисциплинам, в том числе и по боксу. Тут-то про меня и вспомнили.

Французы откровенно плохо владели искусством английского мордобоя, но также не изучали и отечественный сават. В итоге англичане вдребезги разбили сборную школы, выиграв практически все поединки. Практически все и практически у всех. Кроме одного исключения.

Британцы дрались классически, их прямые удары были молниеносны и точны, но побеждали они в основном без нокаутов, просто перебивая соперников. Меня перебить не удавалось: я рвал дистанцию, втягивался в клинч, наносил много хуков и апперкотов с уклонов и нырков и раз за разом отправил в глубокий сон трех оппонентов! Мне рукоплескала вся школа! Стоя!

Но последний англичанин, до того не вступавший в схватки, сумел мне доказать, что классический бокс рано списывать со счетов...

...Меня нехорошо кольнуло спокойствие оппонента. Не то чтобы напускное, а неподдельное – англичанин был явно уверен в себе. И это после трех поражений его соотечественников! Потому я начал не спеша, поддерживая противника провоцирующими выпадами левой руки и чуть тесня его в угол ринга.

Но боксер, сделав пару шагов назад и никак не среагировав на выпады, молниеносно выбросил левый джеб. Привычно нырнув под удар, я попытался развить контратаку, но мой кросс только рассек воздух: англичанин легко ушел в сторону. Он уже видел меня на ринге и изучил мою тактику, потому без труда переиграл.

Теперь ближе к канатам стоял я. Привыкнув работать на контратаке, я решил дать возможность развить активность оппоненту и тут же пропустил правый прямой. Англичанин будто взорвался ударом, отбросив меня назад.

Я мгновенно поднял руки, ушел в сторону... но противник остался стоять в центре ринга, победительно вскинув руку.

Это была красная тряпка: почувствовав позор унижения, я бросился вперед, желая просто сокрушить британца! И чуть ли не проиграл бой: противник легко уходил от ударов, резал углы и постоянно пробивал встречные прямые, точно находящие голову. Я же ни разу акцентированно не попал: кулаки или бесполезно резали воздух, или утыкались в блоки.

Пока шло краткое время отдыха, англичанин насмешливо и снисходительно посматривал на меня. Но второй раз у него уже не получилось завести противника. Я уже понял, насколько оппонент силен и опасен, потому предельно собрался и не позволил себе лишних эмоций.

Прозвучал гонг, и мы вновь стали сходиться. На этот раз я сам много

маневрировал, уходил от атак разрывом дистанции или нырками. В зале стали улюлюкать и свистеть. Британец же стал понемногу злиться, снова попытался вывести меня из себя, вскинув руку и призывно раскрываясь. Нет, я только в ответ манил его: иди ко мне!

И он пошел. Только на этот раз я знал, я чувствовал его удар. Противник выстрелил им как пружина, и именно туда, куда я должен был нырнуть! Но показав нырок, я мощно ударил вразрез в живот правой и тут же пробил апперкот! Голова британца взлетела вверх, но мгновение спустя мой мир будто взорвался от мощного хука! Меня отшвырнуло к канатам, но я не упал. Британец со свирепо перекошенным лицом прыгнул вперед, желая добить – и поймал встречный кросс! От левого хука, брошенного вдогонку, он отклонился, контратакуя правым боковым, но я нырнул под него, достав корпусом мощнейшим правым крюком. Он явно сбил его дыхание...

Англичанина спас гонг.

Третий раунд прошел пассивно: мы оба работали прямыми, не ввязываясь в рубку. Четвертый, пятый, шестой, седьмой... Я очень устал, никогда мои бои не были столь долгими. Но приходилось сражаться, сражаться за честь школы, за свое право быть ее курсантом.

...На этот раз чуть «повальсировав», я отступил в угол. Противник встал напротив: он был как кобра, готовящаяся к броску. Но за секунду до атаки я дернулся вперед и тут же откинулся назад, проваливая акцентированный кросс англичанина... и нанося мощнейший встречный прямой! Противник упал, рефери начал счет! Победа!!!

...Я поторопился. На пятой секунде британец встал, коротко усмехнулся и жестом поаплодировал мне. Я рискнул, попытался его добить. Как я бил... Англичанин все время рвал дистанцию, контратаковал, но я принимал неакцентированные удары, сам же бил много сильнее! В какой-то момент он пропустил прямой по корпусу и, согнувшись, прижался к канатам. Будто превратившись в отбойный молоток, я обрушил ураган сильнейших ударов, которые должны были просто убить человека! Каждый удар мог быть последним...

Но в какой-то момент, не чувствуя уже никакого сопротивления, я просто остановился. Остановился на мгновение, только лишь вздохнуть... и пропустил. Апперкот был столь стремительным, что я ничего не увидел и не понял, просто очнулся, лежа на полу. Рефери отсчитал уже десять. Прозвучал гонг. Спасительный гонг, остановивший отсчет моего нокаута.

Да... это было что-то. К сиденью меня вели, я ничего не понимал, ноги подгибались. Кто-то хотел выкинуть белое полотенце, но я остановил его

жестом:

– Ради школы...

...Весь раунд я просто стоял в углу как совсем недавно британец, послушно позволяя делать ему из себя отбивную. Но не упал. Еще три раунда я немного двигался. Он тоже немного двигался, мы обменивались короткими ударами, иногда даже точными... но обострять были просто неспособны. И вот конец боя.

Меня, шатающегося, вывели в центр ринга. Это был самый тяжелый мой бой, и я его проиграл, проиграл, несмотря ни на что. Я знал это и лишь пытался виновато улыбаться вдребезги разбитым лицом.

Рефери выкрикнул что-то непонятное и... поднял руки обоих боксеров. Ничья!!!

...Конечно, это была политика: никто не хотел конфликта между союзниками, который мог породить этот поединок. Британец что-то одобряющее шепнул мне, но я его не понял, лишь устало кивнул в ответ.

Когда я проходил сквозь ряды ликующих сослуживцев, они аплодировали стоя, бешено выкрикивая мое имя и мою национальность. Да, я русский, спасибо, ребята, что напоминаете... В конце меня ждали унтера моего взвода. Вперед вышел командир отделения и молча протянул мне четыре увольнительные.

Дома мои женщины чуть с ума не сошли, увидев мое лицо. Когда с меня сняли рубаху, маме чуть ли не стало плохо. Насилу успокоили.

Узнав подробности схватки, очень удивилась Дуниша. После того как я на ее глазах в пух и прах разбил трех марокканцев, ей было как-то странно видеть меня в таком состоянии. Ну, ничего. Для меня главным были эти моменты истинного, домашнего счастья. Только служившие на казарменном положении поймут, что такое домашнее увольнение. Да еще и на целых четыре дня!

...Отношения с курсантами изменились в корне. И дело было не только в ставшем уже легендой поединке. Когда я вновь вернулся в казарму, мы поговорили с унтерами по душам. Как оказалось, для них не было секретом мое участие в войне в Испании, так же как и выбор стороны, за которую я воевал.

Так вот, несмотря на то, что политики Франции во многом шли на поводу у англичан, понуждавших закрыть глаза на помощь франкистам и требующих не оказывать ее республиканцам, большинство французов (особенно в военной среде) симпатизировало последним. И в первую очередь как раз потому, что франкистам помогали итальянцы и немцы – потенциальные враги. Отрицательное отношение ко мне было вызвано

именно этим, но никто не захотел со мной просто поговорить о недавних событиях моей жизни. Что же, хоть после турнира заговорили!

История моей семьи, рассказ о дроздовцах и их идеалах (про Марсель я разумно промолчал), а также подробности моего боевого пути произвели на французов сильное впечатление. Достаточно сказать, что командир отделения стал обращаться ко мне на «вы», а в коллективе за мной закрепилась «должность» третейского судьи. Да к тому же я совершенно забыл про наряды.

...Многое в артиллерийской школе было мне в новинку. Мирная армия предстала с той стороны, которой я раньше не знал: те же наряды, помешанность командиров на чистоте помещений, внутренняя обостренность отношений в коллективе, жизнь по строгому распорядку... Воровство. Бывало и такое, хотя «крыс» наказывали жестко. Очень ценились увольнения, которые нужно было заработать не только отсутствием недочетов по учебе, но и личной успеваемостью. А командиры к тому же мотивировали нас «помогать» товарищам, «отбивая» увольнения всему взводу за плохую оценку хоть одного бойца.

Учеба же мне нравилась и была безумно интересна – будущих французских артиллеристов готовили на совесть.

Началом нашей подготовки стали занятия по определению расстояния до цели. К слову, после Испании у меня и так развился отличный глазомер, я действительно был одним из лучших курсантов, но некоторые вещи были и мне в новинку. Если определять расстояние по звуку, вспышке выстрела в ночи, отрезкам местности, ну, или при помощи большого пальца правой руки я умел, то работы с тем же биноклем, определения с его помощью отклонения разрыва от цели я не знал.

Нас учили грамотно определять по характерным признакам замаскированные цели: дзоты, командные и наблюдательные пункты, вражеские батареи; по струям дыма – расположение минометных расчетов. Учили правильно указывать цель расчета и грамотно выбирать точку наводки, учили тонкостям правильной установки и чтения угломера панорамы.

До начала боевых стрельб мы до автоматизма оттачивали навык правильной горизонтальной наводки орудий, и вертикальной – минометов. Соответственно на первых настоящих стрельбах мы били по неподвижным мишеням, учились брать их в «вилку». Чуть поднатюпав в данном направлении, мы перешли к самой важной части нашего обучения – стрельбе по движущимся целям. В первую очередь это могли быть танки (самый страшный наш противник) и броневики противника. Неплохо

наловчившись бить неподвижные мишени, курсанты вполне сносно научились брать фигуры упреждения и поражать цели,двигающиеся под углом или боком к орудию. Кроме того, мы научились верно определять расстояние при любой температуре воздуха.

Однако обучение в артиллерийской школе вызывало у меня двойные чувства.

С одной стороны, наученные горьким опытом Великой войны французы полностью избавились от лишнего щегольства и бравады. Давно была забыта «теория решительного натиска», согласно которой отвергались создания любых фортификационных сооружений, и артиллеристы вели бой с открытых позиций. Канула в Лету яркая, разноцветная форма, которая должна была возбуждать боевой дух солдат (на деле она значительно облегчала труд стрелков противника). А сами пехотинцы больше не ходили в атаку в полный рост, в плотных шеренгах, которые начисто выкашивал артиллерийский и пулеметный огонь врага.

Сегодня школа готовила профессиональных военных. Солидный теоретический курс давал по-настоящему академические знания; необходимые нам формулы и функции, а также табличные значения вытесняли из головы все посторонние мысли. Разбуженный ночью курсант был способен с ходу выдать радиус разлета осколков, фугасное действие или значение бронепробиваемости тех или иных типов снарядов.

Практические занятия проводились регулярно. По числу боевых стрельб, проведенных с курсантами, школа выходила на одно из первых мест в мире! Не случайно для ее выпускников попадание с 800 метров из противотанковой пушки Гочкинса (нашего основного противотанкового орудия) в мишень размером 80 на 80 сантиметров было средним результатом!

Кроме того, очень большое внимание уделялось искусству фортификации: преподаватели, зачастую являющиеся ветеранами-фронтовиками, азартно зарывали нас в землю по самую макушку, доказывая важность своевременной подготовки позиции. Мы столь же азартно ругались сквозь зубы самыми последними словами, но каждый курсант в душе осознавал необходимость и такого учения.

Помимо непосредственно фортификации и огневой подготовки, большое внимание уделялось маскировке и тактике ведения боя – в том числе подготовке засад.

Оставшееся время было разделено между прочими дисциплинами, среди которых на первое место выходила проклятая всеми курсантами шагистика. Причем, как мне кажется, проклинали ее не только во

Франции...

Стандартной подготовке пехотинца (стрельбе из винтовок и личного оружия, метанию гранат, штыковому бою) было выделено незначительное количество времени. И само обучение было, мягко говоря, посредственным. Но на это имелись объективные причины: во-первых, задача артиллериста заключается во владении орудием, а не винтовкой; во-вторых, курсанты априори должны были владеть стандартным оружием, придя в школу армейскими унтер-офицерами или закончив Сен-Сир. Без ложной скромности стоит отметить, что багаж знаний, «заработанный» мною в Испании, позволял быть мне в этой дисциплине первым.

Физическая подготовка была обязательной частью нашей жизни, и, к слову, она помогала здорово сбросить напряжение учебы. В первую очередь это были всё те же фехтование и верховая езда. Как уже было сказано, здесь я был в числе последних, зато осознал пользу обеих дисциплин. Что касается верховой езды – то в эпоху мотора лошадь, как ни странно, оставалась в армии главным средством передвижения, которое никак нельзя было недооценивать. Что касается фехтования, то оно здорово развивало тело, гибкость и координацию.

А вот именно рукопашный бой был представлен лишь факультативной секцией бокса, которую курсанты посещали разве что в свободные от учебы дни. Я же, после памятного боя, секцию не посещал – не было времени.

Это с одной стороны.

Но с другой – складывалось полное впечатление того, что французское командование в очередной раз готовится к «прошлой войне». Да, насыщенность артиллерии в пехотной дивизии (2 артиллерийских полка, дивизионная противотанковая рота, а также батальонная и полковая артиллерия) вызывала уважение. Число батарей в стрелковой дивизии превышало число пехотных рот, а количество оружейных стволов (62 орудия, не считая 7 минометов) превосходило артиллерийскую мощь стрелковой дивизии любой иной армии мира.

Однако артиллерийский парк был представлен зачастую или устаревшими орудиями, или орудиями прошлой войны. К примеру, наше основное противотанковое орудие – 25-мм пушка Гочкинса – разрабатывалось еще в 20-е годы. Относительная его бронепробиваемость была обусловлена значительной длиной ствола (проходя по нарезному каналу, снаряд получал высокую начальную скорость). Однако эта же длина делала более сложной маскировку орудия. Кроме того, к пушке прилагались лишь бронебойные боеприпасы; отсутствие в числе выстрелов

осколочно-фугасных снарядов делало орудие малоэффективным против пехоты.

Но главный его недостаток, на мой взгляд, заключался в слишком маленьком калибре. Да, пулеметным панцерам и итальянским танкеткам, да даже советским танкам с противопульной броней нашего калибра (с учетом длины ствола) его было достаточно. Однако я не мог поверить в то, что ни немцы, ни большевики не сделают должных выводов по результатам войны в Испании. Не мог поверить в то, что они не усилят танковую броню. Ведь у самих же французов новые танки выпускались с броней, превышающей толщину в 30 мм!

Довольно скоро мои догадки полностью подтвердились. У немцев появились средние и тяжелые танки, а французская промышленность запустила в массовое производство новое противотанковое орудие калибра 47 мм. Его тут же начали изучать в школе; мне (да и всем курсантам) оно понравилось гораздо больше пушки Гочкинса. Однако был один существенный недостаток и у этой артиллерийской системы: ее малочисленность.

Еще большую тревогу у меня вызывали зенитные орудия. Не понаслышке зная возможности немецкой авиации, я с внутренним содроганием взирал на 3-дюймовые зенитные орудия Шнайдера, оборонявшие в прошлой войне Париж. Тогда они были достаточно эффективны против цеппелинов и первых бомбардировщиков, но именно в авиации немцы сегодня добились максимального технического развития! И разве можно было сравнить устаревшие французские пушки с 88-мм «монстрами» нацистов, которые я видел во время боев на Харама? На вооружении французов также состояли 40-мм зенитные пушки «Бофорс» и 25-мм зенитные орудия Гочкинса, некоторое количество «эрликонов». Но этих орудий было сравнительно немного, и в сумме они не могли обеспечить надежную защиту от атак с воздуха.

Добавить к тому, что основу дивизионной артиллерии составляло 3-дюймовое орудие Шнайдера, принятое на вооружение еще в конце XIX века, а парк тяжелой гаубичной артиллерии был практически полностью представлен «пушками-ветеранами»... В общем, картина вырисовывалась тревожная. Оригинальной (и в чем-то более совершенной) была крепостная артиллерия, принятая на вооружение гарнизоном линии Мажино – но мне предстояло стать лейтенантом в обычном пехотном полку. Да и не вытащишь из дотов орудия, прикрепленные к потолочным рельсам...

Нет, все это тревожило меня. Но, с другой стороны, ситуация в общем казалась не такой уж и плачевной. Во-первых, французская армия

располагала значительным количеством мощных, хорошо бронированных танков, вооруженных аж 75-мм орудиями! Это даже не советские Т-26 – которым не было равных в битвах на испанской земле. Последние значительно уступали французским машинам.

Во-вторых, нельзя было сбрасывать со счетов «неприступную» линию Мажино. Конечно, меня волновал тот факт, что инженеры, возводящие ее, создали «Центурион» вокруг Бильбао. И «железный пояс» совершенно не оправдал надежды басков – но ведь его и не достроили! Тем более что планы оборонительных сооружений своевременно оказались в руках франкистов. А вот три полосы обороны, достигающие в глубину до 90–100 километров и опирающиеся на старые французские крепости вроде Вердена – они вызывали доверие. Курсантов несколько раз отправляли на стажировку к артиллеристам линии, и на всех нас произвела глубокое впечатление продуманность обороны. Подземные тоннели, соединяющие подземные форты, мощнейшие доты, пулеметные турели, «вырастающие из земли» за счет хитрых механизмов, – и все это под прикрытием дальнобойной артиллерии на железнодорожном ходу! Я представил себе, что мне пришлось брать эту линию в лоб со своими наваррцами, и внутренне ужаснулся. Нет! Даже представлять себе такое страшно!

Пускай ничего по-настоящему «неприступного» в этом мире нет, но чтобы прорвать укрепления линии, требовалась наверняка мощнейшая концентрация войск на одном участке. А пока они будут прорываться (мгновенно несколько десятков километров укреплений и ловушек не пройдешь), место прорыва перекроют заранее подготовленные резервы.

Французское командование было убеждено в том, что линия Мажино на всем протяжении франко-германской границы практически непреодолима. Опираясь на ее форты, можно не самыми большими силами сдерживать многократно превосходящие удары противника – это прекрасно понимали и немцы. Так что удар вермахта ожидался в Бельгии – там, где германцы уже один раз смогли добиться успеха.

И действительно, такое решение диктовал здравый смысл. Во-первых, бельгийская армия была несравненно слабее французской. Во-вторых, ее границу не перекрывали мощнейшие оборонительные сооружения – ведь когда Бельгия расторгла с Францией военный союз, последняя не смогла достроить линию Мажино на германо-бельгийской границе (по «прямой линии»). Вместо этого ее достроили по франко-бельгийской, значительно растянув – и именно здесь укрепления были самыми слабыми, а глубина обороны самой незначительной. Так что здравый смысл подсказывал немцам повторить план Шлиффена.

Но именно этого и ждали французы, сосредоточив на севере страны лучшие дивизии и собрав здесь большую часть бронетанковых сил. В случае нападения немцев на Бельгию предполагалось пересечь границу и встретить врага на чужой территории. Благо в стране-союзнице хватало удобных естественных рубежей в виде полноводных каналов с крутыми берегами.

Кроме того, в войне с Германией французскую армию должен был поддержать многочисленный британский корпус, а также непосредственно бельгийские и голландские армии. Перевес союзников в численности войск и бронетехники был однозначным; командование было непоколебимо уверено в том, что немцы и на этот раз намертво завязнут в их обороне.

Так что мне, казалось бы, было нечего опасаться надуманного отставания военной теории французов, техническую слабость орудий которых с лихвой должны были окупить ее многочисленность и подготовка артиллеристов.

Казалось бы...

Глава вторая. Блицкриг

Напряженная учеба и немногочисленные увольнения, которые я всецело посвящал семье, съедали все имеющееся время. Но даже при столь напряженном графике приходилось находить время для ознакомления с международной обстановкой. Это требовали старшие офицеры, но этого требовала и сама наша жизнь.

Как личную трагедию и позор французской политики многие думающие военные приняли «Мюнхенское» соглашение с Германией. Нацисты, которых «подкармливали» то Австрией, то Рейнской областью, решились на оккупацию целого государства. Союзного Франции государства, с которым был подписан договор о военной помощи.

Оказала ее Франция? Как же. Только что из клюва у англичан не ели французские политики; союзники были преданы, никто не пришел на помощь чехословакам.

Правда, сами чехословаки вполне могли своими силами отбиться от немцев. Их оборонительные сооружения в Судетской области были не слабее, а то и посильнее Мажино. Но, даже добровольно отдав эту территорию, они сохранили еще многочисленную и первоклассно вооруженную армию, а также значительные бронетанковые силы. Насколько нам было известно из курса изучения вражеских и союзных танков, LT vz.35 и LT vz.38, выпускаемые «Шкодой», были значительно совершеннее немецких панцеров Т-1 и Т-2. В 1938-м у немцев других машин не было. Но тем не менее чехословацкое правительство сдало свою страну. Пускай и под дипломатическим давлением британцев и косвенно французов. Но разве можно, смотря в рот чужим дипломатам, лишиться независимости?!

А армия, потенциально способная уничтожить вермахт? Только один офицер, только ОДИН отказался сдать оружие и организовал сопротивление своих солдат. Только один из всего офицерского корпуса...

Еще меня поразила близорукость поляков. Разве не могли братья-славяне помочь возрожденной Речи Посполитой, когда германцы напали бы на нее? Разве не понимали поляки, что немецкая экспансия повернута лицом не только на запад, но и на восток? В 1938-м польская армия представляла вермахту серьезную угрозу. Но в 1939-м немецкая армия стала вдвое сильнее за счет чехословацкого оружия и заводов. Да поляки были способны спасти братьев по крови, просто предоставив Красной

армии свободный проход по своей земле. Одно только утвердительное заявление – и немцы бы не осмелились на оккупацию страны!

Но, конечно, они не пошли на это. Как и чехи, ляхи глядели в рот британцам и ждали их указаний. А хитрые англосаксы, верные своей политике, растили в Центральной Европе противовес СССР и считали, что Рейх полезно усилить за счет приобретения Чехословакии. Но и после этого нацисты и большевики не имели еще общей границы...

И ведь поляки понимали угрозу со стороны Германии. Но их надежды были напрямую связаны с союзнической помощью британцев и французов. Странно, вот почему-то мощь англичан кажется всем какой-то незыблемой величиной. Однако, учитывая, что их войска в 1914-м были легко разбиты солдатами кайзера, что их армия не смогла справиться со слабой турецкой в Месопотамии на протяжении всей войны, что огромный десант, брошенный на Дарданеллы, потерпел сокрушительное поражение... откуда выводы о мощи бриттов? Англосаксы воюют ТОЛЬКО за себя и свою выгоду. Они десятки раз предавали союзников, но им почему-то по-прежнему верят.

Как говорят в России, дураков учить надо. Дураки – это чехи, ляхи, французы. А учат нас немцы.

За французов стоит сказать отдельно. Что же касается ляхов – так они не только не помогли естественным союзникам, они еще и присоединились к дележу территории. Какая-то спорная область, ради которой был заключен военный союз с Рейхом и введены войска в Чехословакию. Вот так... Вместо того, чтобы вместе противостоять историческому врагу, гораздо проще ударить в спину с молчаливого согласия тех, кому абсолютно плевать, есть ты или нет тебя.

Я даже не был удивлен, что когда немцы напали на поляков, военная поддержка им ограничилась заявлениями о вступлении в войну да демонстрацией наступления, которое тут же выдохлось. Немцы вдребезги, разгромно разбили ляхов, к чести которых все же стоит сказать – дрались они мужественно.

После Польши пала Дания, началось вторжение в Норвегию, а французская армия оставалась на своем месте. Пограничникам даже вменялось не стрелять по дозорам врага. И ради чего? Ради плана британцев натравить Рейх на Советский Союз, а по окончании их кровавой схватки диктовать свои условия мира, полностью сохранив армию и флот. Странная пассивность союзных армий объяснялась демонстрацией намерений: «нападайте на «красных», вам ничто не угрожает»!

Но ни Гитлер, ни Сталин не были профанами в политике. Нет, они

прекрасно понимали лживость британских лис, им обоим были ненавистны союзники. Потому, несмотря на явную враждебность, они заключили союз, разграничив сферы влияний. Британские политики просчитались, их намерения были прозрачны нацистам: зачем оставлять в тылу врага, который лишь *намекает*, что не нападет, когда можно оставить в тылу принципиального союзника?

Ну а что касается Сталина... Его обвинили во всех грехах, в предательстве, в оккупации польских земель. Но я видел иное. Сталин сделал все, чтобы предотвратить усиление Рейха, Сталин был самым последовательным врагом Гитлера. СССР до последнего оказывал военную помощь Испании, а военные грузы отказалась пропускать Франция. СССР готов был прийти на помощь чехам – но те добровольно стали немецкими рабами. И что же, после всего лицемерия англичан и французов, после осознания того, что Рейх натравливают на его страну, Сталин должен был поступить как-то иначе? Тем более что с момента возрождения Польши всегда была враждебна большевикам. Так что Сталин поступил мудро, сделал ход на опережение, подарил своей стране и армии отсрочку, во время которой рассчитывал подготовиться в достаточной мере.

...Весна 1940-го была полна тревог и надежд. Близился мой выпуск, и это событие как-то заслонило пассивную войну. За то время, пока я учился, мама и Дуниша вполне основательно прижились вместе, их отношения стали действительно родственными. Жена уже достаточно выучилась языкам, и матушка сумела взять ее помощницей в аптеку. В своем последнем увольнении я узнал от Дуниши потрясающую новость: я должен был стать отцом!

...10 мая 1940-го перечеркнул все грезы о мирной жизни.

Война развивалась стремительно, по четко сработанному немецкому плану. Успешно комбинируя удары с воздуха, десанты и стремительные натиски механизированных частей, немцы за 4 дня заставили капитулировать голландцев. Реки Ваал, Маас, канал Альберта, форт Эбан-Эмаэль – все естественные и искусственные оборонительные рубежи, опорные пункты, на которые возлагало надежды командование союзников, не смогли удержать необратимого натиска вермахта. Германцы воевали умело, быстро, непредсказуемо, используя последние и самые совершенные тактические приемы.

По плану англичан и французов немцев, наносящих удар через Бельгию, необходимо было остановить на естественных рубежах (р. Маас, канал Альберта). Таким образом, считая линию Мажино неприступной и оставив на границе ее гарнизон (а в тылу второсортные части), лучшие

войска двинулись навстречу вермахту. Это были войска первой линии, вооруженные согласно всем штатам, до предела насыщенные танками и бронемашинами.

Но планы командования не учли скорость движения механизированных соединений немцев, не предвидели, что враг столь эффективно проведет масштабные десантные операции. Удобные оборонительные рубежи заняты не были. Кроме того, вырвавшиеся вперед французские части, которые могли с ходу вступить в бой и затормозить движение немцев, зачастую отказывались атаковать, ожидая подхода основных сил. Только в сражение при Анню, где в бой вступил Кавалерийский корпус (в составе 2-й и 3-й танковых дивизий противостоящий двум немецким танковым дивизиям), германцам был нанесен чувствительный удар, темп их продвижения снижен. По дошедшим до нас данным, немцы потеряли 164 танка. Однако и потери корпуса были очень чувствительными: 104 машины. И надо отметить, что Кавалерийский корпус был укомплектован отличными танками S35, превосходящими по бронированию Т-3 и уступающими только немногочисленным Т-4. Также с нашей стороны в бой шли пушечные танки Н35, которым сильно уступали легкие Т-1 и Т-2.

Но битва при Анню стала единичным случаем. И главное: удар немцев через территорию Бельгии и Голландии, при всем масштабе и успехе, оказался лишь отвлекающим маневром! Огромные массы танков и пехоты прошли через Арденны, считающиеся совершенно непроходимыми для механизированных соединений и крупных пехотных частей! И началось...

Прорыв через Арденны можно было бы остановить массированными бомбардировками – но французское командование не сумело быстро среагировать. А как только механизированные соединения германцев вышли на оперативный простор, их просто некому было остановить – Арденны прикрывали резервисты и второстепенные части без значительных средств усиления.

Таким образом, пока главные силы союзников втянулись в Бельгию, к ним во фланг и тыл вышла сильнейшая немецкая группировка. Фактически наша армия оказалась в ловушке.

Немцы стремительно продвигались вперед, проходя около 50 километров в день. Наше командование пыталось организовать удар во фланг наступающей из Арденн группировке, но все мехчасти были уже связаны в боях, и оперативная их переброска была невозможна. Единственную достойную попытку предпринял бригадный генерал Шарль де Голль (очень популярный в войсках и находящийся в некоторой

оппозиции к командованию), сформировавший ударный кулак из 4-й танковой дивизии и приданных к ней частей. Он атаковал южный фланг немцев трижды и добился определенного успеха, отбросив противника. Но немцы оперативно перегруппировались и бросили против де Голля лучшие части, которые с воздуха поддерживали Люфтваффе, безраздельно властвовавшие в небе.

...Воздушную войну немцы выиграли в первые же дни. Их пикирующие бомбардировщики уничтожали союзную авиацию прямо на аэродромах, зачастую еще до взлета. Как я и опасался, достаточную противовоздушную оборону малочисленные и устаревшие зенитные орудия обеспечить не смогли. Так что группу де Голля (как и несколько позже англичан у Арраса) уничтожили в первую очередь с воздуха. К слову, немалую роль в воздушных победах немцев сыграли уже виденные мною в Испании «мессершмиты». Во Франции воевала более совершенная и доработанная модель, которая по своим показателям превосходила все французские истребители.

Отрезанная союзная армия отступила к Дюнкерку. Англичане, не собирающиеся сражаться во Франции до последнего, 26 мая отдали приказ о эвакуации экспедиционного корпуса, вместе с которым бежали и французские части. Только в небе над Дюнкерком британские ВВС, имевшие на вооружении отличные истребители «харрикейны» и «спитфайры Mk.I», сражались в полную силу. На 106 потерянных машин пришлось 140 сбитых немецких. Эвакуация личного состава прошла успешно, но было брошено все тяжелое вооружение и вся техника...

Таким образом, к 4 июня (окончание эвакуации) Франция потеряла весь цвет своей армии, лишилась авиации, бронетанковых сил, лучших пехотных частей. Вновь создаваемая линия фронта была ничтожно слабой – не хватало артиллерии, средств усиления, опытных командиров и обученных солдат. В бой шли резервисты, ветераны прошлой войны, молодняк... и мы, не дослужившие до выпуска чуть меньше месяца. Курсантов артиллерийской школы в Пуатье наспех произвели в лейтенантские звания и отправили на фронт. На прощание с родными дали одну только ночь, полную слез прощания...

И все-таки надежда была еще жива. Надежда на мужество таких командиров, как Шарль де Голль, и собственную выучку. Все выпускники, отправляемые в бой, жаждали помериться с немцами силами.

...Я попал в маршевый батальон, спешнодвигающийся навстречу немцам. Необстрелянный молодняк вперемешку с возрастными мужиками. Последние, впрочем, хотя бы имели боевой опыт, вот только растеряли все

навыки за годы мирной жизни. Вооружили подразделение «третьей очереди» плохо: «туземными» винтовками Бертье с емкостью магазина в три патрона да небольшим числом пулеметов «гочкинс».

Из всех офицеров только я и командир единственного танка «Рено» FT-17 Анри Гюто имели боевой опыт. Я прошел Испанию, Анри воевал в 4-й танковой дивизии, той самой, которую вел в бой де Голль. Гасконец по происхождению, Анри горячо ругал командование, которое вместо создания ударных бронетанковых кулаков разбрасывало машины по пехотным частям, немецкую авиацию, сдерживающую любые попытки атаковать, и собственный танк. Старенький «рено» был «самцом» (то есть пушечной машиной), но безнадежно устаревшим. Он мог еще потягаться с Т-1 или Т-2, но против «тройки», имевшей броню в 30 мм, сражаться был не в состоянии (новый бронебойный снаряд к старой пушке пробивал только 18-мм броню). Анри с грустью вспоминал свой S35, на котором он уничтожил две немецких машины (одну «двойку» и один LT vz.38), а также до взвода пехоты. Танк был поврежден точно сброшенной бомбой.

Несмотря на горячность, искренний и смелый гасконец произвел на меня хорошее впечатление, на него можно было положиться (так и получилось. Вечная тебе память...).

Помимо танка, из средств усиления батальон получил одну старенькую траншейную пушку Гюто и дивизионное орудие Шнайдера. Траншейное орудие приглянулось мне небольшими размерами (проще замаскировать) и хорошей оптикой, потому я решил командовать ее расчетом, набранным из добровольцев. Кроме меня артиллерийских офицеров в батальоне не было, зато из ветеранов удалось набрать полный расчет к дивизионной пушке.

Орудие Шнайдера обладает лучшими бронебойными качествами и вполне способно поразить броню и среднего Т-3, и даже тяжелого Т-4. Вот только угол горизонтальной наводки у него составляет всего шесть градусов, что сводит на нет все преимущество в бронепробиваемости.

Я долго думал, каким образом можно организовать противотанковую оборону батальона. И к моменту прибытия на позиции уже имел четкий план. Поделившись им с командиром батальона, я убедил седовласого майора выкопать траншеи так, чтобы на наиболее танкоопасном направлении (около 500 метров по фронту) окопы изгибались вовнутрь. Таким образом, получалась «чаша», в которой я собрался уничтожить немецкие танцы, как римлян при Каннах.

Для дивизионной пушки мы соорудили отдельный приземистый дзот с возможностью стрельбы в одном направлении. Дзот расположили в

середине левой дуги «чаши». Таким образом, расчет орудия мог вести фланкирующий огонь по наступающим фронтально немецким танкам. Для того чтобы упростить задачу артиллеристам, мы установили в поле приметные ориентиры и даже пристреляли по ним пушку.

Наибольшую опасность для нас представляли тяжелые и средние танцы. Т-1 и Т-2 на практике успешно поражались ручными гранатами, а борт этих танков могли в упор пробить бронебойные пули ручных и станковых пулеметов стандартного калибра.

Траншейная пушка Пюто была способна разместиться прямо в окопах. Я решил не мелочиться, и под мой расчет было оборудовано аж 4 позиции на правой стороне «чаши». Мы также пристрелялись по отметкам. Мой план был прост: открыть огонь по самым опасным машинам противника в тот момент, когда они поравняются с ориентирами. Благодаря хорошей оптике я был уверен, что смогу «разуть» танки, то есть сбить гусеницы. И тогда обездвиженные танцы станут легкой добычей второго расчета.

Еще один дзот мы расположили в верхней трети правой дуги. Нам пришлось попотеть, но в итоге из него можно было вести круговой обстрел. В дзоте обустроился расчет единственного в батальоне крупнокалиберного пулемета «гочкинс» (13,2 мм). Этот пулемет прошел боевое крещение в Испании и отличился тем, что успешно пробивал броню легких танков. Правда, после пробития брони он уже не мог вызвать пожар или повредить механизмы, зато успешно поражал членов экипажа. Бронебойная пуля пулемета, по заявленным данным, пробивала с 200 метров 30 мм брони. Верится с трудом, но в любом случае, на крупнокалиберный «гочкинс» я рассчитывал.

Также в отдельных окопах позади передовых траншей расположились минометчики. Капониры для единственного танка мы вырыли с левой стороны дуги, в верхней ее трети – напротив пулеметного дзота. Экипаж танка переподчинили мне, поскольку приданную к пехотному подразделению машину рассматривали в качестве артиллерийского усиления. Анри гордо именовал себя «истребителем танцев»... По моему замыслу, танк должен был выдвинуться для ведения огня после того, как мы выбьем «тяжей». До того «Рено» был надежно укрыт от посторонних глаз.

Батальон прибыл на позиции два дня назад, ближе к вечеру, а работы по обустройству и оборудованию траншей закончились сегодня ночью. Чтобы обмануть немцев, в трех местах мы сбили вполне правдоподобные макеты противотанковых орудий. Засыпал я с чувством полностью выполненного долга.

Но сейчас, глубже вжимаясь в землю после каждого взрыва, с горечью думаю о том, что большая часть нашей работы пошла прахом.

Глава третья. Еще повоюем...

...Хотя как сказать. Педантичные немцы решили подстраховаться и на всякий случай перепахали снарядами позиции ложных батарей.

Однако досталось и батальону. Что хуже всего, был разбит пулеметный дзот, а в капонире горел «Рено». Я так наверняка и не узнал, что случилось с Анри...

В строю остались оба орудия. Для моей пушки спешно разворачивали маскировочную сеть на запасной позиции, а на прежнем месте установили заранее сбитый макет. Пока мы спешно занимались последними приготовлениями, прибежал командир одного из минометных расчетов и скорбно отрапортовал, что второй расчет накрыло прямым попаданием. Выживших не оказалось.

...Перепаханные траншеи трудно узнать. На секунду показалось, что я вернулся на Пингаррон – лунный пейзаж, который остается после хорошей артподготовки, окутанная дымом земля – все это до боли знакомо. Пахнет гарью и удушливым смрадом разорвавшихся снарядов. Стоны и крики раненых не могут заглушить звука приближающейся смерти – рева танковых моторов.

Кожу разъедает пот, но попытавшись стереть его ладонью, я только размазал по лицу грязь от прилипшей земли.

После выматывающего обстрела чувствую злость. Хорошую, сосредоточенную злость, которая дает силы в бою.

– Приготовились, сейчас покажутся!

Из леса выкатили танцы. Ну что, две «тройки», три «двойки» и две «единички». Еще одна, командирская «единичка», держится позади. Не так вроде и много, но земля под ногами трясется. Машины развернулись широким фронтом, полностью перекрывая наши позиции. «Двойки» с флангов, тройки и единички в центре, и они прут именно в «чашу»!

За танцами выдвигается пехота. Эти атакуют грамотно: перемещаются поочередно, отделениями, прикрывают друг друга пулеметным огнем. Наступают не в полный рост, короткими перебежками – одним словом, цели для стрелков и пулеметчиков сложные. Их бы подпустить поближе, ударить точнее, но неопытные пехотинцы начинают стрелять издалека. К сожалению, их огонь неточен, а вот немцы бьют в ответ весьма прицельно.

По открывшим себя пулеметчикам начинают говорить «двойки» и

«единицы». Правильно, вполне себе достойная цель. Мы же молчим. Сцепив зубы, дико желая поймать в прицел приземистый серый силуэт и скомандовать «огонь», я жду. Проклинаю себя за то, что, возможно, слишком близко расположил контрольные отметки в поле (на 600 метров). Может, стоило открыть огонь на большей дистанции. Может...

Гулкие выстрелы 50-мм орудий «троек» разительно отличаются от «лая» скорострельных 20-мм пушек Pz-II. С коротких остановок средние танки снайперски поразили макет, установленный на прежней позиции. Да... У меня совсем немного шансов безнаказанно «разуть» оба танка.

Сердце бьется гулко, будто молот. Хотя бы не заметили раньше времени! *Господи, помоги, чтобы не обнаружили нас раньше времени!*

Все-таки то, что пехотинцы открыли хоть и беспорядочный, но плотный огонь, не позволило немецким наводчикам заметить мой замаскированный расчет. Первая тройка поравнялась ровно с прицельной отметкой.

– Огонь!

Мимо! Ну же, ребята, заряжайте быстрее!

– Огонь!

Попадание! Есть! Танк ощутимо дернуло, и в оптику прицела я четко увидел, как слетела перебитая гусеница. Секунду спустя в борт неподвижного панцера гулко ударил снаряд замаскированного орудия. Потом еще один и еще. Немецкая машина покрывается клубами дыма, но ни один из люков танка так и не открылся.

...Выстрелы демаскировали орудия. По моему расчету заговорили «единички», в сторону дзота лбом повернулась вторая «тройка». Я успел рывком нырнуть в окоп, сбив плечом заряжающего. Один из подносчиков (его звали Шарлем) упал с простреленной головой, второй гасконец успел залечь.

Я не вижу того, что происходит на поверхности. Слышны выстрелы и панцера, и дивизионной пушки – артиллеристы ведут неравный бой. Высунуться из окопа просто невозможно, по нам бьют сразу четыре пулемета.

Характерный звон разбитого стекла. Все, у моего орудия больше нет прицела.

Злость становится ледяной.

– Твою...! Пулемет!

Подхватив танковую «зброевку», бегу вправо по окопам. Пехотинцы жмутся вниз: необстрелянный молодняк, впервые столкнувшись с танками и смертью товарищей, больше неспособны бороться со своим страхом. Но

мои бойцы не отстают от командира.

Мой замысел прост. Одна из «единичек», увлеченно расстреливающая артиллерийский окоп, подобралась довольно близко к линии траншей. Была не была, хотя бы попробую достать!

Заняв удобную позицию, устанавливаю «зброевку» на сошки, плотно прижимаю приклад к плечу. Выдыхаю... Сейчас посмотрим, каково в бою чешское оружие. Плавно жму на спуск.

Родное, хоть и слегка подзабытое ощущение крепкой отдачи – и первая очередь уходит чуть в сторону и вверх: незнакомый пулемет, да еще и танковая версия, с более коротким стволом и сильной отдачей, слушается не сразу. Но уже со второго раза я нахожу борт машины.

Панцер круто разворачивается, но я продолжаю вести прицельный огонь короткими очередями. Однако дистанция оказывается слишком большой для того, чтобы поразить машину из пулемета. Ответный огонь танковых машингеверов вспарывает землю бруствера.

Лица окружающих бойцов выражают неподдельный ужас. Кто-то попытался покинуть окоп, но в спину их тут же срезают очереди пулеметов «единички». Потому оставшиеся, давно превратившиеся в безвольное стадо, по-прежнему остаются на своих местах. Офицеров не видно.

– Солдаты! Приготовить гранаты, примкнуть штыки!

Чем бы ни кончился этот бой, я буду вести его до последнего. И сделаю все, что в моих силах. А уж командовать необученной пехотой умею еще с Испании.

Услышав внятные команды, лица некоторых бойцов приняли осмысленное и даже злое выражение. Они начали суетливо примыкать игольчатые штыки. Однако большинство смотрит на меня испуганно и раздраженно. Они не могут понять, зачем оказались здесь, не могут понять, что от них хочет сумасшедший артиллерист. Они перестали быть бойцами или никогда ими не были. Но сейчас они *нужны* мне как бойцы.

– ТЫ! Кусок собачьего дерьма!! Ты плохо слышишь офицера или тебе выбить все зубы, чтобы научить выполнять команды?! Я тебя спрашиваю, трусливая мразь!

В артиллерийской школе нас доступно учили тому, как организовывать своих подчиненных. Может, кому-то такой подход и покажется странным, но здесь и сейчас унижение и злоба отрезвляют солдат, позволяют отвлечься от собственного всепоглощающего страха.

«Тройка» уничтожила дзот. В тот момент, когда мы подбили первого середнячка, второй панцер еще не выехал на линию ведения прицельного огня из дзота. Возможно, наши артиллеристы сумели развернуть само

орудие (этим объясняется ответный огонь), но слабые прицельные приспособления, довольно узкая амбразура и все тот же малый градус горизонтальной наводки сыграли свою черную роль. Немцы разбили не очень прочную стенку дзота бронебойными снарядами, а затем всадили туда же три осколочных подряд. Расправившись с последней пушкой, уцелевшая «тройка» двинулась ко мне.

«Единички» замерли метрах в 150 от окопов. Понимая свою уязвимость, экипаж не лезет на рожон, открывая плотный пулеметный огонь каждый раз, когда наши пехотинцы пытаются вести организованную стрельбу. Благодаря прикрытию панцеров немецкая пехота подобралась к окопам уже вплотную.

Но «тройка» – гораздо более защищенная машина. И экипаж танка рискнул расправиться с нами лично. Да и чего им бояться? Противотанковых гранат у нас нет, бутылок с зажигательной смесью не более пары десятков. Конечно, немцы об этом наверняка не знают, но ведь могли же уже столкнуться с отсутствием у французской пехоты противотанковых средств.

Громада немецкого панцера наползает неотвратно. Сколько она там весит? 19,5 тонны? Кажется, что все сто – земля страшно дрожит и будто уходит из-под ног. За машиной вплотную двигаются пехотинцы.

– Бойцы, пехоту нужно отсечь! Пять гранат мне, остальные по команде к немцам! И не забудьте перед броском выдернуть чеку, ослиное отродье!

Слышу сдавленный смешок. О! Это хороший знак.

Танк чуть вырывается вперед. Его машингеверы ведут плотный огонь, не давая поднять головы... Метров 35 до противника. Немцы залегают, начинают подозрительно возиться на земле.

– Гранаты к бою!!!

Французские лимонки и немецкие колотушки летят друг к другу одновременно. Штатное время горения запала у обеих гранат порядка трех секунд (у М24 на деле побольше), так что колотушку, упавшую мне прямо под ноги, я успеваю вышвырнуть обратно.

Однако далеко не все бойцы столь ловки. По всему периметру в траншеях слышатся крики боли. Но и немцев наши гранаты, обладающие большим радиусом разлета осколков, достаточно охолонили. Понимая, что это единственный шанс, я высовываюсь наружу и даю из пулемета длинную очередь по пехотинцам.

Нырнуть вниз успеваю мгновением раньше выстрела танка – чудовищный удар в грунт отбрасывает меня к противоположной стенке окопа, а комья земли секут как боксерские удары. В голове только звонкий

свист, я ничего не слышу. Контузия.

Трясущимися руками нащупываю в земле вещмешок, набитый гранатами. Глаза застилает стекающая по лбу кровь, вижу плохо. Наконец нахожу искомое. Одну лимонку судорожно затягиваю в горлышке. Я должен успеть!

Танк после выстрела рванул вперед. Экипаж решил подавить людей в окопе.

Разжимаю усики, выдергиваю чеку... Лови!

Мне везет дважды: во-первых, танкер приблизился к окопам на 10 метров (а не остался на месте), во-вторых, меня не застрелили во время броска.

Тем не менее вещмешок долетел только до передней части гусениц. Танкер взревел, сдвигая назад и вправо, однако взрыв прогремел рядом с траками. Правая гусеница слетает. В этот момент Андре, заряжающий-бретонец, удачно бросает единственную имеющуюся у нас бутылку со смесью керосина и бензина, разбившуюся о башню. Сознание фиксирует чужую в этом месте мысль: бутылка-то из-под вина.

Если бы «зажигалка» растеклась за башней, то мы наверняка сожгли бы танкер. Но и растекшись по «лбу» танка, она закрыла смотровые щели. Экипаж обездвиженной машины счел за лучшее покинуть ее. «Туше».

Вот только поднявшуюся в атаку пехоту остановить уже нечем.

– ОГОНЬ!!!

Из оружия офицерский пистолет на семь патронов. С пяти шагов двумя точными выстрелами сваливаю набегающих фрицев.

Немцы врываются в окопы вокруг меня. Точно стреляю в голову врага, стоявшего сзади. Разворачиваюсь. В меня целится противник. Падаю на колени. Его выстрел мимо. Мой поражает грудь.

Сверху в лицо приземляются чьи-то ноги. Фриц. Его сбивает Андре, противники валятся на дно траншеи. Нащупываю рукоять пистолета. По-прежнему ничего не слышу.

Француз держит за цевье карабин немца, тот пытается вырвать. Вырывает. Пытается уколоть, но винтовка слишком длинная, француз уворачивается. Стреляю. Мимо. Еще раз. В цель.

Один патрон. Андре душит противника. На него с примкнутым штыком бежит враг. Последний достается ему.

Достаю из кобуры запасную обойму. Руки трясутся. Разбитое лицо ноет. Меняю. Взгляд падает на танк. Смесью догораю.

Осматриваюсь. На флангах и у основания «чаши» танкеры прорвали позиции. Три танка давят окопы, остальные вышли в тыл и расстреливают

убегающую пехоту. Практически везде поверх траншей вижу фрицевские каски.

Щеку жестко обжигает. В мою сторону стреляет автоматчик. Унтер. Рассеянная очередь предназначалась не мне, иначе в голове бы уже имелась пара дырок. Приседаю.

Прямо напротив лежит пулемет. «Зброевка». Когда осколочный снаряд взорвал за мной окоп, я инстинктивно прикрыл оружие телом. Потом, оглушенный, переключился на гранатометание. Пулемет припорошило землей, но шанс, что надежное славянское оружие заработает, есть.

Поднимаю оружие, руками кое-как сбиваю грязь, обдуваю ствол. Выглядываю. Немцы приближаются. Но впереди ход сообщения, по которому можно попробовать уйти.

Моя очередь уходит прямо под срез траншеи. Кто-то падает, остальные залегают. Это шанс.

– За мной!

Я не слышу, кричу очень громко. Не знаю, идет ли кто-то следом или нет, проверять времени нет.

Бегу по траншее. Шаг, другой, третий... остановка. Высовывается немец. Очередь от груди. Враг падает.

Ко мне летят гранаты. Сразу три штуки, все не откинешь. Бросаюсь назад, падаю на своего бойца. За мной кто-то бежал. Ребята молодцы, вовремя залегли.

Взрыв. По-прежнему ничего не слышу. Только чувствую толчок горячего воздуха, куски земли, упавшей на спину, да жжение от одинокого осколка, рассекшего кожу на спине. Опять везет.

Вспоминаю слова матери о ее молитве:

«Только не предавай своей чести и совести, и Господь тебя сохранит».
Я не предаю ее, мама, я сражаюсь с честью...

Немцы бросаются вперед. Я уже не успеваю взять пулемет. Солдаты стреляют с обеих сторон. С обеих сторон падают люди.

Поднимаюсь на ноги. В узком пространстве окопа немцы и французы встречаются грудь в грудь. Карабины немцев длиннее, их ножевые штыки успешно достают моих солдат.

Три выстрела из пистолета. Два тела. В ответ очередь унтера из пистолета-пулемета. Падает француз, дерущийся впереди. Падаю я, хватаю «зброевку». Очередь. Пулемет клинит. А может, кончились патроны. Главное, немец получает рану в бок, валится назад.

Проход заполняют фрицы. Пистолет я выронил. Это смерть. Но они стреляют не целясь, от груди. Как плетью обжигает левую руку.

Встаю. Немец колет длинным выпадом. Уклоняюсь, сбиваю ствол винтовки рукой влево, бью ногой в живот. Враг падает. Справа фриц режет штыком живот француза. Андре, схватив мой пистолет, стреляет, пока затвор не замирает в крайнем положении.

Он переломил ход этой скоротечной схватки.

Хватаю карабин. С разбега всаживаю штык в живот завозившегося с затвором фрица. Бегу вперед. Вот он, ход сообщения! Наш шанс!

...Мы спаслись. Спаслись чудом. Я, Анри и еще двое бойцов. На четверых один карабин и одна винтовка. Плевать, главное, живы.

Ход сообщения вывел нас к густому кустарнику, за ним оказался овраг. В овраге был подъем к небольшой лощине. Вот так, петляя как зайцы, мы и сбежали, спасая шкуры. Но, по сути, я и мои солдаты сделали все, что смогли.

За этот бой сумели сжечь четыре самых сильных немецких танка, и не наша вина в том, что батальон уничтожен. По крайней мере, мы сохранили свои жизни, а значит, еще повоюем...

Глава четвертая. Последний бой

Конец дня мы хоронимся в негустом лесу. Его пространство так ничтожно, что попытки выйти к своим заведомо обречены на провал – слишком заметным было бы наше движение. Так что, удалившись от места сражения настолько, насколько это было возможно, я скомандовал привал.

Утренний бой, артподготовка, немецкий штурм – все смешалось воедино, счет времени потерялся. Казалось, что дуэль с чешскими танками я принимал еще вчера, но на деле день только-только перевалил за вторую половину.

Далекий и все же довольно явственный гул немецких моторов и возбуждение боя не дают поначалу заснуть. Но в итоге усталость взяла свое, и проснулся я только в глубоких сумерках.

Тело ужасно болит после схватки и ото сна на жесткой земле. И если во время боя меня поддерживал нахлынувший адреналин, то теперь я понял, насколько крепко мне досталось. Жутко болит голова, все звуки доносятся издалека, будто я плотно закрыл уши. Ну, по крайней мере, не оглох.

Опыт боев у Пингаррон я учел, обработав раны сразу, как только группа остановилась. Правда, пользоваться пришлось «естественным» антисептиком. К вечеру царапины не воспалились, так что народный опыт стоило признать успешным.

Уже когда мы брели по посадкам, погода начала меняться в лучшую сторону. Конечно, теперь это увеличивало наши шансы попасть под удар с воздуха, но хотелось верить, что на четырех человек немецкие летчики охотиться не станут, слишком мелкая цель. Так что мы, по крайней мере, не промерзли, а лес наполнился сладким запахом прогретой травы и цветов.

Жутко хочется есть, в последний раз мы ели уже сутки назад. И вот так, гонимые страхом и голодом, но подкрепленные сном, мы двинулись назад – туда, где, в теории, еще могли встретить своих.

...Шли практически всю ночь. Чтобы не заблудиться, двигались параллельно дороге, но на приличном удалении. Хотелось верить, что этих мер предосторожности нам хватит. Разговаривали мало, каждого не покидали свои и общие тягостные мысли.

Один настоящий бой может превратить мужчину в воина в большей степени, чем десять лет обыденной службы. И сегодня этот фактор объяснял то, что после фактической гибели подразделения мы не

разбредились. Ладно, с Анри понятно, он мой непосредственный подчиненный. Но другие бойцы? Могли ведь сняться, пока я спал.

Да и самого себя я понимаю с трудом. С одной стороны, осуществилась мечта, я стал офицером. Только офицером разбитой в пух и прах армии. Конечно, в школе, после Дюнкерка, мы и так уже это прекрасно понимали. Армия не смогла остановить врага, имея на руках всю технику и первоклассное оружие, на что мы могли надеяться теперь? Но все же пока мы были курсантами и лично не столкнулись с врагом, казалось, что война где-то далеко, не во Франции. Или что наше участие в корне изменит ситуацию... Последний бой развеял эти глупые грезы.

Но тогда какой смысл продолжать сражаться? Разве не проще где-то раздобыть гражданскую одежду, выбросить документы и вернуться домой, к семье? Какой смысл искать смерть здесь, сейчас, когда она уже ничего не решит? Близким я буду куда нужнее живым, рядом. Тогда я смогу их защитить.

Защитить... Именно эта мысль заставляет пробиваться к своим, крепче сжимая в руках карабин. Потому что когда немцы полностью захватят страну, своих родных я не защищу. Оккупанты будут «правлять бал», и практически любое преступление сойдет с рук германским молодчикам. Любая попытка оказать сопротивление обернется преследованием.

Так что дело тут не в напыщенных словах об офицерской чести, значение которой порой просто перевирают. Известны случаи, когда офицер, совершавший какой-то мерзкий проступок, становился объектом шантажа. И под его влиянием совершал уже не просто проступок, а измену, предательство – лишь бы люди не узнали о «пятне» на его офицерской чести. К тому же только «бусидо» самураев предполагала борьбу с противником до последнего и самоубийство при угрозе плена. Как французский офицер, исчерпав практически все возможности борьбы и предвидя неминуемое поражение, я могу позволить себе сдачу в плен без угрозы опорочить честь.

Но вот мысли о семье и о том, что я должен их защитить... Это не Испания, не чужая страна, из которой было куда бежать. Франция стала моим домом. Я давал присягу, я обязался ее защищать, но дело тут опять-таки не в красивых словах. Просто когда у тебя есть дом, мужчина обязан оберегать его и домочадцев. А родная страна – это тот же дом, только больших размеров. И он объединяет не только твоих родных, но и ближних того же Андре (бретонца), Анри (погибшего гасконца), Жака и Густава (уцелевших пехотинцев) и много кого еще. И сражаясь здесь и сейчас,

прилагаю усилия к тому, чтобы не пропустить немцев на этом участке фронта, я помогаю тем ребятам, кто защищает Пуатье. Вот как-то так.

И моя борьба во Франции отличается от той, в которой я разочаровался в Испании. Там сражались за идею, за мечту, за новое правительство и новую жизнь. Еще там мстили. А здесь, воюя за страну, я воюю за ее людей и за землю, на которой они живут. Ведь страна – это же не правительство с той или иной государственной формой, не чиновничий и административный аппараты, нет. Страна – это земля и люди, на ней живущие. Люди, которых объединяет один язык, одна вера, одна история и культура. Защищая страну, я автоматически защищаю свою семью – ведь она ее часть.

...Только одними мыслями немцев не остановить, да еще и на голодный желудок. За ночь мы прошли порядка 30 километров, могли бы и больше, идя по дороге. Но там и опаснее. Так вот, мы не вышли к своим. И канонада гремела не ближе, а все дальше... Похоже, немцы прорвали целый участок фронта и бросили в прорыв моторизованные соединения. Они-то сумеют развить наступление.

Эта мысль вселяет черную тоску. К своим не выйти. А двумя винтовками, в каждой из которых осталось по неполной обойме... Нам только застрелиться патронов хватит, если все-таки захотим уподобиться самураям.

Уже в предрассветных сумерках мы набрали на сожженное поместье. Всего два двора, уютный, практически не пострадавший фруктовый сад, укрытый крепкой, но не очень высокой каменной оградой, сгоревшие постройки... Мы так и не нашли никакой еды, а зеленые яблоки, что легко могли расслабить голодные желудки, я есть запретил. Иначе мы даже застрелиться нормально не сможем, попадем в плен без штанов на корточках! Вот немцы будут смеяться! Еще и в газете статейку напишут, с них станется.

На дневку здесь останавливаться не стали, слишком место приметное. Да и неудобное. Решили пройти к виднеющимся в километре посадкам.

...На войне случаются события, которые не поймешь чем считать: удачей или проклятием. Но то, что, пройдя буквально сто метров, мы наткнулись на разбитую позицию зенитчиков, стоило все же посчитать удачей. Хотя бы после того, как в полузаваленной землянке мы нашли-таки банку тушенки. У ребят натурально загорелись глаза. Открывал ее я, так как только у меня был трофейный штык-нож. Быстро есть запретил. Банку передавали по кругу, каждый брал немного мяса и медленно, тщательно

пережевывал пищу. Кто не знает, так можно неплохо насытиться даже малым количеством еды.

После завтрака уставшие бойцы практически сразу заклевали носами. А мое внимание привлекла стоящая в капонире пушка. Замаскированная, и сеть практически не пострадала.

В этот момент мое сердце забухало так, будто пыталось выпрыгнуть. Еще боясь поверить в такую удачу, но интуитивно понимая, что действительно повезет, я спустился в капонир. И то, что я увидел, оправдало мои самые смелые ожидания.

Автоматическое зенитное орудие Bofors L60! Это не могло быть правдой, но пушка стояла прямо передо мной! И после внешнего осмотра я убедился в том, что орудие исправно.

Что же я испытал... Смесь восторга, решимости, обреченности, злой радости.

Эти орудия закупались в Швеции, но их количества было совершенно недостаточно для эффективной противовоздушной обороны. И встретить его здесь, неразбитым, с сохранившимся рефлекторным прицелом, было просто невероятной удачей. Похоже, что расчет зенитки «обделался» при виде немецкой техники,двигающейся по шоссе, да к тому же попал под воздушный налет. Иначе не объяснишь то, что пушку оставили нетронутой, фактически просто бросив.

...В артиллерийской школе была своя спецификация. Мы получали общий курс знаний обо всех видах артиллерии, но в дальнейшем подробно изучали свое направление. Мне как-то по душе пришлось противотанковая артиллерия, доведом изучалась дивизионная и минометы. Многие же предпочитали воевать в гаубичной – там с врагом грудь в грудь не сходятся.

Зенитчики были отдельной кастой. И все-таки один раз за всю учебу мы пробовали стрелять именно из этой зенитки. Механизм наведения и прицеливания у нее очень сложен, для ведения огня по воздушным целям требуются два хорошо обученных зенитчика. Но я тешу себя надеждой на то, что для стрельбы по бронетехнике противника знаний мне хватит; по крайней мере, наводить орудие придется только в горизонтальной плоскости.

Еще одной проблемой является малый низкий угол вертикальной наводки, всего пять градусов. Внимательно осмотревшись и попробовав навести орудие, я понял, что с данной позиции огонь по шоссе вести не смогу. Пришлось наорать на бойцов, чтобы вострепенились, перевести практически 2,5-тонное орудие в походное положение и тягать его вручную к саду у разбитого поместья. Хорошо хоть, что смогли закатить туда пушку.

Зато позиция после маскировки получилась идеальная: с дороги нас не заметишь, а я могу держать под огнем два километра шоссе. Расстояние от планируемых целей – 600 метров.

Правда, снаряды в наличии только осколочно-фугасные, и ящиков всего ничего, все-таки зенитчики в кого-то стреляли. Но пока мы таскали их вручную, проклинали все на свете и малым их количество уже не казалось.

Я заставил парней удобно разобрать снаряды и перевести первые выстрелы на фугас. Бронепробиваемость у этого типа снарядов и так очень слабая, но, поставив их на фугас, мы хоть немного увеличим наши шансы поразить легкую бронетехнику. О средней и тяжелой речи уже не идет.

Когда приготовления наконец-то закончились, я дал ребятам отбой, оставив за собой дежурить первую смену. Все равно хотелось еще попрактиковаться в наводке и прицеливании. Но как же спокойно и легко на душе! Так бывает всегда, когда определяешься между удобным и правильным, но выбираешь правильное. И всегда бы так, только почему-то удобное нас поработает чаще...

Вот только-только определял для себя прицельную метку, как очнулся от шума мотора. Я даже не понял, как уснул. Время, навскидку, около одиннадцати часов. На дороге стоят два немецких мотоцикла с экипажами, и командир разведки внимательно исследует в бинокль поместье. И хотя я сам убедился в том, что замаскировались мы очень удачно, шанс, что немец со своей цейсовской оптикой нас заметит, имеется.

Или почувствует. На войне так бывает, и, кстати, очень часто, что противники чувствуют друг друга. Бывало, солдаты угадывали засаду именно по ощущениям чьего-то недоброго взгляда.

Господи, защити, укрой...

– Тихо! Не шевелиться!

Мои бойцы проснулись от звука работающих мотоциклов и по первости стали двигаться. Вот только этого не хватало! Если заметят, нам крышка!

Но не заметили. Оторвав наконец бинокль от лица, фриц равнодушно отвернулся и что-то скомандовал своим. Мотоциклы поехали не назад, а вперед. Это означает одно. Разведка prošляпила нас, и скоро здесь появятся основные силы немецкого подразделения.

Если это будут танки, нам придется сидеть очень тихо, как мышам в норках. Если нет... то, собственно, ради этого мы и тащили сюда зенитку.

Колонну техники мы услышали минут за десять. Так что время провести последние приготовления у нас имелось.

Навскидку по шоссе двигается моторизованная рота. Чуть впереди

всех бронеавтомобиль «Хорьх» с автоматической 20-мм пушкой. Метрах в 150 от броневика идет основная колонна: два бронетранспортера «ганомаг», за ними три грузовых «Опеля», за ними еще бронетранспортер, три грузовика, бронетранспортер, три грузовика и еще один «ганомаг». Замыкает колонну второй бронеавтомобиль, тот же «Хорьх», но с пулеметным вооружением. Держится он примерно на таком же расстоянии, что и «старший» собрат. Между основными силами и броневиками курсируют по одной мотоциклетной коляске.

Второй по ходу движения «ганомаг» вооружен не пулеметом, а 37-мм пушкой, последний имеет в кабине миномет. Ну что, группа довольно сильная, более 200 человек. Не то подразделение, что совершает прорыв, но именно такие мобильные группы его развивают.

Атаковать или нет? Четыре против двухсот, и на лицах своих ребят я вижу рассеянность, граничащую со страхом. Расклад сил явно не в нашу пользу.

Вот только у всей бронетехники в этой колонне бортовая броня не более 8 мм. Ее пробивает бронебойная пуля из винтовки, и есть хороший шанс, что 40-мм осколочно-фугасный снаряд зенитки его тоже пробьет.

Пока я все взвешиваю, в груди разливается горячая волна гнева, смешанного с восторгом. Это хороший знак, предвещающий сложную, но успешную схватку. Я все же склонен довериться инстинктам, тем более второго подобного шанса может и не быть... Решено! Атакуем!

Первым ловлю в прицел головного «Хорьха». Эта машина наиболее опасна нам своей скорострельностью. От пулеметов нас худо-бедно прикроет каменная ограда, но снаряды 20-мм пушки ее легко разобьют. Заодно поупражняемся в наводке.

Последнее, что фиксирует сознание перед боем, – это запах прелой от солнца травы...

Упреждение на движение в полфигуры... Огонь!

Четыре фугасных снаряда практически мгновенно устремились к цели. Упреждение я выбрал немного неточно, несколько ошибся с наводкой, но все-таки попал в заднюю часть броневика, оторвав заднее колесо.

– Быстрее, перезаряжай!

Одно мгновение на дополнительную наводку. Неподвижный автомобиль – мишень, но башня уже поворачивается...

– Огонь!

На этот раз четыре фугаса таранят борт машины и, как я и надеялся, поражают ее. «Хорьх» оглушительно взрывается.

Все. Мы себя полностью демаскировали. По кладке ограды начинают

бить десятки, да нет, сотни пулеметных и винтовочных пуль. Все бронетранспортеры поворачиваются ко мне «лбами» с 14,5-мм броней. «Опели», наоборот, ускоряются, хотя из некоторых десантируются пехотинцы. Мотоциклисты рванули в обратном направлении.

Удар взрыва метрах в 30 от нас. Перелет.

Навожу орудие на пушечный «ганомаг», в верхнюю часть рубки. Экипаж его не покинул, машина полным ходом двигается к нам, слегка маневрируя. Но фактически цель находится во фронтальной плоскости стрельбы, здесь упреждение не нужно, только точная наводка... Водитель молодец, но ведь для следующего выстрела ты сделаешь «короткую»...

Перекрестье прицела ложится точно под орудийный щиток.

Остановка!

– Огонь!

Взрыв! Я опередил противника на долю секунды, хотя ударили практически одновременно. Второй выстрел немецкой пушки не достал пары метров до ограды, окатив нас ошметками земли.

А вот мне несказанно везет. С первого выстрела! С первого – и попадание! Я всадил заряд своего орудия точно в торчащую пушку, просто снес ее! Что было с не покинувшими борт фрицами, даже представить страшно. Кровавое месиво с торчащими из него раздробленными конечностями. «Ганомаг» замертво встал.

Свист! Разрыв в правой построике. Мое ликование охлаждает свистящий звук полета мины – предвестник смерти с неба. «Свою», правда, не услышишь, но это ведь слабое утешение.

Разворот орудия... Да где же ты?!

Бронетранспортеры дружно останавливаются в 400 метрах, из них гуртом валится десант. Ох, ребята, не до вас! Где миномет?!

Ага, попался! «Ганомаг» со средним минометом удачно притаился позади прущих на меня машин. Звонкий свист – и следующая мина падает с перелетом. В «вилку» берет, мудака.

Разворот орудия. Наводка.

– Огонь!

Очередь автоматической зенитки на этот раз не дала должного результата. Машину ощутимо дернуло, но визуального пробития я не зафиксировал. И мой взгляд обратил внимание на новую опасность: по широкой дуге к нам в тыл пытается зайти второй «хорьх» и оба мотоцикла.

– Заряжай! Огонь!

Твою... Мои молодцы излишне засуетились. Вместо снарядов, поставленных на фугасное действие, зарядили осколочными.

– Вы слепые?! Бегом фугасы!

Пулеметный огонь становится все более плотным и точным. На голову падают срубленные ветки, мешая целиться; в лицо бьет кирпичная крошка. Еще чуть-чуть, и она посечет прицел.

Водитель «самоходного миномета» (так квалифицируется мой наиболее опасный противник) понял, что быть неподвижной мишенью довольно опасно. Видимо, все же не зря ребята подали осколочные выстрелы: осколок-другой вполне мог залететь в смотровые щели кабины или десантного отсека. Так что механ (а может, и командир машины) занервничал. Но меняя положение своего транспорта, он всего на секунду подставил борт... Мне хватило.

– Огонь!

Мощный взрыв в кабине машины, а секунду спустя повторный (взорвался бак)! Получайте, твари!!!

...Броневи́к с мотоциклами проворно забрались мне в тыл и довольно уютно себя там чувствуют, не открывая преждевременной пальбы. Стараются сократить дистанцию до предела и ударить наверняка.

Все правильно. Вот только в моем распоряжении зенитка. Она ведет огонь на все 360 градусов.

Разворот на 115 градусов. Прицел, упреждение полторы фигуры...

– Огонь!

На этот раз я не ошибся. Попадание приходится в левый передний бок машины. Завалившись вперед (оторвало колесо), «Хорьх» начинает неторопливо разгораться. А вот мотоциклисты разворачиваются практически на месте и дают газ назад. Поздно.

– Огонь!

Очередь осколочных снарядов достает один из «цундаппов», на куски разорвав машину с экипажем. Второй все-таки успевает уйти.

...Какой же мастер клал эту ограду! Да ему надо памятник ставить! Если бы не она, нас давно бы уже не было. Но, несмотря на то, что каменная крошка градом летит с обратной стороны, кладка по-прежнему держится. Ну ничего, снарядов уже немного...

Три бронетранспортера уже в 200 метрах. За ними двигается человек... Много. Немцы атакуют грамотно, в рост не бегут, но по вспышкам пулеметов я бы сказал, что здесь 70–80 пехотинцев. Подсчет прост, один пулемет, одно отделение.

Еще столько же, или даже чуть больше, заходят с правого фланга. Последние грузовики высадили вторую часть десанта и теперь торопятся покинуть поле боя. Но они еще в пределах поражения.

– Осколочными!.. Огонь!

Очередь вспарывает дальний грузовик. Он наискосок преграждает дорогу. Остальные машины вынуждены маневрировать.

– Еще осколочные! Огонь!

– Еще! Огонь!

Очереди осколочных снарядов прошивают беззащитные машины, уничтожая «опели» и водителей... Мощный взрыв! Отменно мощный... еще один!!! Видимо, в некоторых грузовиках везли боеприпасы, в том числе гранаты, снаряды к 37-мм пушке командирского «ганомага» и мины. Бахнуло душевно.

Пулеметные очереди бьют по стволу орудия, высекая искры из первоклассной стали; меня ощутимо трясет. Еще чуть-чуть, и очередная порция свинца нашпигует мое тело. Бронетранспортер-то уже в 120 метрах. Пора.

– Фугасными!

Водители «ганомагов» вынужденно ведут их «лбом» ко мне. Вообще-то они поступают правильно: пытаться уйти по дороге было бы еще более глупым вариантом, чем переть в лоб – подставив корму, они стали бы идеальными мишенями. Но сейчас, двигаясь ко мне фронтально, они до минимума упростили мне задачу наводки (дистанция-то пистолетная!).

– Огонь!

Три машины, три залпа. Между каждой по десять секунд наводки. Все те же поставленные на фугас выстрелы. Огонь по передним колесам.

Ныне отсутствующим.

– Сколько осталось?

– На 4 обоймы!

– Жак, разведи костер! Андре, осколочные!

Два залпа приходятся на наступающую в центре пехоту, еще один по левому флангу. Много в кого не попал, хотя один пулемет вместе с расчетом «потушил», ударив точно по вспышке. Наверняка были и еще какие потери. Теперь пехотинцы будут наступать аккуратнее.

Это даст нам крохотный, но шанс.

Жак, с очумевшей от моего приказа физиономией, сумел, однако, разжечь костер. У него имелась зажигалка, я это знал (на первом привале солдат закуривал).

– Срочно сухих поленьев!

Кажется, до моих ребят начинает доходить. Две толстые сухие палки, уже обгоревшие, аккуратно укладываются в огонь. Бью прикладом в прицел. Еще раз, еще... Все, хотя бы немного, но пушку я повредил.

Укладываю оставшиеся снаряды прямо на поленья, острием к зенитке. Ну, была не была! Немцы уже зашевелились, быстрее!

...И все-таки мы ушли. Это было запредельно, за гранью, но мы ушли. Тут уж и самый матерый атеист начнет креститься. Хотя на деле нам и нужно было пробежать всего метров 150, прежде чем начнется высокая трава. *Всего* 150 метров, а высокая трава так хорошо защищает от пулеметных очередей...

Но мы смогли.

Помог удачный выбор направления движения. Вообще-то единственный, но зато и не столь предсказуемый – в сторону, откуда мы сегодня ночью вышли. То есть – в немецкую сторону. Педантичные германцы все-таки мыслят шаблонно, но по логике вещей мы действительно должны были двигаться в сторону от них, а не к ним. И что было особенно удачно, моя идея с костром и снарядами сработала. Я отчетливо слышал взрыв позади, и даже вроде как крики боли...

Вот только идти нам пришлось в обратном направлении. В немецком. Пробравшись километров на пять в глубину лесополосы (двигаясь чуть ли не на корячках ради скрытности), я скомандовал привал. Усталость от спешного броска, недоедание, огромный выброс адреналина во время боя и, как следствие, полная опустошенность подкосили наши силы. Нужен был отдых. На часах я оставил Густава. Оружия у нас больше не было, во время бегства выбросили винтовки – ведь быстрее бежать. Все равно бы не отстрелялись... Но лучше бы я сам остался дежурить.

Проснулся я от крепкого пинка. Спросонья возмущившись таким обращением, я только набрал в легкие воздуха для разноса, но крик замер в груди. На меня смотрело дуло немецкого пистолета-пулемета, поверх которого нагло и ехидно скалился фриц.

Глава пятая. Поворот судьбы

Взяли нас безобразно легко. Часовой на секунду закрыл глаза, а открыв, увидел примерно ту же картину, что и я. Густав поведал мне историю своего преступления, мучительно краснея и не поднимая глаз. Я, конечно, мог и должен был ему вставить по первое число, но не хотелось радовать конвоиров своей грызней.

Да к тому же сам был виноват. Хорош командир, что первым уснул и поставил в дозор человека, не способного его нести.

Если вдумываться совсем уж глубоко, то все сложилось не так и плохо. По крайней мере, от себя мы сделали максимум. Даже если бы не подставились столь глупо, ну каковы были бы наши дальнейшие шансы в немецком тылу? Фрицы свое дело знают прекрасно. У них следом за ударными частями наступают полицейские батальоны. Они зачищают тыл от таких, как мы, – слабо организованных, малочисленных и плохо вооруженных групп солдат.

Полицейские батальоны усилены пулеметными бронев автомобилями. Против серьезного противника эти машины не тянут, но перекрыть дороги, занять господствующие высоты и охотиться на деморализованных солдат способны очень эффективно.

Бойцы полицейских батальонов вооружены автоматическим оружием. Пистолеты-пулеметы, малоэффективные в позиционной войне, отлично зарекомендовали себя в ближнем бою и для решения задач групп зачисток подходят идеально. Хорошо вооруженный личный состав батальонов прекрасно понимает, что их служба гораздо безопаснее передовой. А потому полицейские выполняют свои задачи с чрезмерным усердием, чтобы на этой самой передовой не оказаться.

Учитывая маленькие размеры местных лесов, немцы смогли позволить себе прочесать их «мелким ситечком». Так что шансов у нас не было, что с оружием, что без него. Наоборот, то, что нашу группу легко взяли, да еще с голыми руками, нас фактически и спасло – с вооруженными немцы не церемонятся. А уж тех, кого берут с трофейными винтовками, могут вообще не довести до пунктов сбора.

...Все это я узнал, пока мы добирались до лагеря пленных. Наши конвоиры были вообще солдатами «третьей очереди»: или молодняк, или уже совсем деды. Они не вступали с нами в контакт, любое общение среди самих пленных на марше жестко пресекалось. К слову, выловленных,

подобно нам, и тех, кто сам сдался в плен, набрали целую колонну.

То, что с конвоирами шутки плохи, мы поняли после расстрела излишне гордого француза, не желавшего выполнять команду. Его просто взяли и расстреляли, без всяких экивоков и «соблюдений конвенций». Причем как-то буднично, без эмоций. А на марше конвоиры шутили между собой как ни в чем не бывало. То есть фактически расстрел являлся для них не акцией устрашения, а вполне штатной ситуацией.

После подобного никаких «глупых» мыслей уже не возникало. Да и наличие пистолетов-пулеметов у конвоя сводило к минимуму даже само желание напасть на немцев с голыми руками.

С того момента, как я очнулся под дулом автомата, со мной что-то произошло. Я будто в один миг сломался, утратил стержень. Навалилось такое бездумное и тупое безразличие, что я перестал узнавать самого себя.

Тупой, безвольный скот. Сказали встать – встаю. Говорят сесть – сажусь. Идти – иду... Тот, расстрелянный, чувство внутреннего достоинства не утратил и, видимо, продолжал ощущать себя солдатом. Им он и умер. Но во мне его поступок вызвал не уважение, а какое-то... злорадство. Вроде как: «нечего выпендриваться».

Эти внутренние перемены пугали. Но чувство опустошающей усталости, слившейся с тупым голодом, ломали всякие попытки размышлять, злиться, ненавидеть – одним словом все, что могло меня разбудить. Да, именно разбудить, потому что наше монотонное движение, пустые лица пленных и тупое равнодушие конвоиров – все это походило на какой-то жуткий кошмар. Казалось, что вот-вот я проснусь, увижу залитые солнечным светом стены родной квартиры, лицо любимой женщины... или хотя бы на худой конец очнусь в том лесу, где нас так позорно взяли.

Лагерь предстал передо мной средоточением людского отчаяния. Похоже, что окружающие разделяли все мои чувства. Мы превратились в стадо овец, которых контролируют пастухи и овчарки. Овчарки, к слову, были. Немецкие, породистые, крупные – и очень агрессивные. Их кормили не в пример лучше пленных.

«Пастухи» обосновались на вышках, расположенных по периметру сравнительно небольшого поля (примерно с футбольное), где разместилась масса французов, навскидку тысячи три. Дежурят они примерно по шесть часов, затем меняются. На каждой вышке по трофейному «гочкинсу», проходы ограждены отдельно и представляют собой коридор, обвитый колючей проволокой. Тоже трофейной.

Эта же проволока огораживает и весь периметр лагеря. В проходах постоянно дежурят солдаты. Опять-таки, многие из них имеют пистолеты-

пулеметы. На проволоку навешены пустые консервные банки. Пулеметчики часто упражняются в стрельбе на их звук ночью, когда ветер начинает играть и создается впечатление, что кто-то пытается бежать.

Есть два здоровых прожектора. Они также работают всю ночь, своими лучами просвечивая пленных и особенно периметр. Как только кто-то открывает огонь, луч света сразу наводят на место, куда бьют хорошо заметные в ночи трассы.

Все это я отмечаю той частицей сознания, в которой я остался военным, все-таки не до конца сломленным. Пока еще. Хотя, быть может, просто вволю отоспался, и это немного меня освежило.

Но я начал наблюдать и думать. Не о побеге, нет. Просто передо мной было что-то вроде сложной математической задачи, к которой все же можно найти решение. Пока, правда, не получалось. Еще я обратил внимание на то, что мои ребята напуганы и сломлены менее других, чего-то ждут от меня. Видимо, они не осознали, не прочувствовали всей глубины моего падения.

Еще я стал замечать, что в лагере не все одинаково пришиблены. Лица некоторых пленных выражают раздражение, некоторых – даже злость – и ведь это чувства, чувства людей, а не покорного стада. Наводит на определенные, может, где-то даже опасные, размышления...

Кормят нас плохо, два раза в день мерзкой баландой, которую мы жрем, забыв о том, как должна выглядеть нормальная еда. Ее хватает только на то, чтобы недохнуть с голода, но сил с каждым днем становится все меньше.

...Проведя в лагере 4 дня, я вновь стал проваливаться в пропасть бессознательного равнодушия.

Но на пятый меня вызвали в здание администрации.

Все постройки находились за пределами внутреннего периметра, так что меня сопровождало двое немцев. Когда я попытался оправиться перед входом, получил такого хорошего пинка, что протаранил двери лбом. Сзади раздался дружный гогот. Ох, как захотелось его оборвать! На секунду я вновь стал самим собой. На секунду.

В кабинете, в который меня завели, у большой карты (во всю стену) спиной ко входу стоял мужчина. В его коренастой фигуре мне почудилось что-то знакомое. Жестом руки он отпустил конвоиров, по-прежнему разглядывая что-то невероятно важное на карте Франции. Так прошло две минуты. Целая вечность, когда ждешь неизвестно чего, терзаясь смутными догадками. И когда я наконец был готов первым начать разговор (что было крутым нарушением лагерных порядков и грозило серьезными

проблемами), гауптман (я разглядел знаки различия на погонах) повернулся ко мне, широко улыбаясь от произведенного эффекта.

Да... Я, наверное, очень широко разинул рот. Нет, что-то такое мне почудилось, но это было настолько нереально, а оказалось...

– Ну, здравствуй, Никита.

– Здравствуйте, Илья Михайлович...

Во мне просыпается какая-то потаенная, неизвестная ранее злость. Странно, что я испытываю это чувство при встрече с человеком, в прошлом бывшим мне наставником и соратником. Однако нашу встречу я представлял иначе. И уж точно не ожидал увидеть его в этой ненавистной мне форме серого цвета.

– Ну что стоишь, присаживайся.

– Слушаюсь, герр гауптман!

Лицо старого дроздовца скривилось, как от лимона.

– Да брось ты! Неужели думаешь, что я нашел тебя (и поверь, это было сделать непросто) только ради того, чтобы позлорадствовать над твоим положением? Глупости. Мы оба с тобой те, кем были и кем являемся – сынами России. И здесь и сейчас ты не французский военный, а я не офицер Рейха... Но вот кем ты выйдешь отсюда, зависит только от тебя.

Тут Илья Михайлович заговорщицки мне подмигнул. Я, честно говоря, несколько опешил.

– И о чем идет речь, Илья Михайлович?

– Так-то лучше. Речь идет о главном деле в твоей жизни, да и в моей тоже. Ну, неужели не догадываешься?

Во рту внезапно пересохло.

– Я вас не понимаю. Точнее, понимаю, что речь идет о России, но не понимаю, что вы имеете в виду.

– Молодой человек! – Тут капитан (раз уж мы забудем о настоящем) поднял руку вверх. – Все вы прекрасно понимаете. Скоро начнется война. Война между Третьим рейхом и большевиками. Да-да, именно так. Не с Россией, а только с большевиками. И наше участие в этой войне в рядах вермахта позволит в дальнейшем претендовать на достойное положение в освобожденной России. Мы будем теми, кто станет ее возрождать, кто будет заново ее отстраивать!

– Вы заговорили лозунгами, Илья Михайлович. Но это не столь и важно, мой ответ нет.

Внутри меня что-то оборвалось, когда я отказал бывшему соратнику. Но врать ему я не мог, а согласиться с ним...

Гуптман встал. Сердито посмотрев на меня, он вновь отвернулся к

карте. Я же не выходил, понимая, что разговор еще не окончен, да и выходить, несмотря ни на что, не хотелось.

– Никита, ты забыл про своего отца? Или, быть может, про Аркадия Юрьевича? Или Александра Ивановича? Ты забыл, во имя чего они погибли? Забыл, во имя чего сражались, во имя ЧЕГО сражался ты?

Голос собеседника звучит глухо и надтреснуто. Я знаю, что сейчас он не играет и говорит искренне. Я помню, что борьба с «красными» – дело всей его жизни, ради которого ветеран дроздовского полка отправился в Испанию со товарищи, прихватив заодно и меня. И тогда я свято верил в их правду. Но уж слишком много утекло воды, слишком многое произошло... Теперь у меня была своя правда.

– Я все помню, господин капитан. Только когда я был в Бискайи, вас рядом не было. И я понимал, во имя чего сражались наваррцы, во имя чего дрались баски. Я не понимал только, во имя чего воюю я. И не понял.

– Никита, я читал твое письмо. Да-да, я был в Гибралтаре. Оно мне не понравилось. И знаешь почему? Нет никакой своей правды. Твоей, моей, правды франкистов или басков нет! Есть одна правда, истина. И у нас с тобой она одна. Нас лишили отечества. За которое проливал кровь твой отец, я, все дроздовцы, да еще корниловцы, марковцы, алексеевцы, каппелевцы... все. Все, кто участвовал в Белом движении. И наш святой долг – Отечество наше вернуть.

Я не смог сдержать кривой усмешки.

– И как вы планируете его возвращать? Немецкими бомбами, которые будут разрушать русские города, как Гернику? Пулями, которые будут убивать русских людей? И кем вы там планируете быть на этой войне? Может, командовать батальоном? Немецким?

Капитан Климов внимательно и холодно посмотрел мне в глаза.

– А войн без потерь не бывает. Будут и бомбы, будут и пули, будут и жертвы, причем и невинные. Да только, думаешь ты, их не было *тогда*? Ты думаешь, от артиллерийских снарядов, выпущенных твоим отцом, никогда не гибли случайные гражданские? Пойми, в конечном итоге от определенного процента людских потерь народ не погибнет. Народ погибнет тогда, когда его полностью оболванят, когда детей его будут воспитывать без Бога, когда люди не будут знать своей истории, когда ее переврут. Когда забудутся *корни*, когда нация перестанет существовать как культурная общность, с веками складывающимися традициями... Кем же и в каком качестве я буду воевать – это отдельный разговор. Но я надеюсь рядом видеть тебя.

– Я уже ответил.

– А ты уверен? Точно уверен?

– Да.

Тут мой собеседник невесело усмехнулся:

– Как ты думаешь, Никита, как я тебя нашел? О, это был очень долгий и вдумчивый поиск, ведь после Испании ты просто исчез. Я знал, что где-то во Франции, но где? У меня не было возможности искать, увы. В Германии у меня было новое дело, очень важное дело...

Однако когда немцы наконец решили поставить французов и англичан на колени, у меня появилась возможность. Крохотная, конечно, но настойчивым когда-нибудь везет, а мне помог случай. Я бы даже сказал, что на то была Божья воля.

Вот такая загвоздка, я активно работаю со всеми русскими эмигрантами, кто еще способен и желает воевать за нашу страну. И встретив давнего знакомого, на данный момент времени *офицера-воспитателя Русского кадетского корпуса-лицея имени Николая II*, я узнал про тебя и твою семью. Круг поисков сузился, я запросил информацию по артиллерийской школе. Узнал точную дату отправки выпускников на фронт и участок, куда вас направили. Соответственно сам направился сюда.

К слову, хотелось бы подчеркнуть, что я служу в разведке, и весь последующий сбор информации не требовал от меня особых усилий.

Итак, по порядку. Молодой выпускник школы Пуатье, да еще и русский, – фигура довольно приметная. Как я уже сказал, сбор информации велся именно на том участке фронта, куда направили выпускников. И вот буквально пять дней назад я получил сведения, что пленные одного из маршевых батальонов подтвердили информацию об интересующем меня лице. Я тут же прибыл на место прошедшего боя. Но ни среди пленных, ни убитых тебя не опознали. Пришлось подождать еще немного.

Кстати, я должен отметить, что ты очень сильно вырос, вырос именно как офицер. Смекалка, адаптация чужого опыта, умение максимально задействовать имеющиеся в своем распоряжении ресурсы, да еще и личная храбрость – это *марочный купаж*. А уж после вашего удара по моторизованной группе... Сожжено 4 единицы бронетехники, еще 4 сильно повреждены. Уничтожены 7 грузовых автомобилей, в бою с вами погибло 37 солдат и офицеров, еще 17 ранено, 9 из них тяжело. Bravo! В копилку твоих положительных качеств я добавляю умение импровизировать, действовать по ситуации и, несомненно, незаурядную удачу!

Легкая улыбка тронула мои губы. Все же очень приятно, когда тебя заслуженно хвалят. Но лицо капитана в один миг из доброжелательного стало ледяным:

– А вот в работе разведчика, Никита, ты еще совершенно зеленый. Ты выдал себя эмоциями. Я не знал наверняка, тобою ли организована столь успешная засада или нет. Только *догадывался*. Ухмылка тебя выдала. Поверь моему опыту, самодовольным можно быть только наедине с самим собой.

Теперь козыри. Вы организовали хороший удар, еще раз браво. Вот только цель выбрали неподходящую. В засаду попала моторизованная рота дивизии СС «Тотенкомпф», «мертвая голова». Ты в курсе, кто это такие?

Я отрицательно мотнул головой. Внутри зашевелились недобрые предчувствия.

– Эсэсовцы – это солдаты без души. Идеальные машины для убийства, которые не знают ни страха, ни жалости и фанатично преданы фюреру. К слову, они не являются частью армии, потому в войсках их недолюбливают.

Так вот, ваша смерть в случае, если вы попадете в их руки, легкой не будет. Но это не самое страшное, в конце концов, все мы умрем. Только вот умереть можно по-разному. Например осознавая, что эти звери доберутся до твоей семьи, что они никого не пощадят, что смерть твоих родных будет не менее ужаснее твоей.

– И как же они это сделают?

– Поверь, легко. Достаточно сделать запрос в твою школу, чтобы найти семью.

– По-моему, школа находится за линией фронта. И ее руководство вряд ли поделится данными о семье выпускника с противником.

– Пока еще за линией фронта, пока еще. Париж уже сдали, и сдали без боя.

Кто сможет остановить удары вермахта? Да никто. Это все понимают, и договоренности о капитуляции на самом высоком уровне уже практически достигнуты. Руководство Франции сдастся взамен на то, что какая-то ее территория получит видимое самоуправление.

– Этого не может быть.

– Почему? Все в этой жизни подчиняется логике. Так вот, исходя из логики, французами война уже давно проиграна. Ее продолжение лишь усугубит те потери, что понесет армия и гражданское население. Невинные жертвы, разрушение инфраструктуры, потеря производственных мощностей... Зачем? Тем более к тем, кто сдается сам, а не сопротивляется до последнего, складывается несколько иное, более благосклонное отношение. А уж если вновь сформированное правительство заключит союз с оккупантами... Тогда условия будут совсем уж «детскими». Так что капитулирующее правительство не в чем будет упрекнуть, оно действует в

интересах народа.

И раз уж мы об этом заговорили, то манкировать словом французского офицера и присягой у тебя получится. В ближайшие две недели французская армия (а точнее, ее остатки) перейдет в оперативное подчинение к вермахту. Так что, приняв мое предложение, свою офицерскую честь ты совершенно не уронишь.

– Вы можете блефовать.

– Зачем мне это? Ты и сам прекрасно понимаешь ситуацию. Вернемся к главной теме. Эсэсовцы вас ищут. Но я успел чуть раньше, ибо знал, *кто* мне нужен. Молодой лейтенант-артиллерист с малой группой солдат в заданном районе. А *они* ищут *зенитчиков*. Пока еще зенитчиков. Но я думаю, что и артиллеристов скоро начнут проверять. Так что найти вас эсэсовцам не составит большого труда.

Я понял, к чему клонит Илья Михайлович. Да он в принципе и не скрывал своих намерений, фактически вербуя меня.

– Тогда что вы можете сделать?

– Как что?! Взять тебя с собой в «учебный батальон». Твоих ребят мы также заберем под видом разведнеобходимости, а потом переведем их в другой лагерь, подальше от местных краев. Там их эсэсовцы уже не найдут.

– А если я откажусь, вы не станете нам помогать?

– Если ты откажешься, любую помощь, которую я хотел бы тебе оказать, мое руководство рассмотрит как превышение полномочий с далеко идущими для меня последствиями. Я ношусь с тобой как с писаной торбой лишь только потому, что сумел убедить руководство в твоей ценности. Сейчас все зависит только от тебя.

Тяжелый выбор. Выбор между близкими и честью. Впрочем, этот выбор довольно предсказуем.

– Зачем в разведке артиллерийский офицер?

– Именно артиллерийский офицер не нужен. Но не торопись. Я хочу, чтобы ты пошел воевать против большевиков, ясно осознавая свой долг и свою цель. Мне не нужно, чтобы ты с чистой совестью дал убить себя в первом же бою. Пойми, мы идем *освободить* Россию!

– Так ли? МЫ? Или, может быть, вермахт? И что, немцы такие дураки, что уничтожат большевиков и дадут нам возродить Единую и Неделимую?

– Нет, конечно нет... Немцы не дураки, и в любой другой ситуации я был бы против них, а не за. Вот только враг у нас один. Те, кто предал нас, кто в прошлой войне нанес нам удар в спину – внутренний враг – он один и тот же, что в России, что в Германии. Только у себя немцы победили революционную заразу, армия в большинстве своем сделала правильный

выбор. И...

– Илья Михайлович, ты уж прости, что перебиваю. Я слышан о гонениях на евреев в Германии. Да только я уверен, что ядро тех, кто ударил в спину, состоявшее из промышленников и банкиров еврейского происхождения, не пострадало. И не пострадает. А летят головы тех, кто особенно или вообще ни к чему не был причастен.

– Хм... В твоих словах есть как минимум зерно истины. Только вот про непричастных ты заблуждаешься... Никита, то, что сейчас происходит в России... оно ужасно. Ты вот говорил про непричастность простых евреев, но в Союзе не только верхушка власти состоит из них, нет. Большинство исполнителей также евреи. Например, тех, кто исполняет указ о гонении на православных. Знаешь, как на Соловках казнят священников, монашескую братию и неотрекшихся прихожан? Набивают в деревянные вагоны так, что люди неспособны пошевелиться, а затем запускают туда голодных крыс.

А про колхозы ты слышал? Слышал о том, как туда сгоняли людей? Как раскулачивали самых крепких мужиков на хозяйстве? Они были самыми авторитетными, могли сказать свое слово – и все, нет их. А результат закономерен. Голод. И что показательно, пока в России люди мерли как мухи, в Германию из Союза шли эшелоны с зерном. А на местах матерей расстреливали за то, что на поле воровали горсть зерна для детей. Чтобы от голодной смерти спасти...

Слова капитана льются на меня, как ушат холодной грязной воды. Может, он и сам был обманут, но вещи, что он говорит, отвратительны. Конечно, что-то подобное я также уже слышал, да и не раз. Но как мне казалось, все эти слухи, регулярно муссирующиеся в бульварной печати, слухами и являются, а потому не особо им доверял. Однако я хорошо узнал человека, стоявшего напротив, для того чтобы понять – бывший наставник не врет. Но ведь и правды наверняка знать не может – его же *там* не было.

– И как я уже сказал, большинство исполнителей подобных преступных приказов – инородцы, среди которых много евреев. Так что желание Гитлера сокрушить Советский Союз, уничтожить его власть, я разделяю. МЫ разделяем, большинство ветеранов Белого движения. И конечно, немцы не просто так будут сражаться с СССР. Они сполна пожнут плоды победы, они возьмут в свои руки промышленность, они захватят часть территорий, к примеру, ту же Малороссию. Но это ведь еще не вся Россия. СССР им важно устранить как организованную силу, с его уничтожением у Гитлера на континенте не останется врагов. Ну и пускай немцы правят, в конце концов, у них настоящий порядок. А на русской

земле порядок наведем мы – русские люди, кто будет сражаться против большевиков в этой войне.

А уж когда мы установим свой порядок, воспитаем молодое поколение на идеалах истинно русской нравственности и мужества... Тогда можно будет подумать и о независимости. В конце концов, Гитлер не император. Он смертный человек, и, как только его не станет, все те, кто стоит сегодня у власти, за нее же и передерутся. Вот тогда-то мы и вернем себе сполна все, что нам причитается. И земли, и промышленность, и все, что принадлежит русским по праву!

– А как же слова Гитлера об отсталости славянской расы?

– Да брось! Неужели ты согласишься в то, что немцы способны уничтожить порядка ста миллионов человек?! Это же нереально! Нет, все расовые теории – это не более чем идея. Идея о собственном превосходстве и праве повелевать на основании только того, что ты принадлежишь к эталонной расе.

Просто не было ни одной другой идеи, способной поднять из пепла растоптанный и униженный «победителями» из Антанты немецкий народ. Ведь в 20-е годы немцы были в Европе людьми третьего сорта. Прямо как русские эмигранты. И чтобы снова разбудить в них национальную гордость, нужна была одна простая, доступная широким массам идея. Ею и стал национализм Гитлера. Он, герой прошлой войны, человек из низов, вместе со всеми преданный и опущенный на самое дно, стал ее воплощением, добившись власти. А то, как он поднял страну всего за шесть лет правления... В него и его слова верят безоговорочно. Он воплощение живого божества для немцев, как фараоны у египтян. Только буквально.

Однако между идеей, доступной массам, где кто-то назван врагом, дабы людям было против кого сплотиться, и реальным действием по уничтожению целого народа – огромная пропасть.

Слова гауптмана взвешены, рациональны, логичны. Видимо, он не раз разговаривал на эту тему, возможно даже и с самим собой... Главное, чтобы все это не было самообманом.

Но картинка все равно не складывалась.

– Ну, хорошо, Илья Михайлович. Допустим, вы правы. Но почему вы решили, что Союз проиграет?

Мой собеседник весело рассмеялся:

– А кто будет сражаться за него? Евреи?

– В Испании сражались русские. И дрались они умело и мужественно.

– Испания... Да-да. Сражались.

– Ты не думай, что я тут тебе «по ушам катаю». До недавнего времени военный потенциал СССР был очень велик. И как раз когда мы были с тобой в Испании, он достиг своего пика. В качестве военных специалистов на гражданскую отправлялись лучшие выпускники училищ, а также опытные боевые офицеры. У большевиков, правда, это слово запрещено, вместо него употребляется командиры.

В сражениях что немцы, что «красные» проявили довольно высокие боевые качества с обеих сторон, «красные», возможно, даже чуть бóльшие. Но это был 1937 год. И именно в этот год СССР захлестнула война репрессий. Прямо какой-то театр абсурда: были уничтожены лучшие маршалы, самые толковые и самые грамотные: Егоров, Тухачевский, Блюхер... За ними по вертикали потянулся на расстрелы или в Сибирь командный состав, начиная с высшего генералитета и кончая ротными командирами.

Большевики не просто обезглавили армию, они лишили ее костяка, лишили ее опытных командиров. Наверху у них теперь руководят поросшие мхом «маршалы» типа Буденного или Ворошилова. Но они безудержно отстали, они не понимают новой войны. Вместо ударных кулаков мехкорпусов они дробят танковые части и переподчиняют их пехоте. Что из этого получается, я думаю, ты увидел по результатам французского поражения.

Их безграмотные решения наносят армии ущерб больший, чем это мог бы сделать внешний противник, а подчиняться им обязаны беспрекословно. Теперь командирский корпус большевиков – это безвольное и послушное стадо, тупые, безынициативные исполнители.

И свой «достойный» результат Красная армия показала в Финляндии.

– Там же была Линия Маннергейма.

– Да о чем ты? Разве Линия Мажино остановила немцев, а «Центурион» остановил франкистов? Да и финские укрепления красные прорвали, но только какой ценой! Они же буквально гнали людей на пулеметы, батальонами ГНАЛИ, понимаешь?! А их авиация? В небе Испании «красные» летчики показали высокий боевой результат, я не спорю. Да вот только в Финляндии он был ну просто нулевым. У большевиков чуть ли не половина потерь не на боевых вылетах, а либо поломками самолетов, либо крушениями на взлетах и посадках! Они на местности не могли ориентироваться, умудрялись заблудиться! Это каково!?

Да что далеко ходить. У большевиков была отлично развитая разведывательная сеть по всему миру, особенно в Европе, Америке и на

Дальнем Востоке. Представители РОВС или ветераны дроздовского полка даже не могли себе представить, откуда в случае чего последует удар! Одни ликвидации генералов Кутепова и Миллера чего стоят! И большевики сами, понимаешь, САМИ ликвидировали свою разведывательную сеть! Просто отзывали агентов и... Кто-то уцелел. Единицы. Кто-то бежал.

Одним словом, Союз сейчас легкая добыча. И Гитлер понимает, что война неизбежна, а раз так, удар надо наносить в наиболее удобный момент. То есть сейчас. Конечно, не сегодня, и даже не завтра... Думаю, где-то следующей весной удар последует.

– А как же Англия?

– Так а что Англия? Бритты разбиты, их армия сейчас не опасней скопища навозных жуков. Тот день, когда немцы высадят свой десант на их драгоценном острове, станет последним днем английской независимости. Но для этого нужно очистить небо от саксонских летчиков, а Ламанш от кораблей. Довольно сложная задача. Если люфтваффе и флот решат ее, тогда да... Но если нет, англичане не способны нанести удар нам в спину. А вот большевики способны. Так что выбор фюрера очевиден. А твой?

– А разве он у меня есть?

– Есть. Выбор всегда есть, каким бы он ни был тяжелым... Если ты выйдешь через эту дверь *вместе* со мной, я должен быть в тебе стопроцентно уверен. Ты даешь мне свое слово чести, слово офицера, что будешь выполнять все приказы и достойно воевать с «красными», не ища смерти в бою? Ты готов?

Я внутренне напрягся. Да, несмотря ни на что, это был выбор. И на этот раз покинуть конфликт я не смогу. Так что остается решить, на чьей стороне я пойду до конца. Что-то гложет меня, есть какое-то нехорошее предчувствие... Но разве не этот выбор сделал в свое время мой отец? Разве, в конце концов, не у нас с матерью отняли Отечество?

– Да. Я готов.

Глава шестая. «Бранденбуржцы»

– ...Приготовились!

Мое тело замерло в стойке, только кисть правой руки со стиснутым в ней «ножом» плавно рисует восьмерки. На оппонента можно смотреть как в зеркало: корпус повернут вправо, левая рука поднята вверх, прикрывает голову. Только не как в боксе, параллельно туловищу, а чуть впереди, под углом в 45 градусов к земле. Одним словом, отражение.

– Бой!

Мы начинаем двигаться синхронно, делая обманный выпад и заканчивая его резким доворотом клинка к себе. Такой удар режет руку чуть ниже кисти, что заставляет противника выронить нож. Но сейчас наши клинки встретились друг с другом, а не с плотью.

Бездумно наношу от плеча режущий удар в голову. Дитрих приседает, его встречный выпад достигает моего живота.

– Стоп! Мещеряков, ранен. Приготовились!

Секунда, чтобы принять стойку.

– Бой!

Чуть смещаясь влево, я атакую справа сверху-вниз режущим («пластающим») ударом. Противник отклоняется назад и тут же контратакует прямым уколom, но я с повторного замаха «режу» вооруженную руку. Третий взмах, еще один пластающий удар, направленный по диагонали в горло – но Дитрих свободной рукой перехватывает кисть у своей шеи. Сбиваю ее резким ударом левой, мгновенный перевод атаки в прямой укол, но противник успевает развернуться к клинку. Тот задевает его только по касательной.

– Остановка! Дитрих, дважды ранен! Мещеряков, двигайся быстрее! Приготовились!

Принимаем стойку.

– Бой!

Провожу прямой укол в живот с максимальной скоростью, на которую способен. Тщетно. Дитрих успевает сбить вооруженную руку левой, правой же сам наносит ответный выпад. Сбиваю его свободной, мгновенный укол – и также сбив. Контратака противника – сбиваю и, резко приседая, «пластую» ножом наружную часть его правой ноги. Дитрих рубит сверху вниз, но левой я успеваю заблокировать атаку и еще раз «режу» запястье. Укол – прибалт успевает сбить выпад, падает на колени и подсекает меня

под щиколотку.

– Остановка! Дитрих, тебе порезали бедро, могли задеть артерию. Порезали руку. После боя ты потерял бы сознание и истек кровью. Формально ты проиграл, но борьбу в конце включил красиво, молодец.

Мещеряков, эта схватка твоя. Грамотно атаковал нижний уровень, но твой режущий удар должен быть короче. После защиты ты отвел руку слишком далеко, из-за этого проиграл во времени. Буквально секунду, но Дитрих успел среагировать.

...Ножевому бою в «учебном» батальоне нас учат очень плотно, поскольку специфика «работы» подразделения подразумевает вступление в максимально плотный контакт с противником. Настолько плотный, что удобнее будет не стрелять, а работать ножом...

– ...Перед вами специальный нож сотрудников НКВД, известный как «финка НКВД». Именно от финского ножа он позаимствовал форму клинка и частично – форму рукояти. Однако обращаю ваше внимание на имеющуюся гарду и специальный упор для указательного пальца. Именно эта деталь делает этот нож боевым оружием. «Почему?» – спросите вы. Отвечаю.

Областей для поражения человеческого тела клинком не так и много. Сразу уточняю, что речь идет о максимально быстром и эффективном уничтожении врага, а не попытках его ранить, самообороне и прочее. Нет.

Для того чтобы быстро ликвидировать противника ножом, наиболее эффективно нанести «тычковый», пронзающий удар в брюшную область или в горло. Впрочем, для атаки шеи также подходят режущие, «пластающие» или рубящие удары.

Однако самой короткой и, как следствие, внезапной является атака в живот. И вот то, чего не знают новички: брюшную область как кольчуга защищает довольно мощный и толстый слой мышц. Для того чтобы пробить его, вам потребуется сильный и резкий удар. Но в то же время, если он будет нанесен *неправильным* оружием, к примеру – легким ножом, не имеющим упора, то скорее всего вы просто получите крепкий порез пальцев, соскользнувших по лезвию.

Также малый вес этого оружия делает его неудобным при метании. Предельная дистанция для броска финкой составляет три метра. К слову, спектр ситуаций, когда вы достали нож, но, вместо того чтобы колоть или резать, метаете его, чрезвычайно ограничен. Но при этом важно знать следующее: при правильном броске глубина проникания клинка вдвое превышает глубину, полученную при самом сильном ударе.

Боевые ножи, состоящие на вооружении абвера или СС, более

практичны и применимы, однако вы должны эффективно владеть штатным оружием врага. Хотя финка НКВД не относится к вооружению и выдается как вещевое довольствие. Это означает, что уставной формы ношения этого оружия нет, что очень для вас удобно. Его можно вешать на пояс, можно носить «по-уголовному» в голенище сапога, можно убрать в вещмешок, только вот последнее для вас не подходит. Вы должны иметь нож ВСЕГДА под рукой, поскольку нет более удобного оружия для внезапного нападения.

И, спросите вы, в чем искусство владения ножом? Я отвечу. Оно заключается в том, чтобы максимально скрытно его использовать. То есть так, чтобы ваш противник догадался о наличии у вас холодного оружия только тогда, когда оно окажется в его теле. Все понятно?!

– Так точно!

...Боевые инструкторы абвера – большие профессионалы своего дела. Сразу после того, как я очутился в лагере, я понял, что готовить из нас будут не агентурных или войсковых разведчиков, а диверсантов. Причем диверсантов самой высокой квалификации. Об этом говорил запредельный уровень подготовки наших инструкторов и то, какими методами они вдалбливали в нас свои знания...

...Лагерь военнопленных мы покинули буквально в течение часа, и большую часть этого времени мы прождали, пока заберут моих боевых товарищей. Я должен был знать наверняка, что они не попадут в руки эсэсовцев. Прощаться с сослуживцами мне запретил капитан, впрочем, у меня и самого таких мыслей не возникало.

За это время я успел написать короткое письмо домой. Капитан пообещал мне, что его отправят из того же лагеря, в который переведут моих парней. Я постарался ограничиться короткими фразами, из которых следовало, что я нахожусь в плену, со мной все хорошо и что меня планируют перевести в Польшу, так как я русский по происхождению. Дурацкая придумка, но на войне бывают и более нелепые вещи. Для Дуниши я подписал одну маленькую строчку:

«Помнишь арку влюбленных, как ты меня провела под ней? Это был один из самых счастливых дней в моей жизни... Как мне хочется вернуться в него, так, чтобы не было войны!»

Утешаю себя мыслью, что ты можешь ходить туда каждый день. Своди туда и маму, там очень красиво».

...Надеюсь, что Дуниша все-таки догадается при первой возможности уехать в Очандиано и взять с собой маму. Если капитан прав и Франция скоро падет, то границы с Испанией будут полностью открыты.

Перед отправкой мне выдали форму пехотинца без знаков различия и нормально покормили. Сосиски, вареная картошка и тушеная капуста были съедены мгновенно и заслужили самой высокой оценки. Я даже по-новому взглянул на капусту и смирился с будущим рационом.

Потом мы тряслись в грузовике по неизвестной мне дороге к неизвестному аэродрому. В процессе нашего путешествия капитан Климов (хотя теперь все-таки вернее звать его про себя гауптманом) поведал мне про свой боевой путь в Испании.

Оказалось, что после госпиталя Илья Михайлович попал на Арагонский фронт, где какое-то время активных боевых действий не велось. Сумел даже «выслужиться» в сержанты, получив под командование группу бойцов. Когда же началось республиканское наступление, сражался с коммунистами бригады Листера. Был ранен. Снова госпиталь и снова Арагонский фронт.

Боевал под Тэруэлью, участвовал в деблокаде города и дальнейшем наступлении франкистов. Под Эбро был снова ранен.

– Но все это стоило того, чтобы пройти с гордо поднятой головой под русским флагом на Параде Победы! Пускай Мадрид не Санкт-Петербург и не Москва, но торжество и ликование наше было безмерным. Мы добились своей цели, и это стоило всех жертв! А главное, мы смогли одержать окончательную победу над «красными», и это вселило в нас веру, что за Мадридом будет и Санкт-Петербург, и Москва!

...После с Ильей Михайловичем связались представители немецкой разведки – абвера. Они-то и предложили ему начать поиск среди эмигрантов тех, кто готов и в дальнейшем продолжить с большевиками борьбу под союзными знаменами. И Илья Михайлович довольно преуспел на этом поприще. «Последней жемчужинкой» в его «коллекции» стал я...

Я не знал той местности, куда нас высадил военно-транспортный «Юнкерс». Да и не мог знать, ведь в Германии никогда раньше не был. На борту самолета нас было семь человек вместе с капитаном, и все пассажиры были завербованы Ильей Михайловичем. Мы кратко познакомились друг с другом. Всех моих новых спутников объединяло одно: это были ветераны белого движения, по возрасту наиболее молодые из участников Гражданской.

На аэродроме нас сразу посадили в грузовик, и мы продолжили свой путь. Поездка заняла порядка шести часов; прилетели мы глубокой ночью, а к моменту прибытия на конечный пункт уже светало.

...На улице было довольно свежо. Эта прохлада ласкала тело, основательно затекшее после долгого пути. Воздух, насыщенный ароматом

свежей листвы и луговой травы (что особенно сильно ощущается на рассвете) хотелось вдыхать как можно дольше.

Насколько хватало взгляда, мне открывалась сельская местность с густым лесом, окружавшим нас с трех сторон, и поле, по которому пролежала проселочная дорога. Прямо же передо мной расположился палаточный лагерь, который сразу опознавался как военный: здесь был плац, свежесрубленные сооружения для физических занятий, хотя бы часть которых я смог идентифицировать. Пулеметные вышки по углам и колючая проволока по периметру. На мгновение пришла мысль о сходстве с лагерем пленных. Зябко передернув плечами, я постарался как можно дальше ее отогнать.

Желудок бодро заурчал: в воздухе стал растекаться соблазнительный аромат гороховой каши, которую, очевидно, готовили на завтрак. Приободренный, я готов был уже поспешить в столовую (покажите где), но в этот момент раздались уверенные басовитые команды, прозвучавшие, как ни странно, по-русски:

- Первая рота, строиться!
 - Вторая рота, в колонну по три...
 - Третья рота! Ну что копаетесь? Легко, бегом, марш!
- Все понятно: утреннее физо перед завтраком. В порядке вещей.
- Новенькие?

Устрашающего вида унтер (звания немецких младших командиров я еще не знал, а потому определил его по привычке), недобро косясь (как мне показалось, именно на меня), подошел к нашей группе.

– Белогвардейцы из Франции, последнее пополнение? Таким бравым ребятам мы рады. Комендантская палатка у плаца напротив знамени. Становитесь на довольствие и не опаздывайте к завтраку.

Немец (или русский?!) разговаривал довольно доброжелательно. Тут он заметил находящегося за нашими спинами Илью Михайловича. На секунду здоровяк побледнел:

- Хайль Гитлер! Герр гауптман, прошу простить, я не разгл...
- Все хорошо. Я сам проведу пополнение.
- Яволь!

И я уже подумал, что угроза миновала, но, как оказалось, зря. Унтер, слегка накативший на новичков, демонстрировал остальным свой авторитет. Демарш с капитаном по нему ударил, надо было как-то поправить градус уважения.

– Герр гауптман, прошу меня извинить... А молодой человек тоже воевал в России?

Вперед Ильи Михайловича ответил я, что было нарушением субординации. Просто как-то расслабился...

– Никак нет, в Испании (про Францию я решил не упоминать).

Но тут-то мой наставник решил продемонстрировать, что отвечать вперед старших – дурной тон, за который надо наказывать.

– Я вижу, у вас планируется утренняя физическая зарядка?

– Так точно!

– Молодой человек с нами, однако встать на учет он успеет. Сейчас, как я думаю, он мечтает наполнить свое утро физическими упражнениями. Ведь так, Никита?

Что мне оставалось? Только попенять самому себе за несдержанность.

– Так точно, герр гауптман! Физические упражнения – отличное начало дня!

Капитан недовольно ответил, уже отворачиваясь спиной и направляясь с остальными к плацу:

– Вот и позанимайся.

В этот момент вполне доброжелательная улыбка унтера неуловимо преобразилась в волчий оскал.

– Ну что, новенький, падай в строй...

С этого момента начались... испытания.

Дистанция утреннего кросса составила порядка 17 километров. И это были 17 километров по пересеченной местности. Учитывая, что в свое время я пробегал максимум по пять километров, а в последнее время предельные физические нагрузки совмещались с периодами долгого бездействия, да еще и на фоне дикой скудности рациона, я был далеко не в блестящей форме. И к концу пробежки был готов выплюнуть легкие...

Мы выбежали на опушку с обратной стороны лагеря. Я понадеялся, что это конец испытаний. Я ошибся.

– Внимание, бойцы, рукопашный бой! Меняем противников, три схватки до победы, затем бегом на площадку.

КАК?! Я имею в виду, как можно сейчас драться? Бросьте меня на землю, я и без драки готов...

– Новичок, а ты пока со мной!

Час от часу не легче. Попробую его не сильно потрепать, а то этот монстр замучает меня за уроненное второй раз за утро достоинство.

То, что я очень ошибся с оценкой противника и собственными возможностями, стало понятно в тот миг, когда мое тело с ускорением метеорита впечаталось в землю...

А начало спарринга не предвещало подобного исхода событий. Мой

противник замер в метре от меня с опущенными руками. Я тут же сделал вывод, что с настоящим мордобоем унтер не знаком, и утвердился в догадке, что передо мной легкая цель. Но только я диким усилием воли поднял руки к защите, как мой соперник, молниеносно заключив мое запястье в стальной захват, резко дернул меня к себе. Я, потеряв равновесие, провалился вперед и тут же получил такую подсечку (сравнимую с мощнейшим шассе!), что подлетел в воздух, прежде чем упал.

«Теплый» прием унтера очень сильно меня разозлил. Как-то сразу вспомнилось, что в начале этой недели я видел его сослуживцев через прицел панорамы. И пускай он силен как бык и весьма ловок, да только и я тоже чего-то стою.

...Так я думал, прежде чем во второй раз взлететь в воздух и преболбно приземлиться на утоптанную почву...

На этот раз я атаковал хорошим хуком слева, рассчитывая продолжить атаку ударом правой. Но унтер, легко уклонившись от первого удара, принял правую на блок и тут же обхватил ее второй рукой в районе плеча. Это движение молниеносно перетекло в резкий разворот противника ко мне спиной... и дальше я ничего не понял. Осознал себя лежащим на земле.

Третью атаку я начал с обманного джэба, который даже не достиг блока оппонента. Его задача заключалась в маскировке: взгляд противника должен был сосредоточиться на «верхнем» уровне, в то время как мощный круговой удар голенью обрушился бы на бедро. Однако, легко уклонившись, унтер совершил невозможное: он перехватил мою ногу у бедра и, вновь стремительно развернувшись ко мне спиной, одновременно резко подбросил правую ногу... Это было крайнее движение, которое я зафиксировал, прежде чем снова оказаться в «свободном полете». Но на этот раз мои злоключения не кончились: противник мощно дернул меня за ногу, одновременно разворачивая ее вокруг своей оси. Я невольно развернулся на живот, и в этот момент унтер фактически сел сверху, обвивая мою ногу своей в районе колена. И оно тут же отозвалось непривычной и острой болью.

– А-а-а! А-а-а-а!!!

– Новичок, если тебе больно, стучи раскрытой ладонью!

Я застучал. Даже прямо-таки захлопал ею по земле. И, наконец, мой мучитель отпустил мою конечность.

– Три из трех! Новичок, ты когда воевал в Испании, «красных» видел только в бинокль? И в рукопашных ни разу не был? Ни скорости, ни силы,

ни ловкости. Плохо!

Я промолчал. В сравнении с противником мне действительно не хватало всех перечисленных качеств.

...На завтрак я заходил, просто шатаюсь от усталости. Как оказалось, площадка для выполнения физупражнений включала в себя довольно сложную полосу препятствий, на которой я беспощадно провалился, причем несколько раз и буквально. Что же касается стандартных упражнений, то все курсанты смогли выполнить большее число подтягиваний на турнике и отжиманий на брусьях. Это было по самолюбию, учитывая, что среди них были более возрастные мужчины.

Получив свою порцию каши, я постарался забиться как можно дальше. Ни капитана, ни белогвардейцев я не увидел. Возможно, позавтракали с другой ротой. А ловить на себе взгляды тех, на чьих глазах меня мордовал унтер, как-то не хотелось. Мне казалось, что теперь они будут считать меня ничтожеством, и вдвойне было обидно от того, что раньше по физо я был одним из лучших.

И каково же было мое удивление, когда несколько курсантов сами подсели ко мне и, хлопая по плечу, поздравили с проверкой на вшивость. По их мнению, я прошел ее на отлично, все утро держась молодцом.

...Так я познакомился с новыми товарищами-сослуживцами и оберфенрихом Отто Грубергом, инструктором по рукопашному бою.

...Вообще рукопашной подготовке курсантов учебного батальона уделялось значительное внимание. Груберг на полном серьезе заявлял, что навыки боевых искусств – это оружие, которое не отнять и к которому не могут закончиться патроны.

Базой для нашей подготовки стало японское боевое искусство дзюдо (путь мягкости). Его прародитель и ближайший родственник дзю-дзюцу (искусство мягкости) было известно в Европе еще в начале века, однако не получило широкого распространения из-за отсутствия должного количества подготовленных тренеров. То есть их практически не было; единоборство изучалось энтузиастами по всевозможным брошюрам.

Ситуация в корне изменилась после того, как Германия и Япония стали союзниками и немцам открылся путь в святая святых японской борьбы: в школу Кодокан дзюдо.

Система японской борьбы, формировавшаяся на протяжении столетий, рождалась в бесчисленных схватках самураев. Рыцари Востока жили служением господину и войне, и секрет их невероятной выучки заключался в постоянном самосовершенствовании. Правда, само дзюдо стало системой, где боевые приемы получили соревновательное, спортивное

назначение, что сказалось на их практической эффективности. Но «путь мягкости» по-прежнему включал в себя и боевой аспект.

Естественно, из нас не могли сделать спортсменов уровня Груберга, который был настоящим адептом японского «искусства». Но этого и не требовалось: изучался минимум боевых приемов, который отрабатывался до абсолюта.

Рукопашная подготовка диверсанта включала в себя следующие основные направления: схватка на ближней дистанции с вооруженным противником, захват «языка», освобождение от возможных захватов. Основной упор делался на болевые приемы, которые проще назвать заламами.

Бросковая же техника получила узкоспециальное назначение. К примеру, бросок через спину или через спину с колена (сэои-наге) изучались как форма освобождения от удушающего захвата за шею, а кувырок вперед с захватом ноги противника – как освобождение от захвата за туловище. Передняя подножка (еко вакарэ) шла в комплексе с кистевым заломом, а задняя (осото-то-отоси) использовалась при схватке с вооруженным винтовкой врагом (уход в сторону с линии атаки с одновременным захватом за шею или корпус, рывок вперед и тут же подбив опорной ноги). Довольно популярными были различные варианты атаки ног руками: это когда, резко присев, делаешь рывок вперед и, захватив ноги, сбиваешь человека корпусом. Или же «вынимаешь» их, резко дергая на себя (моро-те-гари). Активно изучались и подсечки (де-аши-барай).

Заломы эффективно используются против вооруженного врага тогда, когда он держит оружие одной рукой. К примеру, пистолет. Вариации кистевого залама работают и в момент, когда противник пытается достать оружие из кобуры, и в момент, когда он навел на вас оружие на близкой дистанции. Тогда можно (уйдя с линии огня) перехватить руку обеими ладонями и, заламывая кисть, направить на него же его оружие. Или резко ударить с обеих сторон по кисти: с внутренней стороны чуть ниже ладони и с внешней по костяшкам. Тогда пистолет (или револьвер) просто вылетает из рук. Заломы на локоть используются при конвоировании или как вариант защиты от ножа. Вот только для того, чтобы провести этот прием, необходимо захватить руку, сжимающую клинок, а с опытным противником такой финт практически невозможен.

... – Как справиться с вооруженным ножом противником, если у вас с собой нет оружия? Ну, во-первых, что значит нет? Импровизированное оружие можно найти практически всегда и везде. Палка? Прекрасно. Ею можно легко обезоружить врага, нанося резкие удары по руке, сжимающей

нож. Камень? Им можно бросить в голову. Если не попасть, то, по крайней мере, отвлечь. Любой предмет, который есть у вас в руках, от россыпи патронов до десертной ложечки, брошенный в лицо человека, заставляет хотя бы на секунду его отвлечь. И важно не упустить эту секунду. Близкая дистанция – бейте ногой в пах или кулаком в горло. Средняя дистанция – перехватите вооруженную руку, заломайте кисть или проведите рычаг локтя. С дальней дистанции никакого смысла что-либо кидать нет: противник заметит ваше движение и успеет среагировать раньше, чем вы проведете свою атаку.

Нет в принципе ничего, чем можно было бы отбиваться или бросить? И эта ситуация не безвыходная. Просто надо запомнить один важный момент: любое оружие само по себе безвредно. Самолет не полетит без пилота, пулемет не откроет огня без расчета, вот и нож не ударит вас сам по себе. Потому и работать надо против человека, а не против оружия. Ошибка новичков или обывателей, которых успешно режут бандиты: они пытаются схватиться за нож или вооруженную руку во время схватки. Зачем? Ждите атаки. Скорее всего она последует в живот. Может, и нет. Рассейте взгляд, смотрите в точку на груди ниже шеи. Только не концентрируйтесь на ней, а «рассейте» глаза по сторонам – и тогда вы увидите руки, успеете среагировать на удар. А дальше все просто: уходите с линии атаки, сбиваете вооруженную руку и наносите удар в горло или пах. Но в любом случае, защитит себя от атаки ножом сможет тот боец, кто умеет наносить им удары.

...И мы активно учились их наносить. Тренировались на свиных тушах. Прямой укол, укол сбоку, режущий удар... К слову, себя я какое-то время по-прежнему считал бывалым рукопашником (основания на это мне давали рукопашные схватки на Пингаррон). Да и знания, полученные на улицах Марсея, в целом совпадали с тем, чему нас обучали инструкторы.

Но так я думал ровно до знакомства с Макаром Осиповым, кубанским пластуном. В первой же схватке, в которой он должен был защищаться от ножа, пластун продемонстрировал свое абсолютное превосходство. Какие бы я ни делал обманные движения, как бы быстро ни проводил атаки, казак легко защищался, каждый раз становясь победителем. Он плавно, но очень быстро перемещался вокруг меня и зачастую ловил мой корпус руками, закручивая так, что я неизменно оказывался на земле. Или резкими, словно кошачьими, хлесткими ударами выбивал нож. Он бил по руке или чуть ниже кисти с внутренней стороны, или с внешней по кулаку в районе костяшек. Как я ни старался, в момент немеющие пальцы разжимались и выпускали оружие.

Этот стиль ведения боя мало походил на дзюдо, потому я решил узнать, чем же владеет казак. Оказалось, что никакого стиля нет, а есть искусство ведения боя безоружным, которым в свое время владел каждый пластун. Заинтересовавшись, я продолжил расспрашивать старого (гораздо старше сорока) казака. И хотя я любил историю и думал, что неплохо ее знаю, многие вещи оказались далеко за пределами моих познаний.

...Казачество за свое существование пережило несколько этапов развития. Как появился этот свободолюбивый народ (а Макар однозначно считал казаков народом), история умалчивает. Остается лишь догадываться, что бродники, в свое время поддерживавшие монголов в борьбе с половцами и, как следствие, в завоевании Руси, поступили к ним на службу. Оттуда и перевод слова «казак» – вольный, свободный. То есть вольный и свободный русский воин на службе у татар...

Но память общей крови и веры не потерялась, и на Куликовом поле, а также во время нашествия на Русь Тамерлана казаки поддерживали Московских князей. За что и поплатились. Их города по Дону были разорены, а уцелевшие бежали кто на Русь, кто на Запорожье.

Когда же степняки ослабели, а донские степи стали диким полем, вольные воины вновь стали их осваивать. Но при этом малыми отрядами, которые пока еще не могли на равных сражаться с конницей степняков.

К казакам примкнули разбитые московскими владельцами новгородские ушкуйники, что промышляли речным разбоем на Волге. Вместе они стали совершать морские походы на турок и татар. Походы эти были успешны, уцелевшие воины возвращались с богатой добычей, что неизменно приводило к увеличению числа «охотников» и росту воинского мастерства внутри казачества. Тем же путем развивалась и запорожская вольница, воины которой совершали совместные морские походы с донцами.

В итоге возрожденное казачество представляло собой не конницу, а сильную «морскую» пехоту. Прямо как пираты Карибов, с той лишь разницей, что казаки сражались с иноверцами, грабившими Русь, что Литовскую, что Московскую. И это было не сборище бандитов: вольные воины умели воевать строем (что было редкостью в XVI–XVII вв.), имели в своем распоряжении большое количество огнестрельного оружия. Они были спаяны верой, боевыми традициями воинского братства, общим врагом. Враг, к слову, был очень сильным. Достаточно сказать, что лучшей пехотой того времени считались турецкие янычары, и запорожцы признавали себя преемниками их боевых традиций.

В XVIII веке ситуация стала меняться. Донское казачество, при

поддержке Московского государства, разрослось, окрепло и создало собственную конницу. В дальнейшем донцы и развивались как тип легкой конницы, одной из лучших в мире (вспомним слова Наполеона о казаках). Запорожцы тоже имели свою кавалерию... но лошадей мог иметь далеко не каждый казак. Казачья старшина разоряла простых воинов, что, кстати, стало одной из причин расформирования запорожского войска и перевода его на Кубань, в предгорья Кавказа.

Вот там запорожцам из станицы Пластуничной и пригодились навыки пешего боя. Они развивали их с каждым поколением в бесчисленных схватках с горцами, и в итоге появился отдельный род казачьих войск – пластуны. Они снайперски стреляли, великолепно ориентировались на местности, умели бесшумно двигаться и мастерски маскироваться. Их навыки владения холодным оружием просто не имели аналогов, а уж умение снимать дозоры и вести разведку...

Но в то же время их численность всегда была очень невысокой. Про них знали, пластуны отличились при обороне Севастополя, но никто не попытался систематизировать и распространить их уникальный боевой опыт. Очевидно, из-за его специфичности – ведь до Первой мировой в Европе по-прежнему придерживались правил ведения «рыцарской» войны.

В Великую войну пластуны изначально воевали на Кавказском фронте в количестве двух бригад. В дальнейшем, когда часть русских войск перебросили с Кавказа на Восточный фронт, пластуны отличились в боях и с германцами. Они бесшумно снимали часовых, а после так же бесшумно вырезали немцев целыми ротами.

В Гражданскую пластуны сражались на стороне белых. Но их присутствие существенным образом не отразилось на ходе боевых действий из-за малого числа и неспособности командования грамотно реализовать их потенциал. К слову, отдельные пластунские батальоны и даже бригады формировались из числа донских казаков, вот только это были не настоящие пластуны, а обычные спешенные казаки.

И так получилось, что в «учебный» батальон попал настоящий пластун. Макар объяснил мне принцип казачьего боя без оружия. Если перевести его слова на научный язык, получалось следующее: человеческое тело представляет собой систему рычагов. И если приложить определенное усилие одновременно к двум разносторонним рычагам, то система выйдет из равновесия. Еще проще: если надавив одновременно на плечо и с противоположной стороны поясницы оппонента, а после добавить вращательный момент (закрутить), то человек неминуемо упадет.

Заниматься изучением данного искусства я в конечном итоге не стал.

Во-первых, не было лишнего времени. Во-вторых, я уже был сложившимся спортсменом с определенным стилем ведения рукопашного боя, и то, что давалось мне на дзюдо, гармонично укладывалось в систему моей подготовки. Дело в том, что и у сават, и у дзюдо есть одна принципиально общая черта: и то и другое единоборство состоят из определенного количества приемов, которые отрабатываются до абсолюта. Когда начальная база складывается, единоборец того или иного стиля ведет бой, оперируя комбинациями базовых приемов. Это может быть импровизация, но она обязательно опирается на базу. А то, что показывал мне пластун, представляло собой не отработанные приемы, а только определенные движения. Они были несложными и имели общий принцип, но при этом их боевое применение требовало феноменальной скорости и реакции, которые у меня отсутствовали в должном объеме.

Совершенно иной была ситуация с искусством владения ножом. Вот тут-то боевые движения пластуна, его искусство фехтования нашли свою нишу в нашей подготовке. Короткие круговые движения рук казака, превращающиеся в «пластающие» удары, стали вторым этапом обучения, поскольку именно на них базировалось фехтование на ножах. К слову, многие из них хотя бы отдаленно напоминали мне движения вооруженной руки в сабельной схватке, изучаемой мной в артиллерийской школе.

Когда я в первый раз вступил с Макаром в учебную схватку на клинках, казак трижды легко меня обезоружил, просто нанеся сильный удар под углом 45 градусов по моему ножу. Когда же я пытался атаковать, пластун легко перехватывал (отбивал) и «резал» атакующую руку, а после таким же круговым движением «пластал» мне шею или колол живот.

Он же научил меня метать финку (до того у меня не особо получалось).

– Никогда не спеши. Спешка до доброго дела не доводит. Что там тебе говорили твои инструкторы? То блажь. Это они не могут метать легкий нож, а я могу метнуть все, вплоть до гвоздя.

В этой науке ничего особенно сложного нет. Просто не спеши, пока учишься. Бросок ножа, как и удар, не должен делаться напряженной рукой, не надо усиленно закручивать кисть. Хват: нож можно метать, держась как за клинок, так и за рукоять. Но мы всегда учились метать его хватом за рукоять: в бою времени перехватить клинок может и не оказаться.

На большое расстояние метать легкий нож, конечно, тяжело. Так что я покажу тебе, как это делать с трех метров – ведь вас так учат, верно? Смотри. Рукоять обхватывай не у гарды, а ближе к нижней части: так сохранится равновесие при броске. Когда меташь, разворачивай клинок к

себе плашмя. Подними руку с ножом, чуть заведи ее за голову... Так, правильно. А теперь распрямляй ее, резко, только нож выпускай из кисти выше цели. Тогда клинок как раз полетит туда, куда ты его посылаешь.

... – Не получилось? Ничего. Пробуй еще.

В конечном итоге получаться стало. Я слишком сильно старался докрутить нож, бросал его даже ниже цели, а потому ничего не выходило. В дальнейшем я довел свой бросок до автоматизма.

Но, конечно, ножевой и рукопашный бой (изучалось еще и фехтование на штыках) не могли быть ведущими в подготовке диверсантов. Стрельбы из всех видов советского оружия (которое было в нашем распоряжении) проходили ежедневно, а ночные – до трех раз в неделю. И естественно, упражнялись мы не на неподвижных мишенях. Ночью стреляли в основном на звук или на вспышки света (имитация ответного огня), а вот днем... Для отработки практических навыков владения автоматическим и полуавтоматическим оружием мы бегом проходили полосу препятствия с ППД (пистолет-пулемет Дягтерева), ТТ (пистолет оружейника Токарева, производимый на Тульском оружейном заводе) или наганом. Также нами подробно изучались немецкие МП-38, пистолеты ПЗ8 («вальтер»), П08 (люгер), К-96 (маузеры образца 1916 г. и модели 712 «Schnellfeuer» обр. 1932 г.).

Мишени или раскачивались как маятник, или резко вставляли за счет приводимых в действие нехитрых механизмов. При стрельбе мы никогда не занимали стационарной позы, а учились открывать огонь с разных позиций, в том числе с земли, с колен, лежа на спине или боку и т. д. При этом особое внимание уделялось постоянному перемещению, «перетеканию» из одного положения тела в другое (ведя огонь!). Или же отрабатывалась ситуация внезапной атаки, когда необходимо было мгновенно (по сигналу) сорвать оружие с плеча или вынуть из кобуры, одновременно занимая позицию за укрытием, или, в крайнем случае, распластавшись на земле (вот где нам пригодились падения и кувырки из дзюдо).

Естественно, мы сравнивали аналоги оружия. Так вот, советский ППД, на мой взгляд, значительно превосходил МП-38. Его минус заключался только в значительно большей боевой массе. Зато он превосходил германский аналог в точности, кучности и дальности стрельбы. Появившийся в дальнейшем МП-40 не особенно отличался от предшествующей модификации.

Если сравнивать пистолеты, то в принципе что ТТ, что П08 были достаточно эффективным оружием со своими недостатками. ПЗ8 был

надежнее П08 и несколько превосходил ТТ в плане безопасности.

Превосходство пистолетов над револьвером было очевидно. Но наган был доукомплектован установкой бесшумной стрельбы «БРАМИТ», что делало его поистине оружием диверсанта.

Однако самым мощным и эффективным образцом в этой серии является «маузер». Громоздкий, конечно, зато емкость магазина и скорость стрельбы в сочетании с кобурой-прикладом делают его настоящим штурмовым оружием! А уж что говорить о модели 712 «быстрая стрельба», с режимом автоматического огня и емкостью магазина в 20 патронов!

...При винтовочной или пулеметной стрельбе мы занимали стационарные позиции. Здесь в первую очередь от нас требовалась высокая точность, однако огонь открывался опять-таки по движущимся с разной скоростью целям.

Проходили мы и полноценный курс снайперской подготовки.

– ...Как вы думаете, курсанты, что самое важное в искусстве снайпера?

Вопрос кажется тривиальным. Кто-то из строя отвечает:

– Меткая стрельба!

– Метко стрелять, имея оптический прицел, могут очень многие. Но результативными снайперами становятся единицы. Еще есть догадки?

На этот раз строй молчит.

– Терпение и умение выбрать правильную позицию.

Поясняю. Снайпер может провести несколько часов на одном и том же месте. Если он начнет шевелиться, его вполне может засечь дежурный пулеметный расчет. В таком случае огонь, который откроет противник, наверняка уничтожит незадачливого стрелка.

Потому снайпером становится тот, кто будет ссать под себя так, что внешне не выдаст себя ни единым движением. И это не смешно. Нажраться или напиться перед «охотой» может только идиот. Обычно с собой берут флягу воды, немного хлеба на перекус и сахар – он несколько обостряет зрение.

«Охота» на простых рядовых для снайпера – непозволительная роскошь, поскольку у него есть всего один выстрел. В крайнем случае два, если цель того стоит. Но засечь по вспышке выстрела могут даже после первой стрельбы. Потому цель поражать необходимо наверняка и выбирать ее нужно с умом. Ею могут быть офицеры, артиллерийские корректировщики, в крайнем случае пулеметчики. Что же касается выбора укрытия – оно не должно выделяться. То есть подбитый танк – это отличное укрытие, если он не одиноко стоит на нейтралке. Кроме того,

перед «охотой» необходимо заранее подготовить запасную позицию. Это на тот случай, если вы все-таки хотите выжить.

Конечно, все эти правила подходят для «охоты». Вы должны знать их и понимать. Однако задача снайпера, работающего в составе штурмового подразделения, – это максимальное огневое прикрытие, которое создает быстрая и точная стрельба. Но и здесь вы по возможности должны быть максимально замаскированы и уметь в горячке боя выбрать ту цель, которая создает наибольшую трудность группе. И которую другие бойцы подразделения без вас поразить не могут.

...Что же касается сравнения, то оба варианта снайперских винтовок, разработанных на базе штатного оружия («трехлинейки» и карабина маузер 98к), казались нам примерно равными и были одинаково смертоносны в руках умелых солдат. Вот ручные пулеметы отличались сильно. «Единый» МГ-34 значительно превосходил ДП-27 («дягтерев» пехотный) в скорострельности и скорости смены запасного ствола. Но советский ручной пулемет был удобнее, мобильнее и надежнее. Тут уж каждому свое, хотя при стационарной стрельбе «машингевер» однозначно сильнее.

...Минимальной тактической единицей в батальоне является двойка солдат. Каждый из нас учится вести бой в одиночку, но парная работа существенно увеличивает возможности бойцов на поле боя. Прогресс достигается за счет необходимого огневого прикрытия и кругового обзора, что существенно повышает уровень взаимодействия внутри отделения.

Моим вторым номером становится Илья Михайлович. И это несколько странно. Только подумать, целый гауптман! Это звание позволяет претендовать на должность командира батальона; если же учитывать специфику нашего подразделения, то оно предполагает службу где-нибудь в штабе. Но уж точно не совершать диверсии в тылу противника в качестве рядового бойца.

Однако оказалось, что виной тому не какая-то предвзятость немцев, а личный выбор Ильи Михайловича:

– Никита, ну подумай сам, какой штаб (я поделился с бывшим наставником своими мыслями)! Я боевой офицер, и мое место на поле боя. Да я в Испанию отправился драться рядовым только для того, чтобы скрестить оружие с большевиками! А тут, представь себе – наше возвращение в Россию! Мы первыми переступим границу, с нас начнется освобождение родной земли! Только вдумайся: как я могу оказаться в стороне?! Нет, я хочу побывать на поле боя, я этого жажду.

Ну а кроме того, есть еще один очень важный момент. Мой долг чести перед всеми людьми, которых я привел в батальон. Ведь они тоже

офицеры, кто-то также успел дослужиться до капитана, среди них есть дроздовцы... И как же я могу окопаться в штабе, когда мои боевые товарищи пойдут в бой?!

– Но почему я?

– Да как почему?! Никита, ты мой самый близкий соратник! Мы с тобой вместе сражались на Пингаррон, а в батальоне больше нет ни одного моего брата по оружию. В конце концов, с меня начался твой боевой путь, и я надеюсь присмотреть за тобой.

...К слову говоря, боевые навыки дроздовца заставляют меня немного завидовать: точность и скорость стрельбы его просто феноменальны! Если я в чем-то и превосхожу его, так это в силе и выносливости. Но будь наоборот, ситуация, когда пятидесятилетний мужчина превосходил бы меня физическими кондициями... Это было бы за гранью. Все-таки и я очень старался и на полную выкладывался на тренировках.

Курс огневой подготовки, помимо точной и быстрой стрельбы, включал в себя гранатометание и борьбу с танками. Что касается гранатометания, то практические занятия проводились на стрелковом полигоне ежедневно после стрельб. Изучались нами три типа советских гранат: «градусник» (РГД-33, ее необходимо было встряхнуть перед броском), «лимонка» (Ф-1, копия основной французской гранаты), а также противотанковая РПГ-40.

Что касается «градусника», то из-за сложности боевого применения мы с ним только знакомились (на случай использования трофеев). «Лимонка» была легче, проще в эксплуатации и более эффективна в бою. Эту гранату мы учились метать не только очень точно на предельную дистанцию (до 50 м), но и с 2-секундной задержкой во времени (чтобы «цели» не успели убежать или укрыться), а также по движущимся мишеням. Подразумевалось, что мы сможем закинуть гранату в открытый кузов грузовика с пехотой.

Немецкие аналоги, «колотушка» (М24 с длинной деревянной ручкой) и «яйцо» (М39), на мой взгляд, уступали советским образцам. Хотя М24 очень точно и удобно бросалась, но большой вес и габариты, а также меньший разлет осколков не позволяли ей конкурировать с «лимонкой». Уж про «яйцо» и говорить нечего. Но, с другой стороны, в плане боевого применения «немцы» превосходили «градусник».

РГД-33 имела только одно важное преимущество: связка гранат становилась удовлетворительным противотанковым средством на ближней дистанции. Мешок «лимонок» в теории также можно было забросить на танк или под гусеницу, но практически такой вариант стоило использовать

как самый последний. Хотя у меня в свое время более-менее получилось.

РПГ-40, со штатной бронепробиваемостью в 20 мм, была единственным эффективным средством борьбы с танками, имеющимся в распоряжении советской пехоты. Для сравнения, немецким солдатам приходилось вязать связки из М24, что требует как минимум времени на подготовку. Сложность применения РПГ-40 (как и связки гранат) заключается в слишком большом весе оружия, что ограничивает предельную дистанцию броска на 10–15 шагов.

Соответственно наша противотанковая учеба заключалась в обкатке танками и искусством поражения боевых машин связками или специализированными гранатами. Выглядело это так: вырывался (на скорость!) окоп, по нему проходил танк, делая один-два разворота. Это было самым страшным испытанием, поскольку учеба дважды заканчивалась несчастными случаями. Один раз погиб тиралец, один раз был тяжело ранен боец из прибалтийских немцев. Была некрасивая ситуация, когда обоссался молодой немчик. Но зато случаи, когда люди не выдерживали и бросались убежать, зафиксированы не были. Обкатка должна была достичь (и достигала) психологической готовности солдат к бою с танками.

В штатном режиме все заканчивалось благополучно: машина проезжала вперед, боец выбирался из окопа и бросал гранату (связку) напрямик за башню танка – туда, где жалюзи сверху прикрывают двигатель. Компоновка машин в данном случае была стандартной, и то, что мы практиковались на Pz.- II, не играло никакой роли.

Кстати, довольно сильная машина сопровождения пехоты и разведки. Ее скорострельной автоматической пушки калибра 20 мм было вполне достаточно для поражения легких советских танков Т-26 и БТ-7, основных наших противников. Против пехоты она со своей скорострельностью, пожалуй, была даже более опасна, чем классические танковые орудия, ведущие огонь осколочно-фугасными снарядами.

Кроме гранат, нами также изучалось еще два вида средств борьбы с танками. Во-первых, это были бутылки с зажигательной смесью. Тут все было банально просто: рекомендовалось в любой стеклянной бутылке (из-под пива, минералки, лимонада) развести смесь керосина и бензина, воткнуть в горлышко длинный тряпочный фитиль и метнуть получившееся оружие за башню боевой машины.

Во-вторых, это были трофейные польские противотанковые ружья. Это средство борьбы с танками было довольно слабым и малоэффективным из-за винтовочного калибра оружия. Для сравнения,

немецкие ПТР обладали большим калибром и за счет этого были способны пробить более толстую броню. Но и польские ружья все же могли сгодиться в бою: рекомендовалось вести огонь по смотровым щелям и тракам танков при лобовой атаке, а по возможности (с замаскированной позиции, фланкирующим огнем) по корме и бортам (там броня стандартно слабее). Основное преимущество польских ПТР заключается в том, что некоторое их число попало в руки большевиков после «Польского похода».

То, что нас учили воевать именно советскими образцами оружия, диктовало само назначение «учебного батальона». Мы являлись не просто бойцами штурмовых подразделений, мы являлись диверсантами, которые не должны были вызвать у противника подозрений. Соответственно до той поры, пока не начнем его уничтожать.

А потому команды инструкторов, обращения к военнослужащим и даже личные разговоры между бойцами подразделения велись исключительно на русском языке. Это было не так и просто, учитывая, что носителей языка в батальоне было не более половины личного состава. В большинстве своем прибалтийские немцы и прибалты, эмигранты среди них составили наиболее маленькую группу.

Много было немцев из Германии, чуть меньше из Австрии. В отдельную группу набирались тирольцы и баварцы. Они обладали хорошей альпинистской подготовкой и, видимо, должны были использоваться где-то в горах.

К слову, во время «товарищеской помощи» германским сослуживцам по изучению русского я сам активно впитывал в себя знания немецкого. Получался взаимовыгодный симбиоз, который, кстати, поощряли наши командиры.

Да, именно командиры. Все звания употреблялись исключительно в соответствии с советскими аналогами, а у большевиков офицеров не было. И кстати, командиры зачастую ходили в советской форме. Это делалось для того, чтобы мы привыкали к знакам различия противника. С нами даже проводились примерные политзанятия! Нас учили отвечать и обращаться к командирам и солдатам не только в установленной форме, но и с правильными интонациями, используя порой какие-то простонародные выражения и обороты в зависимости от ситуации. Ситуация могла быть разной: расположение к себе, подчинение, провоцирование паники... Отдельным лингвистическим курсом изучался русский мат! Тут даже я умудрялся почерпнуть для себя нечто новое.

Все это делалось для того, чтобы мы гармонично влились во враждебную нам среду, и, в случае «мирного взаимодействия», не выдали

себя какими-то мелочами.

Целый курс специальной подготовки посвящался психологии советских солдат и командиров. Из этого курса выходило следующее.

Во-первых, чем выше должность, тем менее способен и более труслив человек. Другими словами, на командирские должности зачастую выбиваются не самые грамотные, а самые нахрапистые, которые добиваются своего через полезные знакомства и угодливость перед начальством. И чем выше звание, тем человек становится все большим хамом и самодуром с подчиненными. В то же время он все сильнее стелется перед начальством. Практический результат – это огромные потери Красной армии при штурме линии Маннергейма. Тогда многим командирам ставились жесткие по срокам установки на штурм укреплений. И пока бой еще шел, а сроки уже подходили к концу, и командира полка или батальона начинали трясти, последние докладывали наверх о взятии укрепления. А сами своих подчиненных бросали в бой, уже не считаясь с потерями. Это вместо того, чтобы запросить время и дополнительные средства усиления, настоять на своем.

Во-вторых, все безобразие в армии творилось зачастую из-за отсутствия единоначалия. Большими командирами становились те, кто умел засунуть свое собственное мнение очень глубоко. А высшее командование, начиная с маршалов, было не особо грамотным, всех «умников» съели репрессии. В итоге выполнялись любые, даже самые абсурдные приказы. И что важно, зачастую они исходили даже не от старших командиров, которые имели хоть какое-то адекватное представление о войне, а от политических руководителей. Институт политруков пронизывал армию насквозь, и, несмотря на то, что рядовые солдаты и младшие командиры их не особо уважали, для высшего командования слова «комиссаров» были законом.

В-третьих, в армии выстраивалась очень жесткая вертикаль командования. Каким бы ни был дурацким приказ от командиров или политруков – иди и исполняй. Главное, чтобы в слова приказа было вложено как можно больше дури, хамства и крика. И вот как раз на этом собирались сыграть командиры «учебного батальона».

И в-четвертых, совсем особенным было отношение к сотрудникам ведомства НКВД. Эти обладали безграничным влиянием в армии, еще недавно содрогавшейся от репрессий. Командиров от НКВД слушались с безграничным пиететом, причем «особисты» могли обжаловать практически любой приказ, что подчеркивалось особым положением званий сотрудников данного ведомства. К примеру, сержант НКВД был

равен армейскому лейтенанту.

И все это также могло быть эффективно использовано при диверсиях. Конкретнее, нам обещали перед заброской выдать полный комплект обмундирования и документы сотрудников «особого» ведомства.

Рукопашный бой, огневая подготовка, гранатометание, лингвистическая практика, психология, медицина (оказание первой помощи)... Чего еще мы только не изучали. Полный курс ориентирования на местности, выживания в лесу, работы с картами и особенности полевой разведки. Краткое знакомство с советской артиллерией, а конкретно с полковыми и противотанковыми орудиями, минометами (вот уж где я был в числе первых). Вождение грузовых машин и мотоциклов, радиодело, парашютно-десантная подготовка, плавание...

Особое внимание уделялось минному делу. Нас учили пользоваться штатными советскими противотанковыми и противопехотными минами, изготавливать фугасные заряды, делать растяжки с помощью гранат и простейшие взрывные устройства из подручных материалов. Естественно, обратной стороной курса была саперная подготовка в части поиска мин и разминирования.

И, конечно, тактика: тактика ведения боя в группе, двойке и поодиночке, тактика засад... За время подготовки мы стали элитными бойцами, каждый из которых стоил отделения противника на поле боя.

Правда, мы знали, что в структуре НКВД также есть группы бойцов со специальной подготовкой – «ОСНАЗ». И эти ребята наверняка переняли опыт казаков-пластунов.

Но сами немцы считали бойцов «учебного батальона» преемниками боевого опыта солдат генерала Пауля Эмиля фон Леттов-Форбека, сражавшихся с англичанами в Африке в мировую войну. Британцев было значительно больше, и генерал фон Леттов-Форбек осознал, что в классическом полевом сражении они просто задавят числом. А потому избрал тактику ведения партизанской войны, совершая многочисленные (и успешные) налеты на коммуникации и тылы англичан, эффективно уничтожая противника в засадах. Данная тактика подарила немцам бесценный боевой опыт и множество нетрадиционных приемов ведения войны.

И нашлись те ветераны боев в Африке, кто сумел организовать в структуре Абвера целый центр подготовки диверсантов, где активно изучался и совершенствовался опыт солдат фон Леттов-Форбека (сам знаменитый генерал отказался служить режиму фюрера). Мой батальон «800-го учебного полка особого назначения» дислоцировался рядом с

городом Бранденбург-на-Хафеле в Германии. И именно по нему подразделение получило кодовое имя «Бранденбург-800», а мы наименование «бранденбуржцев».

Глава седьмая. Первая задача

Батальон перебросили к границе СССР в середине марта 1941 года. Всего в «учебном полку особого назначения» насчитывалось три батальона, и столь ценный личный состав распределялся поротно между корпусами.

Потому не только каждый взвод, но даже каждое отделение получало свой собственный участок, на направлении которого планировалось наступление.

Район ведения будущих боевых действий мы изучили не только по картам и разведанным. На подготовку к первым боевым операциям отводилось всего полтора месяца (наступление планировалось в мае), а нашей первой задачей становилась ликвидация связи между частями противника.

Дело в том, что немцы со своей повальной радиофикацией техники на порядок превосходили большевиков по возможностям оперативной связи. У большевиков ее обеспечивали легко уязвимые кабельные линии, чем решило воспользоваться наше командование.

Линии связи планировалось перерезать сразу во множестве точек, ради чего роту полностью разбили на двойки. Но задача только казалась легкой. Если расположение частей РККА и основных военных объектов в приграничной полосе было известно благодаря данным воздушной разведки, то сами кабельные линии необходимо было еще обнаружить. А поскольку связь планировалось вывести из строя непосредственно перед наступлением, то перед каждой двойкой стоит задача пересечь границу, провести разведку вокруг тех или иных военных объектов и обнаружить искомые провода. А после выбрать участок на линии, где разрыв связи будет сложнее всего обнаружить, а прибывших связистов легко уничтожить из засады. И это при том, что пересечь границу для разведки мы должны без оружия!

И данная задача сталкивается с первой же серьезной сложностью в лице советских пограничников. Погранслужба входит в структуру НКВД, а потому ее бойцы были по определению наиболее морально и идеологически устойчивы, а по факту на порядок лучше подготовлены и вооружены. К примеру, значительное количество пограничников имеет штатным оружием ППД, тогда как другие советские части были оснащены совершенно мизерным количеством пистолетов-пулеметов. Так же в числе

«зеленоголовых» очень много снайперов.

Пограничников обучают специальным приемам рукопашного боя и задержания противника, которые большевики также почерпнули в дзюдо. В СССР был свой выпускник школы Кодокан, который основал собственный стиль (кажется, самбо), а кроме того, имелись наработки из дзю-дзюцу еще со времен Первой мировой войны. В НКВД (а соответственно и в погранвойсках) изучался симбиоз обоих направлений, известный, как система «САМОЗ». И к слову, во время одного дружеского матча советские спортсмены, готовящиеся еще по наработкам из дзю-дзюцу, взяли две схватки из трех у практиковавших дзюдо немцев.

Кроме того, патрули часто сопровождают собаки. Здоровенные овчарки, натренированные на захват человека, они мгновенно реагируют на чужое присутствие с противоположной стороны. И их чутье невозможно обмануть.

Так что для того, чтобы выполнить свою первую задачу, каждая двойка должна ночью форсировать Буг, точно выбрав время отсутствия пограничного патруля. После чего нам предстоит поиск на местности, исключительно насыщенной военным контингентом противника. Не стоит и говорить, что вступление в огневой контакт означает фактический провал задачи и практически неминуемую гибель (чтобы мы не попали в плен, перед заданием нам обещают выдать ампулы с ядом).

Для определения «окон» в системе советского патрулирования наши двойки включили в состав немецких дозоров. Что любопытно, обычные пехотинцы и знать не знают, а многие даже и не предполагают, что скоро начнется война. Кто-то из них всерьез думает, что переброска войск на восточную границу – это очень хитрое прикрытие для подготовки вторжения в Англию. Также ходят слухи о том, что СССР откроет границы немецким войскам для переброски их в Азию.

Но здравомыслящее большинство сделало вывод, что скопление сил на границе с Союзом вызвано в первую очередь угрозой нападения со стороны «красных». Причем именно эта версия показалась мне настолько убедительной, что не зная я гораздо больше подробностей о готовящемся вторжении, то безусловно бы с ней согласился. На эту версию работает и значительное усиление зенитной обороны, особенно транспортных узлов, и возведение долговременных оборонительных сооружений на границе.

Что бы ни говорили о фюрере, но его идеи действительно гениальны. Можно вспомнить сумасшедшую политическую комбинацию с Чехословакией, можно вспомнить прорыв в Арденнах, подаривший Германии легкую победу над действительно сильной Францией. Так и

здесь, операция по дезинформации противника разыграна по нотам! Подумать только, подготовить масштабное вторжение под видом создания оборонительного рубежа, да еще и убедить в этом собственную армию! Каково! Теперь немецкие солдаты, получившие приказ о наступлении, будут искренне верить, что наносят опережающий удар по предателям! Одновременно с этим, в самой Германии о готовящемся нападении так и не узнают до последнего момента, а соответственно об этом не узнает советская агентурная разведка.

А руководство СССР, грамотно дезинформированное открытостью немцев и их готовностью к переговорам, наверняка сделает вывод, что усиление немецкого контингента на восточной границе есть следствие убежденности фюрера в готовящемся нападении. Откуда могла появиться такая убежденность? Правильно, от дезинформации английской разведки. Хитрость британцев, ушлость их разведчиков и абсолютная беспринципность политики (классическим ходом которой является сталкивание лбами наиболее сильных конкурентов) давно уже известны всему миру. А значит, в Кремле могли предположить (и наверняка предположили), что немцы всерьез готовятся к отражению нападения после науськивания англосаксов.

Но в такой ситуации нападать первыми глупо. И у немцев, и у большевиков есть общий враг, и до недавнего времени германцы предпринимали достаточно серьезные попытки с ним расправиться. Логичным ходом со стороны «вождя» стали действия по заверению немцев в своем миролюбии. Но это же и правильно! Понимая в глубине души неизбежность конфликта, обе стороны до поры до времени разграничили сферы влияния, дабы каждый мог расправиться со своими врагами. Остался всего один. Так зачем же Сталину война сейчас, когда победа наверняка будет пирровой, а слабостью победителя воспользуется третий игрок? Не лучше ли заверить немцев в своей честности и дать им убрать с поля третью фигуру, а за это время поднакопить сил?

В общем, все логично. И потому в Союзе не объявляют мобилизацию, потому войска приграничных округов не занимают предполья. Потому немецкие летчики регулярно совершают вылеты над советской территорией, собирая бесценные данные о расположении советских аэродромов, мест дислокации войск и военных складов. Сталин дает возможность Гитлеру убедиться: «Я не собираюсь нападать». Вот только Сталин не понял, что первым собирается напасть Гитлер...

А мы станем первыми, кто исполнит его приказ.

.....

Для проверки советских пограничников несколько раз предпринимались попытки перебросить за кордон наших «вспомогательных» разведчиков. Это и группы офицеров РОВС, и местные ненавистники большевиков, и прочие недовольные советской властью. Им дают задания минимальной сложности, не посвящая ни в какие подробности.

Вывод по итогам проверки на вшивость погранцов напрашивается неутешительный: из одиннадцати человек шесть были задержаны при попытке перейти границу, а из пяти выполнивших задание и попытавшихся вернуться задержали еще троих.

Но хотя бы примерные окна в системе патрулей мы определили, как и чистые от секретов участки. Последние приготовления были завершены, и я отправился на первое в своем новом качестве боевое задание.

...Страшно. И очень холодно: вода в апрельском Буге еще совсем недавно освободилась ото льда, и дно лодки здорово морозит. Сильное волнение не добавляет тепла; общее ощущение – как если бы меня заперли в леднике.

Тихий скрип уключин и легкие шлепки весел по воде кажутся громогласными в ночной тиши. Эта тишина буквально давит на плечи, она оглушает.

Мы выплыли уже на середину реки; от ее поверхности стал подниматься густой туман. Всего за минуту противоположный берег пропал из виду. Появилось ощущение, что лодка замерла на одном месте, а время остановило свой ход. На ум пришли странные и пугающие мысли: на миг почудилось, что рядом со мной никакой не Илья Михайлович, а греческий Харон, что перевозит меня через Стикс в царство Аида.

Странное состояние. Нечто подобное я испытывал в Бискайи, когда мы с добровольцами излазили всю нейтралку, заваленную мертвецами. Тогда я на несколько мгновений полностью потерял над собой контроль.

И хотя «мертвое поле» нельзя сравнивать с нашим путешествием, но чувство тревоги, усиленное мистическими образами, крепко угнетает.

...Но прошло еще пять минут гребли, и противоположный берег снова проступил сквозь туман. Стало немножко полегче.

Нос лодки уткнулся в песчаную отмель. Берег! Чтобы не спровоцировать погранцов раньше времени, мы быстро втащили наше транспортное средство на сушу и принялись лихорадочно его маскировать. И в этот момент довольно близко послышался приближающийся лай.

На секунду меня парализовало. Паника подступила к горлу: под рукой не было никакого оружия, которым мы могли бы себя защитить. Вместо

него ампулы с ядом, вшитые в воротник: попасть живыми в руки НКВД мы не имеем никакого права.

Первым нашелся Илья Михайлович. Схватив меня за рукав, он бросился к реке; в воду мой наставник постарался зайти как можно более бесшумно.

Лай и топот сапог слышался уже совсем близко. Мы успели углубиться всего на пару метров, после чего, глубоко вдохнув воздух, резко сели в воду, скрывшую нас с головой.

Успели вовремя: лучи света от фонарей пронзили толщу реки прямо над нами. Я не закрывал глаза, а потому достаточно хорошо увидел эти лучи на полуметровой глубине. Конечно, пограницы нас не разглядели, но как же холодно!

Заходя в реку, я даже не почувствовал температуры, – настолько сильным было волнение. Но теперь, ожидая мгновения, пока лучи света переместятся и получится сделать хотя бы еще один вдох, я ощутил, как миллионы ледяных игл вонзаются в тело. Стало страшно. И это был не мистический страх, навеянный безмолвием реки, а ужас смерти, смерти глупой и напрасной.

Как же сильно хочется выдохнуть... Я начинаю крутить головой в воде от дикого напряжения, пытаюсь не выпускать воздух: пузыри сразу нас демаскируют. Чтобы не вынырнуть, крепко хватаюсь за удачно подвернувшуюся корягу.

Мою руку сильно сжимает Илья Михайлович. Ему тоже очень тяжело, но капитан пока еще держится. Это безмолвное присутствие дает мне крохи силы. Крохи, которые позволяют все-таки дотерпеть.

ВСЁ!!! Пограничники начинают освещать другой сектор водного пространства. Аккуратно подняв голову, я бесшумно выдыхаю, а затем делаю первый глоток потрясающего, чистого воздуха. Как же хорошо!

Но пограничники не уходят. Они спускаются вниз, овчарка бежит к замаскированной лодке.

В этот миг мое сердце снова застыло. Патрульные наверняка задержатся. Начало апреля, вода еще совсем холодная. Не ледяная, конечно, но долго мы в ней не просидим. Начнет сводить тело, и вполне возможно, что выбраться из реки мы уже не сможем.

Пограничники обнаружили лодку. Овчарка покружила на месте, где мы вошли в воду, затем несколько раз настойчиво пролаяла в нашу сторону. Погранцы вновь осветили воду фонарями, но мы все же успели мягко нырнуть – так, чтобы не пошло разводов.

Коротко посоветовавшись, бойцы НКВД стали подниматься вверх.

Собака растерянно кружилась вокруг, призывно, но уже как-то неуверенно лаяла: четвероногий пограничник нас потерял.

Это нас спасло. Еще чуть-чуть, и горе-диверсанты были бы неспособны самостоятельно выйти на берег. Но и сейчас каждое движение отдавало болью.

Берег... Теперь я понимаю восторг моряков, потерпевших крушение, но сумевших добраться до суши. Меня колотит так, как никогда в жизни. Боюсь, что, несмотря на все усилия, первое задание станет и последним: боеспособность упала до нуля.

Ситуацию вновь выправляет Климов (и что бы я без него делал?). Опытный воин, он прихватил с собой одно из самых важных средств для выживания на войне: полулитровую флягу с водкой.

Сделав пару глотков, капитан подает емкость мне. Как же я присосался к горлышку! Илье Михайловичу пришлось вырвать флягу из моих рук, а я только теперь почувствовал ужасную боль, будто от ожога в горле. Кашель невозможно удержать, и хотя я старался прикрыть рот рукой, окрестность огласил приглушенный сип.

И снова дроздовец не подкачал, коротко, без замаха пробив мне классический крюк в солнечное сплетение. Дыхание тут же перехватило.

– Спасибо...

Я с трудом смог выдавить из себя скупую благодарность. Но это был не сарказм: капитан действовал по обстановке и, вполне возможно, вновь нас спас.

– Илья Михайлович, дайте, пожалуйста, еще.

– Только аккуратно, еще пару глотков, а то захмелеешь.

Он прав, алкогольной закалки у меня нет. Сделав еще два небольших глотка, я наконец-то почувствовал, как по телу расползается блаженная волна тепла. Хорошо...

Мы бежим, как можно быстрее стараясь покинуть патрулируемую пограничниками зону. Одновременно согревая закоченевшее тело, выводим хмель из организма. Каждый метр земли, оставшийся позади, делает мое сознание все более ясным, а настроение оптимистичным. Мы прорвались!

...Лежа на земле в глубоком кустарнике, я внимательно изучаю расположившийся передо мной аэродром. Тактика «Блицкрига» предполагает как можно более скорейшее завоевание немцами воздушного пространства, так что первые удары Люфтваффе нанесут именно по советским аэродромам. И тут очень важен фактор внезапности. А потому «Сталинских соколов» необходимо лишить связи в первую очередь.

Пока я определяю месторасположение телефонных кабелей, на ум

приходит согласие с доводами Ильи Михайловича. «Красные» военачальники действительно стали очень слабыми, на смену грамотным офицерам пришли бездарности. Иначе как объяснить дикую скученность самолетов на аэродроме?

У немцев машины стоят каждая в отдельном капонире, которые еще и бетонируют. А здесь? Самолеты прижаты настолько плотно друг к другу, что одна бомба накроет сразу три-четыре машины. Причем бомба, брошенная не точно, а так, по квадратам.

Я был на немецких аэродромах и особо отметил надежную защиту их ПВО. Зенитная артиллерия немцев, прикрывающая взлетные полосы и стоянки самолетов, представлена в трех калибрах! Малокалиберные 20-мм зенитные автоматы «флак» 30/38 (а особенно счетверенные установки) очень опасны низколетящим самолетам, а потому идеально подходят для борьбы со штурмовиками. От высотных бомбардировщиков немцев защищают мощные длинноствольные орудия «Ахт-Ахт» калибра 88 мм. А автоматические пушки средних калибров (37 мм и 40 мм) успешно борются с противником на средних высотах.

При этом каждое орудие хорошо замаскировано и имеет свой сектор обстрела, а общая огневая схема позволяет полностью держать воздушное пространство над аэродромом. В случае наземной атаки сумасшедшая мощь зенитной артиллерии сметет любого противника, начиная с пехоты и заканчивая танками.

А советский аэродром прикрывают несколько зенитных пулеметов «максим». Счетверенные установки с модернизированной системой охлаждения, со значительно большей плотностью огня и скорострельностью, они гораздо более эффективны и надежны, чем станковый вариант. Зенитный «максим» был весьма неплохим средством борьбы с авиацией в 30-е годы, когда пулемет приняли на вооружение. Но сейчас его винтовочного калибра абсолютно недостаточно против бронированных «Ю-87».

На аэродроме базируется истребительная авиация. Знаменитые «мухи» (правда, я называл их про себя «бочонками») И-16, гроза небес Испании в 1936 году. Он был непобедим в схватках с «фиатами» и «хейнкелями-51», на равных дрался с первыми модификациями «мессершмитов». Вот только последний прошел глубокую модернизацию, а «ишачок»...

По виду кардинальных изменений не наблюдается. Если только пушечное вооружение появилось.

Да, шансов у советских летчиков нет. Их уничтожат одним хорошим ударом с воздуха, а тех, кто все-таки сумеет поднять машины, добьют

«мессеры». И единственная возможность хоть как-то подороже продать свои жизни, с честью встретить врага в воздухе в полном боевом составе, заключается в своевременном предупреждении летчиков о нападении. Но именно этой возможности я и лишу большевиков.

Вот он, враг, и, казалось бы, надо радоваться тому, насколько он беззащитен перед нависшей угрозой. Определенное удовлетворение от сложного и опасного, но интересного задания я действительно испытываю. Вот только к нему примешивается целая гамма противоречивых чувств.

...Ведь это Россия, ведь это русские ребята. Я вырос на чужбине и совершенно не помнил Родины, практически не знал соотечественников, не играл с ними ребенком, не учился с ними. Я не влюблялся в русских девушек и не дрался за них с русскими парнями. Нет, я был изгоем во Франции, потому что был русским на чужбине, и мне от Родины досталась лишь гордость за ее историю, за подвиги ее народа. Моего народа.

Россия представляла перед глазами какой-то сказочной страной, поработенной злыми волшебниками, и это детское восприятие намертво засело в подсознании. А сейчас я нахожусь на русской земле и смотрю из засады на русских ребят, и вот оно – сказка свершилась. Пока я вижу их, я все больше убеждаюсь в том, что мои соотечественники... *другие*. Они не похожи ни на французских буржуа, в сердцах которых уже не осталось места подвигу и великодушию, ни на дисциплинированных и холодных немцев, ни даже на смелых, но излишне суетливых, горячных испанцев. Лица русских парней открытые и простые, но в них есть какая-то одухотворенность... Может, мне показалось. Но пока ребята шутили, таская какие-то ящики, пока они весело и беззаботно смеялись и обращались друг к другу на *русском*, я вспомнил Испанию, бои у Пингаррон. Танкиста, бросившегося спасти товарища из объятий пламенем машины, выкрикнувшего в отчаянии его имя. Русское имя.

Тогда все происходящее ошеломило меня, заставило усомниться в правильности выбора. И все потому, что меня коснулся кусочек Родины. А вот сейчас я на родной земле. Смотрю на ее сынов. И хотя Илья Михайлович был твердо убежден, что мы пришли сюда освободителями, я чувствовал, что мы здесь *враги*.

Что странно, в батальоне все говорили на русском, в нем служат эмигранты, но вот ощущения родства, что возникло на Пингаррон, я ни разу не испытал.

В душе рождается какой-то странный, фантастический порыв: я хочу выйти к ним. Я хочу заговорить с ними, хочу их предупредить о готовящемся нападении!

Я даже чуть дернулся вперед... Нет. Это невозможно. Выбор сделан, и он окончателен. Эти ребята, летчики и бойцы аэродромного обслуживания, они мне не враги, но они служат вражескому мне правительству. Тому, кто лишил меня Родины и отца. У меня нет выбора, как и у них его нет...

Да и потом, разве мой отец не уничтожал десятки соотечественников своей меткой пушечной стрельбой? И разве все они были поголовно комиссарами и палачами-интернационалистами? Нет. Обычные русские парни, зачастую по воле судьбы оказавшиеся на *той* стороне. Такова жестокая доля гражданской, последнюю точку в которой мы скоро поставим.

Уже покинув место наблюдения, я подумал еще вот о чем: «красные» не могут не знать о готовящемся нападении. Огромные массы немецких войск на границе не скроешь, да и пилоты Люфтваффе давно уже потеряли страх, совершая бесчисленные разведывательные вылеты. А вот то, что «красные» при этом не слушают голоса здравого смысла – так это уже их проблемы. И вряд ли кто-то всерьез воспримет безымянного провокатора. Так что все правильно и нечего рефлексировать.

Вот только что-то мокрое предательски бежит по щеке...

Мы наметили несколько точек, расположенных друг от друга на расстоянии примерно в километр. Таким образом, ремонтники, прибывшие для восстановления линии, будут вынуждены искать места всех прорывов. И успешно угодят в засаду.

...Возвращение на «нашу» сторону прошло без происшествий. Мы смогли подгадать «окно» в системе патрулирования, а замаскировавшись под берегом, подали условный сигнал после очередного прохода пограничников. Обошлось и с эвакуацией на лодке.

Глава восьмая. Диверсант

Однако в мае нападения на СССР не последовало. Неожиданно для всех в практически союзной Югославии вспыхнул офицерский мятеж, увенчавшийся успехом. Нацистское руководство сработало молниеносно: из состава южной войсковой группы были оперативно переброшены на Балканы несколько танковых и воздушных дивизий. Стремительное наступление вермахта по классической схеме «Блицкрига» (удар по аэродромам, рывок механизированных частей к столице противника) традиционно увенчался успехом. Всего за одиннадцать дней сильнейшее на Балканах государство было повержено.

Правда, бочку меда подпортила ложка дегтя: отмобилизованная армия югославов не была уничтожена в полевых сражениях. Правительство капитулировало, но солдаты-то уцелели, да еще и с оружием на руках. Так что на территории исторической Сербии быстро стало развиваться партизанское движение. В целом оно доставляло проблемы, но... не такие и важные, а главное, не способные повлиять на ситуацию в целом.

Тем не менее операцию по вторжению в СССР отложили практически на месяц...

...Нашу переброску через кордон наметили на 19 июня. В итоге из числа роты для уничтожения линий связи был выделен всего один взвод. Остальных «брандербуржцев» командование решило использовать для захвата мостов через Буг и диверсии в Бресте.

Оно-то и наш взвод использовало только потому, что «вспомогательных» агентов абвера для перекрытия всех линий связи на советской территории просто не хватило. Пограничники работали очень успешно, этот факт никак нельзя отрицать.

...На этот раз мы отправились на тот берег не «пустыми»: каждому выдали наган, снаряженный устройством «БРАМИТ», финку и две «лимонки». Совсем немного, но мы же диверсанты, а не штурмовое подразделение. Ударить из засады по небольшой группе или отбиться от пограничников сможем, а большего и не нужно.

Кроме того, каждый получил удостоверение сотрудников НКВД Западного Особого военного округа, в полосе которого нам предстояло действовать. Удивительно, но в этот раз переброска проходит успешно, и неожиданного появления погранцов в намеченное «окно» не состоялось. Конечно, могли нарваться на «секрет», но специально для этого в зоне

ответственности погранзастав мы двигались предельно скрытно и осторожно. Первые метров 200 советской территории так вообще проползли по-пластунски.

Выдвижение к аэродрому проходит поэтапно. Первый день после марш-броска провели в заранее подготовленном схроне, где поменяли потрепанную гражданку и вдоволь наелись советской тушенки.

Следующей ночью прошли (скорее пробежали) второй участок пути, а на позицию выбрались ровно в полночь с 21-го на 22-е.

Сказать, что меня охватило волнение, – значит ничего не сказать. Сердце бешено колотилось в груди, но никаких сомнений на этот раз нет. Только предельный восторг: наконец-то началось!

Лицо Ильи Михайловича словно отражает мои чувства, оно и понятно: капитан ждал этого момента больше 20 лет! Но и для меня все наконец-то становится на свои места: фигура отца, провожающего нас с крымского берега, голодное и бедное детство в Марселе, рассказы матери... Я был лишен Отечества с самого детства, а теперь пришел час расплаты!

...Так что когда в районе двух часов к первой засаде подъехали связисты с аэродрома, я не колебался и не мучился угрызениями совести.

Их было всего двое, прибывших на мотоцикле, бойцов. Из вооружения две винтовки. Несмотря на то, что один из них внимательно исследовал с фонарем ближайшие кусты, нас он не обнаружил. Оно и понятно: камуфляж немецких спецподразделений, в который мы обмундировались во втором схроне, идеально скрывал нас в лесостепной зоне. Лежать часами не шевелясь мы научились во время снайперской подготовки, так что обнаружить нас ночью смогла бы разве что собака.

Второй боец надел на конечности «кошки» и стал ловко забираться по телефонному столбу. Другому связисту пришлось направить луч фонаря на место разрыва проводов. Он по-прежнему крепко сжимает «мосинку» в руках, но фактически совершенно беззащитен.

Момент идеальный. Мы заранее обговорили с капитаном цели, так что я выбрал себе хорошо освещенного связиста на столбе.

Бесшумно привстаю на одно колено. Ярко освещенную человеческую фигуру заслоняет окружность «БРАМИТа». На секунду прислушиваюсь к себе. Нет, никаких сомнений нет. Слышу тихое: «огонь».

Два еле слышных сухих щелчка практически не различимы в ночи. Только падает фонарь из рук мертвого связиста, только тело второго бойца безвольно обвисает на телефонном столбе – его удержала «кошка».

Быстро обыскиваем люльку мотоцикла. Пара банок тушенки (берем с собой), пара гранат РГД-33, несколько магазинов к винтовкам.

К слову сказать, пограничники и большинство бойцов полевых частей были вооружены не «мосинками», что было неприятным сюрпризом в том числе и для нашего руководства. Штатным оружием красноармейцев стала самозарядная винтовка, особенности и ТТХ которой нам по большому счету были неизвестны. Однако связисты относятся к некомбатантам, а потому нашими трофеями стали привычные трехлинейки.

Посоветовавшись, мы приняли решение взять все оружие. Не так и сильно оно увеличит вес снаряжения. А вот мотоцикл, несмотря на сильное желание реквизировать, пришлось оставить. На дороге мы станем легкой и заметной мишенью, и любой пост, да даже простодвигающиеся по грунтовке красноармейцы вполне смогут нас задержать. Можно, конечно, ехать без фар, но шум мотора никуда не денешь. Да и путешествовать без света по ночной грунтовке – слишком рискованное занятие. Такое дело больше подходит начинающим самоубийцам.

Следующую точку мы достигли в 2.47. Быстро перерезали провода, заняли место в засаде. В принципе уже через пятнадцать минут последует артналет, а практически сразу за ним удар авиации. Так что продержаться нам осталось совсем не много, да и вряд ли кто за это время успеет сюда попасть.

Но я ошибся. Ровно через десять минут послышался шум моторов. Так-так. Впереди два мотоцикла, за ними полуторка. Первый мотоцикл с пулеметом... Да, ребята подготовились. Кабина грузовика полностью забита солдатами.

Неужели капитан решится на атаку? На противоположной стороне дороги из кустов один раз быстро мигнул фонарь. Вот ведь сорвиголова! Сигнал «к бою».

Вкручиваю запалы в гранаты, сейчас они – главный наш аргумент в бою. Несмотря на раннее время, уже светает, так что цели видно неплохо. Надо не забыть перевести время...

Небо наполнилось гулом моторов. В горле резко пересохло. Началось! Буквально через несколько секунд со стороны границы раздался мощный грохот, больше похожий на сильный гром, а земля содрогнулась от удара тяжелых артиллерийских снарядов.

Головной мотоцикл остановился, за ним встала куцая колонна. Красноармейцы не могут понять, а точнее, поверить в то, что сейчас происходит, рассеянно крутят головами, смотрят в небо... Это большая ошибка.

Мгновение – и под первую коляску закатывается РГД. Я плавно тяну спусковой крючок трофейной винтовки, но грохот выстрела удачно

маскирует взрыв гранаты (капитан наверняка кинул ее с секундной задержкой). На лобовом стекле грузовика со стороны водителя вырастает крохотная дырочка, от которой (я себе это отчетливо представил) бегут трещинки.

Красноармейцы выпрыгивают из кузова машины. Один из них с пулеметом; бойцы тут же открывают беспорядочный огонь во все стороны.

Второй мотоцикл дает резкий газ, пытаюсь развернуться. Но шок от нападения, от взрыва, уничтожившего головной дозор (граната изрешетила экипаж и подожгла бензобак), не прошел для водителя даром: он взял слишком широкий радиус. И стал легкой мишенью: с противоположной стороны отчетливо грохнул выстрел, мотоцикл тут же крутанулся на месте и перевернулся.

Вспышку засекают, и по позиции Ильи Михайловича открывает ураганную стрельбу все отделение. Вот эти ребята как раз с самозарядками, и плотность огня впечатляет. Чую, капитану приходится несладко, учитывая, что туда же бьют и пулемет, и единственный автомат.

Потерпи, Илья Михайлович... Бегу к запасной позиции, она располагается как раз напротив пулеметного расчета. Достāju РГД, поворачиваю предохранительную чеку до появления красного маркера на рукояти, встряхиваю... «Двадцать два, двадцать два», бросок!

РГД попадает точно к пулеметчикам. Бойцы вскакивают, но двухсекундная задержка при метании не дает им бежать: граната взрывается практически сразу, иссекая осколками обоих бойцов.

Часть красноармейцев разворачиваются и начинают палить в мою сторону. Ничего, позиция выбрана с расчетом на ответный огонь, меня прикрывает внушительный земляной гребень. Да и огонь они ведут «на ощупь», nepřіцельный. Лишь бы гранаты не метали.

Так, теперь «эфка». Секунда разжать усики и достать чеку, еще две держу ее за ребристую рубашку. Бросок!

На этот раз гранату я бросаю в воздух, там она и взрывается, накрыв расположившихся красноармейцев осколками сверху. Эффект шрапнели. Слышатся крики раненых.

Еще один взрыв в воздухе! Теперь ближе к группе, залегшей с противоположной стороны. Работает капитан.

Неожиданно заводится полуторка. Точно, рядом с водителем кто-то сидел, и этот кто-то машины не покидал. Грузовик дергается вперед, но очередной выстрел Ильи Михайловича обрывает его движение.

Ответный огонь ведут только трое-четверо уцелевших красноармейцев. Переползаю на третью огневую позицию. Уцелевшие

ребята ожесточенно лупят в белый свет как в копеечку, но не бегут. Один из них наконец-то завозился с гранатой.

Поздно. Дистанция в буквальном смысле пистолетная, а бойцы четко обозначали себя стрельбой. Благодаря «БРАМИТу» наган работает бесшумно, и последние красноармейцы даже не успевают понять, откуда на этот раз пришла смерть...

Контроль делает капитан. Своевременно: как только я привстал, в мою сторону грохнул выстрел. Стрелок засуетился и промазал, но все могло бы кончиться очень печально, если бы Илья Михайлович сразу не среагировал.

На мою оплошность капитан только покачал головой.

Считаем павших. Один, два, три, четыре... Всего в кузове грузовика было одиннадцать человек. Рядом с водителем полуторки обнаруживается командир в звании лейтенанта связи. Вот он-то как раз проявил трусость, зато бойцы отделения дрались до последнего. И, несмотря на мощное вооружение, мы справились!

– Почему они не использовали гранаты? У многих ведь есть РГД.

Капитан, коротко мазнув меня взглядом, отвечает:

– У них не было навыка гранатометания. РГД – сложное оружие, и боевые учения в РККА с ним проводят редко, боятся жертв. И боятся оправданно. В мирное время происшествия на стрельбах имеют сильный резонанс, полковников запросто снимают с должности. Но зато в боевых действиях неумение пользоваться гранатой ведет еще к большим потерям. Хочешь мира, готовься к войне...

Пока мы считаем павших воинов, сердце вновь кольнула острая игла сожаления. В бою враг остается врагом, но сейчас на земле лежали 19-летние юнцы. В них нет ничего воинственного и опасного. И пускай я не сильно старше, но в угловатых фигурах, беспомощно раскинувших руки, я отчетливо узнавал чьих-то детей, которых еще надеются дождаться дома. И будут ждать, как когда-то меня ждала моя мама... Может, мне показалось, но на лицах всех бойцов застыло одно и то же выражение. Обида. Будто в последний миг каждый из них испытал острое огорчение за такой нелепый конец совершенно не прожитой жизни.

...К условной точке общего сбора мы прибыли к 7 часам утра. И путь по советской (пока еще) территории оказался довольно непростым: по всей приграничной зоне разгорелось напряженное сражение, что в небе, что на земле. Несмотря на внезапный и мощный удар артиллерии и авиации, пограничники и красноармейцы оказали ожесточенное сопротивление: тяжелый бой шел в Бресте и в крепости, попытки форсировать Буг южнее отбиты сильной контратакой пехоты и танков. Не сдаются и гарнизоны

дотов укрепрайона.

В небе также, несмотря на внезапные удары по аэродромам, идут схватки не на жизнь, а на смерть. Уцелевшие советские летчики подняли оставшиеся машины и бросились мстить, уже не считаясь с потерями и собственной жизнью. И несмотря на численное превосходство асов Люфтваффе и совершенство немецких боевых машин, в воздухе горят не только «Сталинские соколы». Их отчаянная храбрость пусть и не может заменить боевого опыта и технического совершенства, но как минимум делает тяжелыми противниками.

...Наши диверсанты справились со своей задачей на отлично: мосты через Буг были захвачены без потерь и абсолютно целыми. Одетые в форму сотрудников НКВД бойцы «учебного батальона» смогли вплотную сблизиться с постами пограничников и пустили в ход ножи. После чего четыре крытых «ЗИСа» благополучно миновали Брест до того, как началась артподготовка.

Фактически мы выходим на «вольную охоту». После захвата мостов и уничтожения линий связи первой задачей подразделения становится дезорганизация тыла «красных».

... – Валькирия, Валькирия!

– Слушаю, Валькирия!

– Это Локи! В двенадцатом квадрате по грунтовке движется к границе танковая колонна! Двадцать семь машин и грузовики с пехотой! Поддайте им с небес! Но будьте осторожнее, в паре грузовиков замечены зенитные пулеметы.

– «Валькирия», принял!

Группа диверсантов в тылу порой опаснее механизированного батальона. Мы движемся по проселочным дорогам, так как на шоссе очень легко можем попасть под удар своей же авиации. Можем и здесь попасть, но одинокая машина с рваным сверху тентом атакована не будет: зашитый узор разрыва старательно выучен нашими пилотами как распознавательный знак. Ночью, а на крайний случай и днем, мы также можем воспользоваться ракетницей.

По грунтовке навстречу нам вышел танковый батальон противника. Мы преспокойно уступили дорогу, посигналили. Попытавшихся было сунуться проверить одинокий «ЗИС» вовремя отпугнул командир группы, закамуфлированный в форму старшего лейтенанта госбезопасности. Ну а пока смекалистые танкисты, понявшие, что на грунтовке больше шансов прорваться без столкновения с пикировщиками, двигались навстречу противнику, маршрут их движения был передан в диспетчерский центр

управления полетами. И все. У батальона уже нет никаких шансов нанести сильный организованный удар.

...Следующая остановка примерно в 17 километрах от границы. Нас привлек грохот выстрелов тяжелых орудий. Проехав на звук, мы выбрались к расположению артиллерийской батареи тяжелых гаубиц. Калибр я определил в 152 мм.

Командир батареи оказался толковым мужиком, грамотно замаскировавшим свои орудия. Кроме того, под каждую пушку сделали капонир. Смекалка и рукастость грамотного артиллериста заметны вообще во всем: в обустройстве стрелковых ячеек, расположенных так, что сектор обстрела из них позволяет обеспечить эффективную круговую оборону; в наспах вырытой, но надежно укрепленной шпалами в три наката землянки радистов; в том, что часть приданных пехотинцев старательно возводят капонир под боеприпасы. Если даже шальной снаряд или бомба к ним попадут, то взрыв получится направленным в сторону от личного состава и техники.

Все предусмотрел старый капитан, вышедший нам навстречу. Судя по возрасту, он вполне мог быть еще участником Империалистической (вот ведь, разученные шаблоны работают и здесь!). Все, кроме одного: диверсантов, переодетых в форму сотрудников НКВД и говорящих на русском.

Правда, и цель была, как мне показалось, нам не по зубам. Четыре тяжелых гаубичных орудия, к ним по девять человек расчета, взвод пехоты прикрытия со специально выделенным станковым «максимом» (рассмотрели, уже въехав на батарею), да плюс связисты, да плюс экипажи грузовиков и тягачей. Да это не меньше 70 человек против 12!

Самым разумным, как мне показалось, было бы решение навести авиацию на батарею. Но обер-лейтенант Вольф (старший лейтенант госбезопасности Волков) решил иначе.

Машина только затормозила, как командир группы обежал грузовик и запрыгнул на поручень кузова:

– Значит, так, Херман и Шульц (пулеметчики), остаетесь в машине. Как только начнется, открываете плотный огонь на уровень головы по копающимся в капонирах. Они оружие сложили в пирамиды, кто туда дернется, бейте. Ланге сейчас развернет грузовик.

Келер, Леманн – боевое охранение на западе, Хартманн и Краузе – на востоке. Келер, Вернер – на вас пулеметчики у дороги. Герр гауптман, вы с Мещеряковым сможете заткнуть «максим»?

– Так точно, герр обер-лейтенант.

– Отлично, я беру на себя командиров. Как только справитесь с первыми целями, сразу огонь по артиллеристам!

...Видимо, наш «волчонок» грезит подвигами и железным крестом, раз решил драться с пятикратно превосходящим врагом. Но шансы у этой авантюры действительно есть.

Все предельно собраны и сосредоточены. Одна ошибка – и нас просто задавят числом.

– Никита, работаем «эфками».

– Понял.

Группа расходится попарно к своим целям. Наш старшой четко подходит к капитану и, отдав воинское приветствие, докладывает:

– Товарищ капитан, старший лейтенант госбезопасности Волков! По приказу начальника штаба Четвертой армии полковника Сандалова вы отстраняетесь от командования батареей. Прошу вас сдать оружие, мой конвой выделен для вашей транспортировки.

Эффектный ход, построенный на психологии. После всех репрессий командного состава энкавэдэшников в армии боятся как огня. На человека менее крепкого такая новость могла бы подействовать просто ошеломляюще. Но капитан оказался крепким орешком.

– Товарищ старший лейтенант госбезопасности, предъявите ваши документы и письменный приказ о моем отстранении.

Вольф демонстративно достает документы. К ним действительно не придерешься. Но все это лишь отвлекающий маневр. Пока внимание батареи привлечено к разворачивающемуся «аресту», каждая двойка подбирается к своей цели. Вперед меня выходит Илья Михайлович, и его крепкий торс загораживает от пулеметчиков мои руки. Я же незаметно достаю «эфку»...

– Товарищ старший лейтенант, возьмите ваши документы. Еще раз прошу вас представить мне письменный приказ.

Вольф на секунду словно бы потерялся.

– Ах черт... Планшет-то в машине. Лакомов (водитель подошел вплотную к командиру), ну-ка организуй документ!

Ланге от груди просил короткой очередью заместителя командира батареи, стоявшего рядом с капитаном и хмуро косящегося на незваных гостей. Обер молниеносно воткнул спрятанный в рукаве клинок в живот капитана:

– Вот тебе и приказ!

Заполошный крик «диверсанты!» тонет в грохоте двух ручных ДП, выкашивающих стоящих у капониров пехотинцев.

«Наш» расчет хоть и пристально смотрел на нас, но открыть огонь пулеметчики не успели: как только раздалась первые выстрелы, мы тут же упали на землю и я точно метнул «лимонку». С задержкой на этот раз не получилось, но красноармейцы разглядели «гостинец» и тут же бросились из окопа. Первый номер сразу получил пулю от капитана. Грохнул взрыв, перевернувший «максим». Еще два выстрела из трофейных самозарядок (подобрали на месте первой засады) – и все, с расчетом покончено.

Оставшиеся двойки сработали не менее эффективно. В течение всего нескольких секунд батарея была обезглавлена, а основная сила прикрытия – пулеметные расчеты – была уничтожена. Большинство бойцов пехотного взвода попали под удар наших пулеметов безоружными. Практически сразу погибло не менее 5 человек, остальные залегли. Бросившиеся к пирамидам из самозарядок солдаты попали под трассы ждущих такого шага пулеметчиков.

Но многочисленные артиллеристы сумели соорганизоваться и оказать отпор. Конечно, их трехлинейки были также уложены в пирамиды, и, пока бойцы бросились их разбирать, по ним тут же ударили из всех стволов. Но одних только артиллеристов было втрое больше, чем нас. Кроме того, Вольф был вынужден вести огонь из ТТ (командир с ППД в руках не на передовой мог вызвать некоторое подозрение).

Конечно, это неравная схватка. Неравная не в нашу сторону: мы превосходим противника в умении вести ближний бой. Артиллеристы заняли стационарную позицию, мы же все время перемещаемся, прикрывая друг друга огнем, атакуем со всех сторон. В нашем распоряжении отличное автоматическое оружие против одних лишь «мосинок».

Но и наше подразделение несет потери. Пуля, она, известно, дура, и Леманн с Ланге получают по свинцовому подарочку. Вернер, дав очередь по укрывшимся у капониров красноармейцам, повернулся к ним спиной. Ну а чего бояться деморализованных и безоружных бойцов? Цену своей ошибки он осознал в тот момент, когда уцелевший красноармеец сзади перерубил ему шею ударом саперной лопатки.

Смельчака тут же срезал Келер. Но на него бросились еще несколько бойцов. Он перебил их с помощью пулеметчиков, но непозволительно зазевался и стал отличной мишенью. Какой-то меткий артиллерист успешно воспользовался своим шансом.

Из землянки открыли огонь связисты. В горячке боя про них забыли, и это могло бы иметь просто катастрофические последствия. Но бойцы из них получились так себе: был ранен в руку только Вольф. Он же и расправился с обидчиками, запрыгнув на крышу (все-таки не полноценный

дзот) и уже оттуда закатив гранату в проем. «Эфка» рванула мгновенно: ее как всегда бросили с задержкой.

За каждого нашего враг нес четырехкратные потери. Однако кто-то из уцелевших командиров, осознав бесперспективность перестрелки, решил использовать последний шанс.

– В АТАКУ!!!

Если бы они бросились на нас сразу, то могли бы победить. Но их число сократилось уже больше чем наполовину, а поднявшихся было пехотинцев вновь положили Херман и Шульц.

Мы перебили их в упор из автоматов и самозарядок. Правда, один артиллерист сумел добежать до меня. Но, уклонившись от удара прикладом, я молниеносно выхватил финку из голенища и всадил ее в бок красноармейцу.

Не повезло Хартманну и Краузе. Ядро группы артиллеристов бросилось на них, как самых ближних. Погибли все красноармейцы, но Краузе получил выстрел в упор, а Хартманну разбили голову прикладом.

Еще пара минут потребовалась нам на то, чтобы добить залегших пехотинцев. Они, понимая бессмысленность сопротивления, подняли руки. Но это не остановило нас, хотя даже сквозь горячку боя я почувствовал себя палачом. Очень неприятное чувство... Будто извалялся в дерьме.

Однако на этом наши потери не закончились. Когда Херман и Шульц отправились делать «контроль» артиллеристам, тяжелораненый лейтенант сумел все же вскинуть наган и дважды нажать на спуск. И прежде чем его тело изрешетила пулеметная очередь, вторая пуля нашла голову Шульца...

Отделение практически перестало существовать. Вернер, Краузе, Шульц убиты. Леманн, Келер, Хартманн тяжело ранены, Келер доходит. Ланге ранен в правое плечо, и ценность его как бойца стремится к нулю. В строю остаемся только мы с капитаном, Херман и раненный в левую руку Вольф.

...И все это из-за одного молодого мудака, решившего, что раз мы элитные диверсанты, то сможем силами одного отделения справиться практически с целой ротой. Ну нельзя на войне недооценивать противника!

Остается только отдать последние почести павшему капитану, воспитавшему из своих артиллеристов истинных воинов, сражавшихся до конца...

Глава девятая. Выбор чести

За руль пришлось сесть Херману. Обер-лейтенант просто физически не мог вынести присутствие капитана, который казался ему живым укором своей глупости.

К слову говоря, в вермахте нередко молодые и грамотные офицеры командуют старшими по званию в силу своих выдающихся способностей.

Но никто в группе не считает гауптмана хоть в чем-то уступающим Вольфу, вот он и бесится. Ну еще бы! Отделение элитных диверсантов погибло в бою за какую-то сраную батарею, которую легко бы помножило на ноль звено «юнкерсов». А вот Илья Михайлович наверняка бы не стал принимать столь безрассудное решение.

Так что лейтенанту есть за что себя корить. И, похоже, «волчонок» оказался не из тех, кто может достойно встретить удары судьбы. Вместо того чтобы эвакуировать раненых, он решил продолжить движение:

– Перехватить связистов или снова навести бомбардировщики на «сладкую» цель нас хватит!

Приказ командира на войне закон, даже если это закон глупый и несправедливый.

...Но больше за этот день мы ни разу не встретили колонн бронетехники или штабных машин. Мы вообще никого не встретили. И отсутствие успешной диверсионной деятельности вкупе с ноющей рукой еще сильнее воспалило обер-лейтенанта.

К вечеру выбрались к небольшому белорусскому селу из тех, что до недавнего времени находилось в составе Польши. Келер умер, Леманн истекает кровью, и его состояние можно оценить как очень тяжелое. Хартманн приходил в сознание, но сотрясение мозга и переломанная челюсть просто так не проходят. Относительно здоровый Ланге из-за тряски чувствует себя ужасно.

Штатным фельдшером в нашей группе был погибший Краузе, так что пришлось задействовать местного костоправа. Хотя на поверку возрастной мужик оказался неплохим знатоком медицины, но он сразу заявил, что вытащить Леманна у него не получится.

– Если он умрет, последуешь за ним!

Раненых мы оставили в просторном и чистом доме фельдшера, а сами отправились к председателю колхоза. Испуганный мужик накрыл просто царский стол: здесь и домашняя колбаса, копченое и соленое сало,

наваристый борщ с деревенской сметаной, соленья и моченые грибы, ну и конечно, здоровенная бутылка первача.

Вкусно откусав домашним и крепко выпив, Вольф (да и все мы) наконец-то отходит. День, так или иначе, получился очень насыщенным и тяжелым, и, обернувшись назад, мы приходим к выводу, что боевую задачу в целом выполнили на отлично.

Ведь раз артиллерийский капитан так грамотно руководил и крепко готовил людей, то и урон его батарее наносила максимальный. И то, что мы сразу включились в схватку, спасло жизни не одного десятка наших парней. Да к тому же у артиллеристов была радиостанция. Если бы мы попытались просто уехать, то про подозрительную машину наверняка бы доложили. Тем более капитан мог поразмыслить и перевести батарею.

А ведь кроме того был танковый батальон!

Так выпьем же за успех первого дня и будущий рыцарский крест Вольфа! Ура, товарищи!.. Все перемешивается в голове...

...Наутро я просыпаюсь от грубого пинка Хермана. Первое ощущение – это адски болящая голова. Ну и во рту соответственно... Пьянка до добра не доводит.

– Пойдем.

На деревенской площади собрались люди. Перед ними выступает бледный как смерть Вольф, дерганные движения которого говорят о крайней степени его нервозности:

– ...Красная армия ведет жестокие бои с противником, несет тяжелые потери. А вы?! Среди вас я вижу мужчин призывного возраста! Это что, предательство?

Бледный как смерть председатель пытается что-то сказать, но лейтенант грубо его обрывает:

– МОЛЧАТЬ!!! Вам доверили жизнь раненого сотрудника госбезопасности – И ОН УМЕР! Ваш фельдшер сознательно его убил!!!

– Да Иван Степанович...

Вольф выхватывает ТТ из кобуры и стреляет поверх голов, раздаются испуганные бабские крики.

– Еще кто-то попытается что-либо сказать и получит пулю в лоб! Мрази! Контрреволюционная сволочь!! Немецкие пособники!!! СКРЫТЫЕ ДИВЕРСАНТЫ!

Так рано радуетесь! Советская ВЛАСТЬ вернется и научит вас родину любить! А чтобы помнили... Ну-ка, фельдшера сюда. И его соплюшек.

Если в моей голове еще оставались какие алкогольные пары, то теперь они выветриваются с беспощадной скоростью. Ноги же становятся

ватными от дурного предчувствия. Господи, да чего он хочет?!

...Странно, я впервые за долгое время обращаюсь к Богу...

– Мещеряков, Климов, Харитонов, сюда!

Как же тяжело бьется сердце, пока я иду к своему командиру...

Из толпы выводят фельдшера и двух девушек, видимо дочерей. Та, что постарше, светловолоса, с копной веснушек у носа, с яркими голубыми глазами, в которых застыло недоуменное, немного детское выражение. Вторая же, наоборот, смугловата, с вьющимися черными локонами и пронзительным взглядом карих очей.

Вспоминаю, что вчера за столом председатель обмолвился, что у фельдшера две дочери и нет жены. Она уехала к родным в Варшаву в августе 39-го, и с тех пор ее никто из сельчан не видел...

Обе девушки (на вид лет 17 и 14 соответственно) сильно испуганы и крепко держатся друг за друга. Фельдшер стоит прямо и, несмотря на бледность, говорит уверенно и спокойно:

– Послушайте, товарищ командир, я же вас заранее предупредил, что умерший боец потерял очень много крови. Если и был крохотный шанс его спасти, то только в госпитале.

Ему вторит и председатель:

– Товарищ старший лейтенант госбезопасности! Я Ивана Степановича знаю всю жизнь, он в царское время учился на врача! Скольких людей спас! Да я животом ручаюсь, он сделал все, что смог! Он невиновен! Правильно я говорю?!

Дружным ропотом сельчане поддерживают своего лидера.

– А вы? Ну подумайте, как может представитель советской власти говорить такую несправедливость?! Зачем вы пугаете хорошего человека и его детей? Да что вообще люди о такой власти подумают?!

Вольф бросает на председателя хищный взгляд (вот ведь говорящая фамилия!) и будто бы краем губ усмехается.

А он этого и добивается. Он же хочет, чтобы деревенские возненавидели советскую власть, чтобы разнесли вокруг черную весть о ее беззаконии. Чтобы озлобленные сельчане прогоняли раненых, чтобы немцев встретили, как освободителей...

– Климов, председателя – тоже.

Илья Михайлович сумрачно кивает. Ну конечно, для этого любой представитель советской власти – враг. Но опомнись, капитан! Ну хрен с ними, с мужиками! Но тут же два ребенка!

Мой полный отчаянной мольбы взгляд утыкается в отчужденное, холодное и полное решимости лицо капитана. Его глаза будто отвечают мне

стальным блеском: «Это война. Здесь гибнут и невинные».

...У меня трясутся руки. Мы выводим жертв к деревенской свалке. Увязавшуюся следом толпу Херман отгоняет очередью из ППД поверх голов. Но отступившие за околицу жители все прекрасно видят.

Когда девушек грубо расцепили между собой и ударили сопротивляющуюся младшую, фельдшер не выдержал и бросился на Вольфа. Херман мгновенно среагировал ударом приклада по голове, и мужчина бесчувственным кулем рухнул под ноги лейтенанта.

Капитан сбил на колени председателя, Херман с глумливой улыбкой развернул лицом к себе блондинку и также заставил опуститься на колени. Она попыталась встать, но получила звонкую оплеуху; немец порвал платье, подставив солнечному свету маленькие девичьи груди. Он испытывает от процесса настоящее садистское удовольствие и жалеет только об одном: не дали времени опробовать девчонку, вдоволь насладиться наверняка еще девственным телом.

Младшая оказалась напротив меня. Она твердо посмотрела в глаза, плотно стиснула руки на груди и молча опустилась на колени.

У меня будто остановилось сердце. Нет, конечно, я понимаю, что от шальных пуль в бою могут погибнуть невинные, даже дети. И это война, и приказ есть приказ. Более того, особым распоряжением командования бойцам «батальона» разрешено уничтожение гражданских лиц всех возрастов и обоих полов. Но я трактовал его иначе. Женщины и даже дети берут порой в руки оружие и становятся врагом, которого нужно убить. Но сейчас...

Девушка вновь посмотрела на меня. Обычно перед расстрелом людям завязывают глаза, чтобы им не было так нестерпимо страшно. Даже в НКВД стреляют в затылок. Херман просто садист, он хочет видеть глаза жертвы, ее лицо перед смертью. А вот сестра сама встала перед своим палачом, сама держит взглядом мое лицо, принимая смерть не по-женски мужественно.

И в ее глазах нет ни страха, ни даже презрения, что странно. Волнение, решимость, еще вызов... И вопрос. Да, именно вопрос: «Ну, что ты будешь делать?»

И от ее пронзительных глаз, от ее бесстрашия становится как-то не по себе. Я навожу пистолет на девушку, но рука начинает дрожать.

Кто ты?

Ради чего сюда пришел?

Разве освободитель родной земли может быть палачом?!

На секунду в девушке я узнаю свою жену: тот же овал лица, очертание

губ, такого же цвета глаза... Дуниша, Очандиано, Бискайя... Герника.

Да, Герника. Я помню завалы кирпича разрушенных домов, удушающий дым пожарищ и запах горелой плоти. Детей с пулевыми ранениями от авиационных пулеметов «Кондора». Именно тогда я понял, что ошибся с выбором на той войне. Именно тогда немецкая жестокость и бесчеловечность предстала передо мной во всей своей неприглядной красе.

Тогда ты хотел немецкой крови. А теперь служишь им. Кому ты служишь?

Палачам.

Освободитель земли, истребляющий большевистскую сволочь... Именно так мне описывал мое будущее гауптман Климов. Мой боевой товарищ, мой наставник, с которым мы вместе проливали кровь, свою и чужую, вместе теряли соратников.

Но вот «большевистская сволочь» стоит передо мной на коленях. И его рука не дрогнет. А моя?

Разве истинный воин должен казнить беззащитных людей, откупаясь от совести приказом? Или он должен их защищать, пусть даже и ценой своей жизни?

У меня нет выбора. Климов знает о моей семье. И я уже воюю с советской властью, для них я изменник с рождения.

Выбор есть всегда. Даже Господь Бог не отнимает его у человека.

Вопрос лишь в том, кто ты.

Палач или воин...

В первый раз отправляя меня на войну, мама произнесла вещие слова: «Только не предавай своей чести и совести, и Господь тебя сохранит».

Честь и совесть. А сейчас я нажму на спуск и предам все, что есть во мне хорошего.

– Прости, мама. Я заблудился, я потерялся. Я сделал неправильный выбор. Но я еще имею шанс все исправить.

В жизни мы часто стоим перед выбором. Каждый день. И каким бы невзрачным он ни казался, этот выбор всегда один: или хорошее, или плохое. Или добро, или зло. Только иногда он определяет ближайший час, а иногда целую жизнь.

Но как же легко становится на душе, когда делаешь правильный, пускай и трудный выбор, пускай и ломая свои страхи, свое безволие...

Улыбка тронула мои губы. Я подмигнул своей несостоявшейся жертве.

– Ты будешь жить. А вот они – нет.

– По врагам народа!..

Я поднимаю глаза на лейтенанта.

Вольф ловит мой взгляд. Он понимает его и молниеносно направляет на меня свой ТТ.

Время будто замедляется...

Прыжок спиной на капитана. Херман разворачивается ко мне и выпрямляет руку, сжимающую пистолет. Слишком медленно.

Две пули, одна в живот, одна в левый глаз. Климова я сбиваю, капитан падает вместе со мной.

Я почему-то не слышу выстрелов, но лейтенант наверняка в меня стреляет. Только цель успевает уйти.

С земли я выстрелил в Вольфа, но тот мгновенным перекатом уходит с линии огня. Только немец забыл, что у него ранена рука, и вместо пружинистого кувырка у него получается падение. Такие ошибки надо наказывать.

Выстрел. Пуля бьет разворачивающегося ко мне врага в переносицу. От динамического удара из глазниц вылетают глазные яблоки.

...Удар я чувствую, немеющие пальцы выпускают ТТ. Но пробить с носка в голову у Климова уже не получается: мгновенно развернувшись, я принимаю атаку ноги на скрещенные руки.

Правый прямой в пах, и тут же снизу вверх раскрытой ладонью в горло оседающего гауптмана. Климов согнутым кулем валится к моим ногам.

Вся схватка заняла меньше десяти секунд.

... – И ЭТО ты называешь освобождением Родины?! За этим ты привел меня сюда? Убивать детей?!

Войны без крови невинных не бывает... Это ты так закамуфлировал то, что мы будем казнить своих соотечественников?! В этом заключается борьба за их будущее?!

Вы воевали за Единую и Неделимую, а пришли на родную землю с теми, кто собрался ее поработить. Немцы же не освободители, они завоеватели. А нас они используют, пока им это выгодно. И пока ты занимался самообманом, ты потерял самое дорогое, что оставалось в твоей жизни, гауптман Климов. Ты потерял свою честь.

– Да будь ты проклят...

Мой бывший друг сумел все-таки ответить мне помятым горлом.

В последний миг я заметил, как он что-то крутит в руках под животом. Коротко ударив немца носком сапога в висок, я прыгнул на живот, прикрыв голову руками (все жертвы убежали, как только кончилась активная часть схватки).

Через секунду грохнул взрыв «лимонки», окативший меня кровавыми

брызгами и ошметками чужой плоти...

Глава десятая. Истинный воин

Оставшиеся «бранденбуржцы» не смогли оказать мне достойного сопротивления. Да и в сознании был только Леманн.

Он так и не понял, что происходит.

...Я добил их. И вот на этот раз не почувствовал себя палачом.

Деревенские побоялись ко мне соваться, так что председателя я нашел сам.

– Михаил Александрович, все, что произошло, всем вам стоит забыть. Объясните людям ситуацию. Объясните, что переодетые диверсанты специально устраивают подобные акты зверства для того, чтобы население возненавидело Красную армию и советскую власть.

Но если немцы сюда докатятся, будет очень нехорошо, если они узнают о гибели у вас своей диверсионной группы. Это очень ценные специалисты. И реакция «гансов» будет непредсказуемой, а жалости, как вы уже заметили, они не знают.

Теперь что касается меня. Нужен провиант, много провианта из не скоропортящихся продуктов. Копченое сало, сушеные фрукты, вяленое мясо, крупа, много крупы. Водки побольше, самой крепкой, и любого средства для обработки ран. Организуете?

– Да, товарищ серж...

– Ничего. Вы все поняли. Просто каждый может ошибиться. Только свою ошибку я искуплю кровью. Немецкой кровью.

Председатель внимательно смотрит мне в лицо. Недоверия во взгляде нет, скорее поощрение... согласие.

– Хорошо, мы все сделаем.

...Канонада гремит по всему фронту и быстро приближается. Я еду ей навстречу, благо «ЗИС» не поврежден. План действий, с учетом наличных ресурсов, складывается сам собой.

У меня целая машина, набитая первоклассным оружием. Помимо 4 СВТ (теперь-то я точно знаю, как называется самозарядная винтовка Токарева), 6 ППД, двух ручных ДП-27, в наличии имеется снайперский вариант винтовки Мосина и два польских противотанковых ружья. Плюс целый ящик противотанковых гранат, два ящика мин, противотанковых и противопехотных. Достаточно и патронов. Топлива хватит еще километров на 40–50. Живем!

Мне бы людей со взвод, и можно нанести удар по механизированной

колонне. Так что первоочередная задача вырисовывается сама собой: нужно найти бойцов.

Я снова выбрал грунтовку, проходящую сквозь лесной массив. На шоссе точно не протолкнуться, там все забито, да и ни к чему мне чужие глаза. Тем более отступающая армия скоро заполонит все дороги.

Как таковой линии фронта нет, район боевых действий сейчас напоминает «слоеный пирог»: организованно отступающие части «красных» преследуют ударные немецкие кулаки, за ними неотрывно наступают механизированные соединения, расширяющие прорыв. Одновременно с ними к своим прорываются красноармейцы разбитых подразделений. За ними неотрывно следуют полицейские батальоны нацистов.

Так что на лесной дороге можно встретить кого угодно: и немецкие танки, и советскую пехоту. Но мне везет: с панцерами, равно как и красноармейцами, я пока не встречаюсь.

Грохот канонады остается за спиной. Решив, что пора бы уже и остановиться, я удачно маскирую «ЗИС» в удобном распадке, а сам с «мосинкой» занимаю позицию у дороги.

Наверное, красноармейцы могли попасться мне и до того, но прятались в лесу, заслышав работу мотора. Такой вывод я делаю, наблюдая за грунтовкой через оптический прицел.

По дороге отступают, без преувеличения, десятки бойцов.

Многие ранены. Большинство в оборванной форме, дико уставшие – они еле держатся на ногах. Но эти люди не подходят мне не потому, что надорваны физически. Нет. Они сломлены морально.

Через прицел я вижу выражения их лиц. Они все как один: угрюмые, отчужденные, потухшие. Большинство солдат не имеют оружия. Те, кто имеет, прямо на моих глазах его выбрасывают, как бесполезную тяжесть: гранаты, обоймы с патронами, наконец, и винтовки.

Наверное, и я был таким, когда вышагивал под конвоем год назад. И возможно, из этих людей еще можно сделать бойцов. Но мне нужны другие. Мне нужны те, кто готов драться до последнего, несмотря ни на что. Как вчерашние артиллеристы.

Я провел в засаде три часа и уже отчаялся разглядеть тех, кто был мне нужен. Поток красноармейцев на дороге практически иссяк, ее уже два раза обстреливали возвращающиеся на аэродромы «мессершмиты». Так что моя грунтовка перестала быть относительно безопасным местом.

Но в тот момент, когда я уже решил разворачивать машину и гнать назад, мое внимание привлекли два красноармейца, осторожно

двигающиеся по опушке леса. Что примечательно, они были не только вооружены самозарядками, но и внимательно оглядывали окрестности. Их лица были также угрюмыми, но в то же время ищущими, сосредоточенными – одним словом, не потерянными. И больше всего эти двое напоминали мне головной дозор.

Опыт меня не подвел. Метров в четырехстах за ними показалась основная группа. Куцая, конечно, всего 14 человек, причем из разных родов войск: тройка связистов, танкист с перевязанной головой и танковым ДП на плече, даже пара бойцов аэродромного обеспечения. Эти-то хоть откуда?

Но основу подразделения составляли пехотинцы, а вел его лейтенант, крепко сжимающий в руках ППД. Так-так. Кажется, мои клиенты.

... – Эй, бойцы!

Дозорные мгновенно развернулись ко мне, вскинув винтовки. Хоть на спуск не нажали, хотя пальцы наверняка дернулись! Вот ведь тоже, сейчас бы по своей глупости и погиб.

– Ну куда целитесь, придурки! Окуляры протрите, перед вами цельный сержант госбезопасности! Я бы если хотел, то вас, хорьков, одной очередью положил бы! Бегите к старшему и заворачивайте сюда.

– Товарищ сержант госбезопасности, покажите ваши документы!

– Да елки зеленые, что ж вы бдительные такие! Держи.

Боец внимательно ознакомился с удостоверением, кивнул и бросился к своим. Буквально через десять минут вся группа была в сборе.

Вперед вышел летеха, совсем еще юный парень:

– Лейтенант Фролов, командир сводной группы РККА.

– Сержант госбезопасности Мещеряков. Товарищи, буду краток. Для выполнения боевого задания мне нужны люди. Потому вашу группу я переподчиняю себе. Без возражений! (Лейтенант было дернулся вперед.)

У меня есть достаточное количество еды, медикаменты, а также необходимое оружие и боеприпасы. Так что все за мной, обедать будем.

– А откуда ты нарисовался, сержант? И что это за задание?

Вперед вышел танкист, тоже сержант. Крепкий и уверенный в себе парень. Судя по ранению и обожженной руке, повоевать уже успел и цену себе знает.

– Откуда я нарисовался, тебе знать не положено. А задача, товарищи, у нас одна. Бить врага везде, где мы его встретим. В этом заключается долг любого военнослужащего, правильно я говорю, товарищи?

Властно и в то же время проникновенно обвожу бойцов взглядом. Все без исключения красноармейцы кивают и нестройно отвечают: «да». Танкист смущенно отступает назад.

...Вырыв специальную ямку, на дне ее развожу небольшой костерок, на который мы сразу ставим варить пшеничную кашу. В кашу добавляю вяленое мясо, на порезанный хлеб толстыми ломтями нарезаем сало. Все подарок деревенских. Навыки выживания в лесу, полученные в батальоне, не проходят даром, и мы обедаем без риска быть замеченными по дыму. Разве только по запаху – в воздухе разлился блаженный аромат костерка и мясного варева, на который голодным урчанием отозвались желудки бойцов.

Большинство красноармейцев нормально не ели со вчерашнего дня, так что горячий обед приходится как нельзя кстати. Самогон, правда, я пить запретил: в случае чего это практически единственное наше дезинфекционное средство и анестезия.

После еды обработка ран. Меняю бинты, выдавливаю гной, обеззараживаю разорванную осколками плоть.

Особое внимание привлекает танкист. Размотав марлю, я внимательно исследую его голову. Затем, прокалив на огне нож и щедро поливая водкой уже воспалившиеся ранки, аккуратно достаю мелкие осколки.

– Броней уделало?

– Так точно, товарищ сержант. Разбираетесь?

– В медицине или в танках?

– В танках.

– Немного. Видел, как немецкий экипаж посеколо осколками после попадания в башню.

– А в каком танке?

– Да чешском, трофейном «тридцать пятом». У германских машин броня не такая хрупкая... А ты на чем воевал?

– Да у нас в 22-й тд одни Т-26 и были.

– Наводчик?

– Нет, механик-водитель.

– А остальной экипаж?

– Ай... погибли. Мы на окраине Бреста базировались. И куда смотрели... Военный городок оказался в пределах поражения немецкой гаубичной артиллерии. Расстреляли, как в тире. Командиры орут, мат, дети бегут – семьи комсостава здесь же ведь, с нами... Хотя и тревожно было, а семьи запретили эвакуировать: не наводите паники, у нас с Гитлером мир! Вот и домирились.

Тут танкист осекся. Ну конечно, я же представитель «особого ведомства», а за такие разговоры раньше могли бы и срок дать.

– Не тушуйся. Не сдам (улыбаюсь). Меня, кстати, Никитой зовут.

– Александр. Можно просто Саша.

Крепко жмем руки друг друга.

... – Ну вот, а эти твари, представляете, они ведь по домам комсостава тоже ударили! Нелюди! Но расчет в этом свой был: кто из командиров технику под огнем вывозит, а кто обезумевший от страха или горя бежит семью искать... Загорелся склад ГСМ, начали рваться боеприпасы... Взрывы, крики, огонь, плач, стоны... Помпеи.

Вот и моя «тэшка» под раздачу попала. Заряжающий с командиром насмерть, я даже не увидел, что случилось: удар, короткий вскрик и брызги крови сверху. А мне вот повезло...

У каждого бойца подобная история. Летуны ушли с уничтоженного аэродрома (слава богу, не моего), на котором практически все машины сожгли в первые минуты войны. Пытавшихся взлететь немецкие пилоты сбивали прямо на взлетной полосе, что в конечном итоге забило ее обломками и остовами сгоревших машин. Некоторое время спустя оставшиеся «ястребки» советские летчики просто не имели возможности поднять в воздух.

А вскоре после налета к аэродрому прорвались танки...

Связисты также попали под воздушный налет. Это были как раз те ребята, которых утром 22-го отправили восстанавливать связь. По описанию я понял, что атаковал их единственный «мессер», который решил погоняться за одинокой машиной. Как итог, из отделения уцелело всего трое бойцов, которые догадались не метаться по полю, а сразу залечь.

Пехотинцы успели принять свой первый бой в составе батальона, который вывели из Бреста в полевые лагеря на учения. Вывести вывели, а боеприпасами не снабдили. Так что когда на марше их перехватили немецкие пехотинцы, переправившиеся через Буг, бой продолжался всего минут 15... Но лейтенант молодец, сумел собрать хоть сколько-то уцелевших людей, организовать их, взбодрить и даже включить в группу случайно встреченных солдат других подразделений.

Я присмотрелся к нему. Да, первое впечатление обманчиво. Выглядит действительно как мальчишка, только вот глаза уже точно не детские. Чувствуется в нем и характер, и храбрость, и ум. Надежный парень.

А в целом я нашел тех, кого искал. Конечно, люди поражены, практически раздавлены той трагедией, что свалилась на них... Но практически не считается. Главное – они готовы продолжить борьбу. Правда, их вдвое меньше, чем я планировал, но если грамотно распоряжаться имеющимся личным составом и средствами... Горы не свернем, но проблемы немцам доставим. Ладно, пришла пора сказать свое

слово:

– Товарищи военнослужащие Красной армии. Мы не на собрании, так что буду краток.

Пауза. Собираюсь с мыслями.

– Сейчас глупо искать виновных в том, что случилось. Сейчас, когда жестокий враг рвется вперед, от нас требуется одно – сделать все, что возможно, чтобы его остановить.

Мое подразделение столкнулось с немецкими диверсантами. При этом они говорили на русском и были одеты в форму моего ведомства, так что на их стороне был фактор внезапности. Погибли мои сослуживцы, но и диверсантов мы истребили. Задание, которое я получил, неактуально уже вторые сутки, связи с руководством у меня нет. Зато есть трофейная машина, набитая всевозможным вооружением. Его достаточно, чтобы организовать хорошую засаду и потрепать среднюю моторизованную группу. Задача, конечно, рискованная, но я буду использовать все возможности и не считаться ни с какими жертвами, чтобы остановить врага. Потому что он попирает мою родную землю.

Мне же нужны добровольцы. Кто не хочет присоединиться ко мне – тех не держу.

...Добровольцами вызвались все.

Орудовать на шоссе мы стали ближе к рассвету. Место, которое было выбрано мною как «голова» засады, представляет собой крутой поворот с растущими у самой дороги деревьями. Два довольно толстых тополя, симметрично растущих напротив друг друга, начали пилить связисты под предводительством танкиста – он немного смыслит в лесоповале.

Имеющиеся в наличии мины я лично установил с обеих сторон по обочинам дороги. Противотанковые чуть впереди, противопехотные соответственно сзади.

Для пулеметчиков и бронебойщиков мы вырыли по четыре полноценные ячейки каждому расчету, связанные ходами сообщений. Нечто подобное я оборудовал еще у Пингаррон в свою последнюю схватку. Окопы мы вырыли в посадках, в 300 метрах от дороги – заметить не заметишь, а дистанция для стрельбы вполне подходит.

Из 16 человек 10 выделяю под расчеты. Пулеметчиками становятся один из «летунов», хорошо знакомый с оружием, лейтенант, ну и конечно Саша Крылов (танкист). Два лучших стрелка (ребята из дозора) получают противотанковые ружья. Их первоначальная задача – хвост колонны. На 300 метров wz. 35 вполне могут взять 15 мм брони, то есть любую фрицевскую машину вплоть до «тройки». А уж повредить катки или

порвать траки смогут даже «четверкам». Вторыми номерами становятся менее подготовленные солдаты.

Из оставшихся шести человек один ефрейтор со значком «ворошиловского стрелка» второй степени получает трехлинейку с оптикой – боец заканчивал специальные курсы и в своем подразделении числился снайпером, так что вопрос решился сам собой. Ну а пятеро оставшихся и я шестой – самые отчаянные парни. У каждого по ППД, три противотанковые гранаты и пять «лимонок». Экипируемся в немецкий камуфляж.

Засада, конечно, слабенькая, но что есть.

Уже с рассветом фрицы начинают свое движение. По дороге проносятся пара разведывательных «хорьхов», за ними более степенно проследовал взвод мотоциклистов. Засаду они не обнаружили.

Доступная цель показалась в районе шести утра. На восток следует крепкая моторизованная колонна. За парой мотоциклов в авангарде идет Pz-II, за ним «ганомаг» со счетверенной зениткой «Flak 38». Очень опасная машина. Головную группу замыкает «ганомаг» с десантом.

В колонне девять грузовиков (большинство наверняка с пехотой и один-два с боеприпасами) и два бензовоза. В хвосте еще четыре бронетранспортера, тянущих на прицепах легкие противотанковые пушки. Замыкает группу Pz-I. Интересно, мои держатся, не трусились?

Свой «ударный» отряд я сосредотачиваю у «головы» засады. Двое бойцов должны вовремя перерезать туго натянутые веревки, держащие подрубленные тополи от падения. Танкист молодец, с дороги надруб не заметишь.

Для себя я выбрал бронетранспортер с зениткой (она способна за минуту выбить всех нас), двум воинам поставил задачу на «двойку», оставшийся определился с замыкающим «ганомагом».

Последние секунды кажутся вечностью. Я уже различаю лица десантников в третьем «ганомаге», уже явственно чувствую, как дрожит земля под танком, и слышу запах бензина. Вот, еще чуть-чуть, и головная машина поравняется с засадой...

Условный сигнал рукой. Давай!

Мы чуть не опоздали, деревья срубленными великанами падают на дорогу прямо перед «двойкой». Машина тормозит, но следующий за ней бронетранспортер с зениткой тут же сворачивает в сторону, а экипаж мгновенно опускает стволы «флак-системы». Поздно!

РПГ взлетает в воздух и приземляется на щиток орудия. Взрыв! Отчаянные людские крики убеждают меня в том, что я не зря рисковал,

подползя на пять метров к обочине. Выручил камуфляж.

Щиток орудия сильно погнуло, покореженные стволы зенитки больше не представляют опасности. Экипаж поломанными куклами и кусками разбросан сзади и сбоку машины.

Одна граната рванула рядом с «двойкой», не нанеся ей никакого ущерба. Танк мгновенно развернулся на месте, открыв огонь жуткими 20-мм снарядами по открывшейся цели, на куски разорвав незадачливого гранатометчика. Зато второй воин, оставшийся с противоположной стороны, бросился к панцеру и, прежде чем его прошили пулеметные очереди «ганомага» и кормового пулемета танка, забросил свою РПГ на моторный отсек. Бахнуло крепко, «двойку» мгновенно охватило пламя.

Замыкающий боец тоже не добросил гранату. Она рванула чуть сзади машины. В ответ десант открыл ужасающе плотный огонь из pistolетов-пулеметов.

Привстаю на одно колено, мгновенно беру цель. Первая короткая очередь – и падает на пол десантного отсека пулеметчик. Вторая, третья – и огонь с «ганомага» становится слабее: потеряв еще одного бойца, немцы прячутся за бортами.

Быстро достаю «эфку», мгновенно разжимаю усики, вырываю кольцо... Но в этот момент оживает бронетранспортер с зениткой. Во время взрыва мехвода, должно быть, контузило, и он остановил свой «ганомаг». Но теперь, разглядев врага, он дал полный газ в надежде раздавить противника.

Я еле успел неприцельно бросить гранату и прыгнуть в сторону. «Ганомаг» протаранил несколько деревьев и остановился только через десяток метров. Стал сдавать назад, но этот шаг оказался ошибкой: боец, который резал веревки, включился в бой. Он довольно метко бросил свою РПГ, которая попала практически под корму машины. А немец как раз заехал на нее корпусом...

Мотопехотинцы с уцелевшего бронетранспортера все же сумели десантироваться и открыли довольно плотный огонь. Бью в ответ длинной очередью (благо диска хватает), «гансы» залегают. Двумя прицельными вывожу из строя ближнего противника.

В ответ летят «колотушки», штуки три. Спина леденеет от смертного ужаса.

– Прикрой!

Соратник прижимает противника двумя хорошими очередями, я же в это время успеваю тремя перекатами переместиться подальше от гранат. У «М24» долгое время горения запала, так что у меня было в запасе целых

шесть секунд. В бою это большой срок.

Ужасающий мощи взрыв и столь яркая вспышка пламени, что я на секунду ослеп – они заглушили взрыв «колотушек» и отвлекли внимание гранадеров. И, слава богу, вовремя – ослепших, они могли взять нас очень легко.

Оставшаяся часть засады действует гораздо более успешно: на ее стороне удачное расположение и отличная фортификация позиций. Красноармейцы достали оба бензовоза – те и полыхнули, поглотив в огне ближайший бронетранспортер с десантом и орудием и два грузовика. Немцы, высыпавшие из машин до того и занявшие оборону по обочинам, теперь бегут к лесу живыми факелами, оглашая поле боя дикими, нечеловеческими криками. Они стихают, только когда пламя сжигает легкие несчастных.

Это переломный момент схватки. С начала боя прошло всего ничего времени, но немцы несут огромные потери. Как я и рассчитывал, оказавшись под обстрелом, многие водители попытались развернуться, съехать с дороги. И хотя мин не хватило перекрыть шоссе на длину всей колонны, практически все грузовики с пехотой, попытавшиеся маневрировать, подорвались на противотанковых «сюрпризах». Для десанта это имело катастрофическое последствие.

Остальные пехотинцы, покинувшие грузовые «Опели» и попробовавшие рассосредоточиться в поле, столкнулись с противопехотными минами. Потеряв десяток человек, «гансы» кучно сгруппировались у машин – что весьма облегчило задачу моих пулеметчиков.

У врага был шанс прорваться вперед по дороге – хотя бы пехотой. Но после взрыва и чудовищной гибели сослуживцев противник просто сломался.

...На этот раз я добросил «эфку» до «гансов», бабахнувшую в воздухе и осыпавшую пехотинцев градом осколков. Послышались очередные крики боли и стоны.

Буквально в этот же момент с противоположной стороны дороги в упор по головной группе ударил еще один ППД. Отвоевалось еще как минимум два фрица. Оставшихся мы закидали гранатами, под дернувшийся назад «ганомаг» удачно закатали сразу две РПГ.

Немцы начинают перемещаться по дороге к хвосту колонны. Бросаться вдогонку втроем нет никакого смысла, но прицельными очередями мы сокращаем число врагов. Сквозь грохот боя мой слух вычленяет сухие выстрелы «трехлинейки» – работает наш снайпер.

Однако дела моих бойцов ухудшаются: два бронетранспортера и часть десанта под их прикрытием бросаются в контратаку. На этой группе сосредотачивает огонь вся засада, что позволяет уцелевшим фрицам открыть более плотный ответный огонь с дороги. Они уже поняли, что в той части шоссе мин нет, а среди офицеров нашелся достойный командир, организовавший контрудар.

Мою группу также не обходят вниманием: по нам начинают бить сразу два машингевера. Приходится залечь и поменять позицию.

Задымил и встал один «ганомаг», однако второй на полном газу рванул к ячейкам бронебойщиков. Наступающая за ним пехота также довольно близко подобралась к окопам: немцы оправились от потрясения и теперь подтверждают авторитет завоевателей Европы. А моих бойцов раз-два и обчелся. Пора.

Желтый сигнал ракетницей: все отступаем!

... – Вы-то наверняка не видели, что происходит в хвосте, ну а мы, собственно, не могли разобрать подробностей головной схватки.

Только машины остановились, как бронебойщики сразу всадили по паре патронов в «единичку», а мы двумя пулеметами ударили по машинам, на уровень сидящего человека. Ух, что началось! Дерево разлеталось вперемешку с кровавыми брызгами, «Опели» сразу стали дергать с дороги и взрываться. Крепко им досталось!

Панцер быстро загорелся. А вот с бронетранспортеров посыпал десант, начали спешно разворачивать орудия в нашу сторону. Вот тут-то я похолодел... Но Сашка-танкист молодец, вовремя вступил, сзади хорошо приложился, разом уполовинив расчеты.

А Виталий с Сергеем из польских-то ПТР уделали бензовозы! Ох, как полыхнуло – мама дорогая, думал – ослеп! Один бронетранспортер взорвался, второй загорелся. Вот только последние два рванули прямо на Виталькин окоп.

Да... Они на пару с Сергеем и связистами отстреливались, как могли. Зажгли еще одну «коробочку». Но последний «ганомаг» докатил все-таки до Виталика, как раз тогда, когда ты ракету желтую дал... Не вырвались наши парни. Пытались мы им помочь, но тут уж и с дороги так стрелять начали, что головы не высунешь, а с поля добавили прорвавшиеся. Пришлось уходить...

Лейтенант Фролов Евгений сильно волнуется, повествуя о той части боя, которую фактически вел он. Его волнение мне понятно – самого горячка боя не отпускает. Да и потери... Они есть всегда, и я как-то привык к тому, что гибнут те, с кем идешь в бой. О собственной смерти не думаю.

Страшно, конечно, но ведь на все Божья воля. Если мне выжить – выживу, если погибнуть – умру, а отравлять жизнь тяжелыми мыслями как-то не хочется.

А вот для командира, который второй раз принимает бой и теряет подчиненных, – для него каждая потеря «своя». Именно себя он винит в первую очередь в том, что не все люди вышли из схватки.

Помимо не успевшего вырваться расчета ПТР, погиб снайпер и второй номер Сашки-танкиста. Есть раненые, один серьезно.

Снайпер погиб по собственной глупости, несмотря на то, что я предупреждал его не вести слишком частую стрельбу. За бой он вполне мог выбить с десятков фрицев, но, стреляя слишком часто, раскрыл позицию и стал легкой мишенью пулеметчиков.

А расчет танкиста был ближе всех расположен к дороге, что объясняется отличием конструкции танкового ДП – более короткого, сильно задирающего ствол при стрельбе. Поэтому Сашка должен был включиться в бой только тогда, когда покажется достойная цель; при этом его позиция была расположена с противоположной стороны дороги. То есть, когда ударили первые два расчета, немцы повернулись к ним лицом, подставив танкисту спины. Чем он успешно и воспользовался, выкосив расчеты орудий.

Но близость к дороге сыграла злую шутку, когда немцы сосредоточили на его ячейках плотный огонь...

Итого семь погибших и один недееспособный (ранение в плечо). Правда, с немецкой стороны по всем прикидкам выходило не меньше сотни убитых, так что удар получился крепкий. И ведь это не считая потерь транспорта и боевых машин! Вряд ли в колонне остался хоть один неповрежденный «Опель». Из боевой техники уничтожено два панцера и пять бронетранспортеров, один из них – довольно редкая зенитная модификация. Плюс одно орудие. Батальон Фролова в бою уничтожал гораздо меньше «гансов», чем мы.

...Нам приходится ждать ночи. Мой «ЗИС» был отличным камуфляжем в советском тылу, но теперь мы находимся в немецком. Любой пост (а немцы делают довольно крепкие узлы обороны на каждом разъезде и удобной высоте) обстреляет нас, прежде чем я попытаюсь назвать пароль. По шоссе нам вообще путь заказан.

Канонада отдаляется все дальше на восток, и лица моих ребят на глазах чернеют. Надрывно стонет раненый, облегчение которому приносит разве что очередная кружка самогона. Я осмотрел пулевое отверстие: туда затолкало куски грязной гимнастерки и какой-то мусор, в кровавом месиве

застряли осколки костей. Я, конечно, попробовал достать все лишнее, но чистка ран – не мой уровень. В итоге плечо быстро воспалилось, и солдат провалился в бредовое состояние. Его бы эвакуировать – да только куда? Раньше ночи двигаться не сможем.

...Но и ночная дорога – не фунт изюма. Попробовал ехать с незажженными фарами. Не удалось развить скорости и в десять километров в час. Плюнув на все, вначале включил свет (все равно мотор так и так слышно), а потом съехал на шоссе (закончилась грунтовка). Немцы по ночам особо не путешествуют, хотя посты никто не отменял.

Восток еле алел, и канонада доносилась совсем уже глухо. Возможно, стоило бросить машину и двигаться днем. Хотя, с другой стороны, два часа езды на «ЗИСе» покрыли весь наш дневной переход. Но что хуже всего, стало кончаться топливо.

Именно по этой причине мы остановились на шоссе в месте, где под воздушный удар попала советская моторизованная колонна. Случилось это, судя по всему, вчера: трупы начали крепко вонять на жаре.

Немцы прошли этот участок, просто спихнув на обочину покоренную технику. Но было заметно, что их трофейные команды здесь еще не работали. Потому я дал команду своим бойцам исследовать разбитые машины на наличие топлива.

...Были или нет здесь трофейные команды, но, видимо, местные жители (а может, и отступающие красноармейцы) хорошо поорудовали на месте побоища. Все топливо было аккуратно слито. Помимо этого, подсумки красноармейцев оказались вывернуты, так что ни боеприпасов, ни медикаментов, ни харчей мы не нашли.

Раздраженный из-за потерянного впустую времени, я уже был готов отдать команду на движение, но тут ко мне подошел Сашка-танкист:

– Командир, там у дороги стоит «тэшка» практически целая, только гусеницы сорвало да броня башенная пробита. Но пушка исправна, снарядов в боеукладке полный комплект, прицельные приспособления целы. Рядом стоит еще одна Т-26, но та сгорела. Зато траки целые, можно поменять!

– И что предлагаешь? Починить танк и дальше двигаться на нем? Так топлива все равно нет.

Танкист смутился. Было видно, что воевать на боевой машине ему гораздо комфортней, чем простым пехотинцем, и шанс упускать он не хочет.

Но ведь с другой стороны... Цельный боевой танк. Опять же орудие... Мысль о сильной 45-мм пушке, крошившей немцев еще в Испании, меня

зацепила.

– Ну, пошли, покажешь свою находку!

Танк действительно практически цел. Только внутри крепко пахнет запекшейся кровью, но трупов нет – иначе находиться в машине было бы просто невозможно. Судя по всему, во время налета экипаж погнал танк к лесу, но попал под очередь авиационных 20-мм орудий. Такими, к примеру, были вооружены «мессершмиты». Очереди автоматической пушки порвали гусеницы и пробили крышку башни. Наверняка кого-то убило. Экипаж эвакуировался, возможно, танкисты же забрали и пулемет, но танк почему-то не взорвали. Может, он дымил... Один из снарядов, кстати, попал в боеукладку, но танкистам (и нам) удивительно повезло: был поврежден бронебойный снаряд, в начинке которого не слишком много пороха.

Вот, кстати, и ответ: экипаж бросил машину в уверенности, что боеукладка сдетонирует, но порох в снаряде выгорел без взрыва. А потом, возможно, экипаж уже не смог вернуться к машине.

Пушка же действительно цела. Припав к панораме, я понял, что уйти отсюда уже не смогу...

По-моему, это знак свыше. Дорога на этом участке делает изгиб, и в верхней точке получившейся дуги находился танк. Таким образом, из него можно контролировать хороший кусок шоссе и вести фланкирующий огонь! Это стало определяющим фактором в принятом мною решении устроить здесь еще одну засаду.

Собрав своих, я коротко объяснил задачи. Лейтенант, впрочем, было дело, начал возмущаться:

– Да у Максима жар сильный! Если его сейчас не эвакуировать...

– Жень! Отставить сопли! Максим красноармеец, и да, я понимаю, что шансов у него мало. Но это война, мы так или иначе будем терять людей! Сколько твой батальон потерял, столкнувшись с «гансами»? А сколько врагов уничтожил? А скольких уничтожили мы и скольких потеряли? Семь за сто. Я на такой размен готов. А здесь мы сможем ударить еще раз, и ударить крепко! Все, отставить разговоры.

После лейтенант подошел ко мне еще раз:

– Товарищ сержант госбезопасности... рядовой Газаров в бою меня спас, с ног сбил, бросившись под очередь. Он меня своим телом закрыл, вы понимаете?

– Да понимаю я все, товарищ лейтенант, понимаю. Думаешь, я не терял боевых друзей? Только все мы под... на земле ходим. Но ты пойми, у нас вариантов нет. К своим мы если выберемся, то нескоро. Топлива практически не осталось, а немец вперед рвется с какой скоростью! Зато

здесь у нас есть шанс их... замедлить. И я думаю, если бы Максим был в сознании, он бы поддержал мой выбор. Потому что он – советский воин, защищающий свою землю. В том числе и ценой своей жизни, Женя. Пора бы этот урок уже усвоить.

...До рассвета оставалась еще куча дел, которые пришлось выполнять в авральном режиме. Очень долго меняли траки, занятие оказалось не из легких. Все потные, в мыле, работаем на износ – время жмет, рассвет скоро. При том гремим на всю округу. Но вроде как обошлось.

С помощью «ЗИС» отбуксировали остов погибшей Т-26. У «тэшки» от взрыва сорвало с погон башню, но сохранившаяся часть танка отлично закрыла нашу машину – так, что теперь с дороги корпус моего танка полностью защищен. Торчит только башня.

Грузовик мы загнали в лес и замаскировали, а оставшееся топливо слили и заправили им танк. Конечно, оно не очень подходит для «тэшки», но завестись и сманеврировать в бою сумеем, а большего и не нужно.

Один пулеметный расчет я разместил в своем тылу на взгорке: оттуда бойцы смогут отсечь от танка вражескую пехоту. Второй расчет и бойцов с ПТР расположил на гребне в посадках с противоположной стороны дороги. Их задача ударить в тыл отвлекшихся на меня немцев: попробуем еще раз повторить рисунок прошлого боя.

Раненого пришлось оставить одного, но тут уж ничего не поделаешь: свободных людей у меня нет. Сашка-танкист занял родное место механика-водителя, его ДТ мы установили в спарку с пушкой. Заряжающим я взял смышленного авиационного оружейника, хорошо показавшего себя в прошлом бою. Его зовут Виктором. Своего нового помощника я заставил накрепко освоить новые обязанности. Вроде как справляется.

Правда, по штатному расписанию экипажа командир как раз и исполняет роль заряжающего, но наводку орудия я никому не доверю.

Последний мой сюрприз для немцев – это фугас на дороге. Во время налета часть бомб ударили по шоссе, оставив хорошие воронки. Одна из них практически ровно посередине пути. Хозяйственные немцы, естественно, закидали ее асфальтным крошечком, щебнем и землей, но разворошить яму оказалось несложно.

Три осколочно-фугасных снаряда, четыре противотанковые гранаты, остатки бензина в канистре (литра на 1,5) – все пошло в ход. Ох, зря немцы научили меня минному делу! Теперь вам это аукнется!

Фугас заложен так, что под легким транспортом он не взорвется, даже под грузовиком, не говоря уже о мотоцикле. Так что его клиент – это как минимум бронетранспортер.

Главный плюс моей второй засады – немцы давно уже считают это место безопасным, не будут присматриваться. За что мы их и накажем...

...Вторая ночь практически без сна. Последний час перед рассветом оставляю дежурить Сашку, я заранее дал ему немного отдохнуть. Несмотря на волнение, только закрыл глаза – и тут же танкист трясет меня за плечо:

– Едут!!!

Быстро мотая головой, прикипаю к прицелу. Во как! На улице уже вовсю рассвело, – значит пару часов я урвал. Хорошо.

Двигающаяся по шоссе колонна представляет собой «кампфгруппу», ударный отряд. Впереди два мотоцикла разведки и легкий разведывательный «Хорьх», за ними сразу четыре «тройки» и столько же «ганомагов» с буксируемыми противотанковыми «Рак-37». Колонну замыкает бронетранспортер с зениткой и еще один «Хорьх» с 20-мм пушкой.

Взвод мотопехоты и взвод танков с противотанковой и зенитной поддержкой, плюс разведка – таким отрядом хорошо занять оборону в небольшом населенном пункте, а можно и крепко ударить. Противник достойный, даже более чем.

Мотоциклы быстро пролетают вперед. С замиранием сердца я смотрю, как фугас минует и броневик – я не был уверен, что тот под ним не взорвется. Но умница водитель «хорьха» поберег резиновые шины и объехал свежесыпанную воронку. Теперь танцеры...

Аккуратно навожу орудие на место, где по моим расчетам должен оказаться замыкающий танк. Так, получается... «Гансы» вроде как ничего не замечают. Теперь дело за фугасом...

Водитель танкера не побоялся проехать по наспех засыпанному месту. И это стало его последней ошибкой: мощный взрыв оглушительно ударил под кормой головной тройки, и в тот же миг грохнула моя пушка!

45-мм болванка легко вспорола бортовую броню башни с pistolетной дистанции. Попадание в боеукладку: танкер будто раскрывается огненным цветком, башню срывает с погон и подбрасывает вверх на десяток метров!

Разгорается головной танк, а остальные экипажи еще не успели даже понять, что происходит! Зато быстро сориентировались пехотинцы, натренированно покидая десантные отсеки «ганомагов» и рассыпаясь у дороги. Обе замыкающие машины, довольно опасные для меня своими скорострельными пушками, также быстро разворачиваются. Ох, сейчас будет жарко!

Лишние пять секунд я трачу, чтобы дать своим бойцам условный сигнал: красную ракету. По логике вещей им бы сейчас и ударить по

замыкающим «коробочкам»...

Вот только пять секунд в бою – непростительно долгий срок: танцеры успевают синхронно развернуться и тут же открывают огонь.

Мощный удар сотрясает башню: одна из бронебойных болванок вскользь задевает броню. Второй снаряд попадает в остов сгоревшей Т-26, но погибший танк гасит удар.

Сашка понимает танковый бой лучше меня: он дает задний ход и разворачивает машину. Следующий залп танцеров приходится мимо цели.

– Остановка!

Крик в ПТУ гасит рев двигателя и залпы пушек. Но вместо самоубийственной остановки мой мехвод бросает танк вперед. Очередной выстрел танцеров не находит цели, а вот я ловлю в перекрестье прицела угловатый силуэт «тройки».

С силой давяю ногой на плечо Сашки. «Тэшка» резко тормозит. Выстрел.

От чудовищного удара меня бросает вперед, лицом на панораму. Острая боль в разбитой переносице на секунду оглушает.

– Каток разбили, бегом из машины!!!

Мы выстрелили с немцем синхронно. Экипаж танцера попал по ходовой, задела же мы их или нет, я уже не успел увидеть. Интуиция подсказала, что надо послушать танкиста и покинуть машину как можно быстрее.

Первым через башенный люк полез Виктор. Близкий рокот машингеверов – и через секунду заряжающий провалился обратно с разорванной пулеметными очередями грудью.

Удар! Я жестко падаю на пол, отбив плечо. Боевое отделение заполняет густой дым: танк горит. На долю секунды меня охватывает паника.

Нет. Ты не можешь бежать, так ты бездарно погибнешь. Тебя снимут из пулемета, как и Виктора. Что ты там говорил о долге солдата, про цену в жизнь? Вот и подтверди слова делом. Пушка исправна.

По щекам бегут предательские слезы. Конец близок, а умирать так не хочется... Я просто не верю, что это конец.

Хотя бы на секунду увидеть родных, почувствовать их запах, их тепло! Попрощаться, они же ведь даже не узнают, где и как я погиб... Да что там увидеть, хотя бы узнать, родился ли ребенок, кто именно, мальчик, девочка?

Но умирать никому не хочется, а я слишком много зла сделал, чтобы иметь право на жалость к себе. Потому, сцепив зубы и подавив всхлипы,

заряжаю пушку бронебойным и вновь прикипаю к панораме.

Панцер мы все-таки достали: вражеский танк густо чадит, а люки (кроме люка мехвода, рядом с которым зияет отверстие от моего снаряда) открыты. Последняя «тройка» ревет левее.

Грохнул взрыв РПГ, которому тут же ответил рев «машингеверов». Наливаясь отчаянным бешенством от осознания случившегося, разворачиваю башню. Экипаж обездвиженного панцера с обвисшей правой гусеницей среагировал с секундной задержкой: я успел выстрелить раньше, чем противник навел орудие. На 30-метровой дистанции выстрел 45-мм орудия становится смертельным: снаряд поражает башню, происходит детонация боеприпасов.

Все, последний! Охваченный диким желанием выжить, я стрелой вылетаю из открытого башенного люка. Правая рука отзывается дикой болью: ее задевает разрастающийся столп огня. Быстрее!

Я успеваю откатиться на пару метров, прежде чем моя «тэшка» взрывается. Ударная волна оглушает, но боль от огня, охватившего одежду, приводит меня в чувство. Качусь по земле, пытаюсь сбить пламя...

В полуметре от головы землю вспахивает пулеметная очередь. Стреляют с «Хорьха», направляющегося ко мне; за ним держатся оба мотоцикла, на одном из которых также установлен пулемет. Ну вот и все, видимо, сегодня смерти уже не избежать. Автомат и гранаты остались в танке, сейчас даже огрызнуться нечем.

Взгляд падает на тело Сашки-танкиста, распластавшегося на земле метрах в 12 от последней «тройки». Напоследок воображение дорисовывает картину состоявшегося боя...

Сашка вылез через люк в днище. Выбрался, видимо, рядом с задними катками. Возможно, видел, как расстреляли Виктора. Или, услышав очереди и не обнаружив оставшихся членов экипажа, решил, что все погибли. Смелости и смекалки погибшему танкисту было не занимать: под прикрытием дыма от горящего танка он подбежал к панцеру практически в упор и метнул гранату. Но тут же поймал очередь.

В любом случае, он отвлек внимание от недобитой «тэшки» (немцы вполне могли сделать контрольный выстрел) и обездвижил танк.

Вечная тебе память, раб Божий Александр. Скоро свидимся...

Откуда-то с тыла ударила короткая очередь «дзягтерева». В люке «Хорьха» скрылась голова немецкого пулеметчика, оба мотоцикла на хорошей скорости стали разъезжаться в разные стороны. Но мои бойцы точно бьют по мотоциклу с «машингевером»: «цундапп» переворачивается, ломая тела экипажа.

Обезумевший от очередного поворота судьбы и обнадеженный последним шансом, я рывками и зигзагами бегу к посадкам. Навык рваного движения, эффективно сбивающий прицел, вдалбливался всем «бранденбуржцам» до автоматизма. Сейчас он спасает меня от выстрелов, грохочущих сзади. Им уверенно отвечает короткими оставленный в тылу расчет. Но буквально минуту спустя по нему открывают огонь сразу несколько «машингеверов» и мелкокалиберные пушки.

И все-таки я успеваю добежать до леса.

...К «ЗИСу» выходят только пулеметчик, спасший меня, и лейтенант. Остальные красноармейцы погибли.

...Как только я подал сигнал, оба расчета открыли огонь: Женя срезал двумя прицельными очередями зенитчиков, а расчет ПТР удачно вlepил пару бронебойных по мотору замыкающего «Хорьха». Обе машины практически сразу потеряли боеспособность.

Но на засаду переключили внимание пехотинцы и экипажи бронетранспортеров. Моим пришлось принять неравный бой вчетвером против сорока.

Пытались отстреляться, лейтенант бил длинными, на износ ствола. Но ответные очереди нескольких «машингеверов» заставили замолчать одинокий советский пулемет. Попал под прицельный огонь Сергей, первый номер ПТРа... Под прикрытием МГ немцы подобрались вплотную и пустили в бой гранаты. Одна закатилась в ячейку лейтенанта, но второй номер успел бросить «колотушку» обратно. Только «гансы» ждали этого, и смелый боец свалился назад с простреленной головой.

Женя с единственным уцелевшим бойцом ответили оставшимися «эфками», попытались оторваться, прикрывая друг друга плотным огнем ППД. Но уже на излете красноармейца достала неприцельная пуля...

Боец из расчета, выручивший меня, погиб от близкого разрыва осколочно-фугасного снаряда.

...Так погиб практически весь мой отряд. Но за каждого убитого мы щедро заплатили немецкими жизнями и сожженной бронетехникой, меняя одного своего погибшего на десятерых «гансов».

Не будет вам легкой войны на русской земле, твари!

Глава одиннадцатая. Искупление

Из бесполезного теперь «ЗИСа» мы забрали практически все, что смогли унести. Немецкую рацию, неспособную настроиться на советские радиоволны, мы разбили, лишний боеприпас закопали. Каждый взвалил на себя мешок с консервами, сухарями и патронами.

Запасливые немцы уложили в кузов машины носилки, так что раненого мы транспортируем с «комфортом», которого последний, к сожалению, оценить не может – боец не приходит в сознание. Зато бессменные носильщики, лейтенант и авиатехник Гриша, несут раненого, обливаясь потом и ругаясь сквозь зубы. Привал приходится делать каждые 700 метров. О том, что ждет нас впереди, стараемся не думать. Пока просто идем вперед.

Помочь товарищам я никак не могу: сильно знобит от полученных ожогов, так что у меня только меньшая кладь – ДП и три пулеметных диска, которые удалось набить. Но и я быстро выбиваюсь из сил, шатаюсь от тяжести снаряжения.

На очередном привале мы плотно поели тушенку с сухарями – чтобы уменьшить вес переносимого имущества и набраться сил. Спать я не разрешил: в таком состоянии мы легко отключимся на целый день, а ночью с носилками пройти не сможем. Ничего, лес густой, от лишних глаз укроет.

Вот только жирное мясо, которым мы столь плотно подкрепились, вызывает сильную жажду. А во флягах воды на доньшке, и набрать ее негде... Дикая, аномальная жара превращает желание пить в непреодолимую муку. Небо стало совершенно сухим, а язык неприятно шершавым; быстро лопаются губы, ранки от которых разъедает соленый пот. В голове только одно: пить, пить, пить... Собравшись с волей, я слил оставшуюся влагу в одну фляжку и время от времени даю раненому хоть один-два маленьких глотка. Ему-то уж совсем невыносимо.

Так мы и идем весь день, шатаясь от усталости, жары и жажды. Проходим от силы километров пятнадцать – только четверть перехода. Канонада же отдаляется от нас настолько, что ее гул можно различить, только внимательно вслушиваясь. Правда, с другой стороны, мне-то как раз на ту сторону фронта попадать нежелательно. Раскроют в момент, а дальше... Вряд ли дальше меня ждет теплый прием энкавэдэшников.

Но ребятам я просто обязан помочь выйти к своим. Так что через не могу и не хочу идти надо.

...За все время нашего движения мы не только не вышли из леса, а, наоборот, в него углубились. Ближе к вечеру жара стала спадать, а кроны деревьев уже дают стабильную тень, стало полегче. Ближе к закату явственно потянуло прохладой водоема.

Скомандовав привал, я направил лейтенанта в разведку – Женя вырос в семье егеря и кое-что понимает в лесу. Ему же отдали и все фляги в надежде, что нам не померещилось и мы наконец-то напьемся.

Действительно, буквально сорок минут спустя разведчик вернулся с булькающими сосудами. Каков же наш восторг! Это надо прочувствовать – когда сжигающая жажда, настоящий жар высушивает горло, и в тот момент, когда кажется, что ты уже больше не выдержишь, твоих губ касается прохладная живительная влага...

Пока мы с жадностью осушаем фляги, лейтенант докладывает результаты разведки:

– Впереди болото, трясины. Дороги как таковой нет, так что движение лучше продолжить утром.

Я не вижу причин не согласиться с боевым товарищем. Так что, откушав по полбанки тушенки с сухарями (после питья вдруг проснулся голод), мы укладываемся спать. Дежурить договорились по-честному: на троих выходит нормально, каждому достается по пять с половиной часа сна. Как самый закаленный, свою вахту я принял первым, хотя более всего завидую Грише: счастливчик, сейчас поспит, а потом еще спать ляжет!

Максим в себя не приходит, что-то бредит в жару... Он очень сильно сковывает движение, но бросить мы его не можем. Хотя бы потому, что пока выносим раненого, каждый в душе верит, что и его в случае чего не бросят (хотя еще одного обездвиженного отряд в буквальном смысле физически не потянет). Даже не так: пока мы выносим раненого, пока мы заботимся о боевом товарище, мы остаемся боевым подразделением. Стоит только подумать о рационализме и целесообразности, то в начале будет Максим, потом будет выброшено оружие, а потом или дезертирство, или плен – в нашем случае так целесообразней всего.

... – Никита, вставай, вставай!

Открывая слипшиеся ото сна глаза, я не сразу соображаю, что происходит и где я нахожусь. Только-только снилась Дуниша, смеющийся ребенок, Бискайские горы...

– Женя, что?!

– Собаки. Я слышу лай собак.

Хорошо, что мы выставили часового. Женя не спloховал, не уснул и вовремя различил приближающуюся опасность. В покрытом сумеречной

дымкой лесу отчетливо различается лай овчарок (его я хорошо узнаю еще после лагеря пленных). И хотя пока сей звук доносится издалека, он исходит с нашего дневного маршрута.

В принципе все логично. Два серьезных нападения за два дня, чувствительные потери – и немцы наверняка организовали осмотр местности рядом с засадой. Нашли «ЗИС», следы от протекторов на месте обоих нападений, сложили два и два. И пришли к неприятному для себя, но правдивому заключению. А раз так, то для того, чтобы добить группу дерзких «красных», создавшую такие проблемы, они не стали мелочиться, вызвали спецгруппу военной полиции с собаками, которая уверенно взяла наш след.

Пытаемся оторваться мы ровно полчаса. За это время лай приблизился практически вплотную: он доносится с места нашей ночевки. А болото, точнее, система болот, делает крутой поворот на север. Вместо того чтобы двигаться вперед, нам придется делать крюк. Но только так мы точно не оторвемся...

– Харе, братцы. Женя, давай-ка меняться – ты мне ППД, я вам ДП. А еще, пожалуйста, гранаты.

– Никита, ты что?!

– Не оторваться нам. Ты уже это понял.

– Понял. Но мы от немцев тоже бегать не будем, ударим, так втроем!

– И втроем останемся. Уходите, это приказ!

Да плевать они хотели на мои приказы. Стоят и смотрят на меня с каменными лицами, будто я их чем-то обидел. Впрочем, могли подумать, что сомневаюсь в мужестве советских воинов. Эх, какие все-таки ребята...

– А-а-а!!! Мужики, времени нет, уходите! Тут не колонна на дороге, которую прижать можно с трех сторон! Эти веером рассыпятся, вы их и не заметите. Перебьют, а что с Максимом будет, подумали? Они его псам отдадут, те живого на куски рвать будут! А у меня спецшкола за плечами, кое-что умею. Про ОСНАЗ слышали?

И не думайте, я себя хоронить не собираюсь. Мне собак перебить да раненых хотя бы трех-четырех организовать, чтобы в ноги. И всё, они преследовать уже не смогут, верняк. А мне вас догнать затем будет совсем несложно. Да, курево тоже сдайте, махра нух отобьет.

Тут уж бойцы засомневались. Но все еще медлят.

– Лейтенант Фролов, рядовой Грунько! Выполнять приказ!

– Есть выполнять приказ. Свидимся, сержант...

– Конечно, свидимся, братцы!

...Лихорадочно маскируя растяжки, я думаю о том, что это мой

последний бой. То есть, если все получится, свой грех против Родины я искупил. Жив или нет, вопрос третий. Но эта сознательная жертва ради спасения соратников уравнивает то зло, что я принес. Лишь бы все получилось...

Четыре растяжки по фронту маршрута моих ребят, еще тремя с флангов и тыла я закрываю свою позицию. «Лимонок» больше нет, но есть пистолет-пулемет с тремя дисками, ТТ с двумя обоймами и финка. Камуфляж опять-таки... Махру я старательно растер на тропе. Если овчарки и уцелеют, то след могут потерять, да и меня не сразу почуют.

Позиция отличная, мои учителя вполне могут мной гордиться: взгорочек, перед ним с десятков метров в обе стороны проплешина, на лежке густой кустарник. Растяжки в мертвой зоне, это если попытаются обойти, установлены чуть спереди. Маневрировать смогу свободно. Положение относительно нашей тропы фланговое. Внутри аж ликование какое-то, предвкушение боя. И страха нет, что странно: ведь шансов уцелеть совсем немного. Хотя, с другой стороны, любой бой может стать последним.

...Они появились внезапно. Лай собак раздается где-то позади, а в поле моего зрения уже попал боец в немецком камуфляже, аккуратно, практически бесшумнодвигающийся вперед. Собственно, даже мое тренированное зрение вычленило противника только на проплешине. Присмотревшись, с каждого фланга метров в 20 я разглядел еще двоих противников. В руках карабины.

Вот один из них встал на колено и вскинул «маузер». Мама дорогая, у него оптика! Такого и раненым оставлять нельзя...

Сердце тронул холодок страха. Да, таких мне не потянуть в одиночку, но здесь и ребята не особо бы помогли. В любом случае, решение уже принято.

Короткая очередь. Боец с оптикой, прошитый тремя-четырьмя пулями калибра 7,62, валится назад.

Перекатом ухожу с лежки. Практически тут же землю, где я только что лежал, вспарывают пули двух карабинов. Хлесткий звук выстрелов доносится будто чуть погодя. Ого! Быстро они реагируют.

Два переката, короткий рывок под прикрытием орешника. Запасная позиция. Тоже удобная, хотя и не с таким удачным обзором.

Мертвенно холодея, я вдруг понимаю, что это место выбрал бы любой снайпер. Мое укрытие на этот раз довольно предсказуемо...

Догадка подтверждается в сделанном на удачу выстреле. Пуля срезала ветку над головой, но стрелок лишь вызывает огонь на себя: буквально

пару секунд спустя немец, поменяв позицию, выстрелил еще раз. И тут же снова нырнул вниз.

Все ясно. С фланга, по всему видать, зашел второй, и теперь он ждет мой выстрел, демаскирующий вторую лежку. Н-да, ситуация патовая.

Меня спасает молчание. Первый стрелок переключается на другое любопытное место (к слову, его я тоже намечал), второй появляется в поле моего зрения.

Так, теперь не дергаться. Аккуратно переворачиваюсь на спину, беру прицел с упреждением полфигуры.

Короткая.

Очередь выбивает карабин из рук противника. Раненый немец, приглушенно вскрикнув, падает.

Мгновенно переворачиваюсь. Первый стрелок слышал мою атаку, но не видел вспышек выстрелов. Сейчас он должен попробовать меня достать. А я попробую достать его...

Вместо винтовочного огня немец бросает «колотушки». Кидает две, одну сразу за другой: первая не долетает метров семи, вторая падает прямо передо мной метрах в трех.

У меня есть три секунды принять решение. Вскочу – он меня снимет. Так не пойдет. Закрываю голову руками и задеревеневшими от страха губами начинаю жутковатый отчет. Четыре, пять, шесть, семь...

На девять раздается чудовищный (так мне показалось) взрыв, за ним еще один, но потише. Горячая волна обдаёт кисти и голову, комья земли больно секут ладони. В руку вливается что-то горячее. Несмотря на открытый рот, меня крепко оглушает.

Но ветки кустов приняли на себя основные осколки, разошедшиеся, кстати, в основном выше. А немец показался: залег, прижав карабин к плечу.

Я практически не слышу очереди, но целик, взятый так, чтобы враг был как бы над срезом линии прицела, не подводит. Голова противника дергается от удара и безвольно падает; мертвые руки выпускают «маузер».

Пошатываясь, встаю.

Выстрела не слышу. Только сильный удар под нижнее ребро слева, будто тело пронзил раскаленный прут.

Боль невыносима, она мутит разом гаснущее сознание. Из последних сил перекаат в сторону, прыжок под дерево... На этот раз выстрел я улавливаю, но подобной прыти удачливый стрелок от меня не ожидал и промахнулся. Вот только в глазах чернеет от выворачивающей наизнанку боли. Пистолет-пулемет остается лежать на месте падения.

Глухо доносится взрыв со стороны растяжек и пронзительный собачий визг: одна есть! Маленькая удача придает сил: усилием воли я гашу слабость и заставляю себя молча ползти вперед по маленькой ложбинке. Ползти туда, где остались другие растяжки...

Она не рычит. Овчарка стремительной тенью догоняет меня, взяв след по крови. Ее приближение я уловил, точнее, почувствовал, в последний момент.

Огромный, разъяренный зверь с бешено выпученными глазами, яростно оскалившись, настигает меня как ангел смерти – зрелище парализующее.

Времени расстегивать клапан на кобуре нет: стремительно выхватив финку, я встаю на полусогнутых и заученно выставляю левую руку вперед.

Инстинкт сработал, и зверь прыгнул именно на открывшуюся цель. Секунду спустя мое сознание вторично пронзило болью, теперь от рвущих мясо на предплечье клыков. Но это уже агония: пес открыл живот в прыжке, и я тут же по гарду всадил в него клинок.

Кое-как высвободив израненную руку из мертвой хватки овчарки, я отодвинулся в сторону. Вот сейчас, давай... Сознание уже гаснет, но я из последних сил держусь: стрелок наверняка захочет меня добить.

Его погубила самонадеянность. Немец слышал и мой невольный вскрик, и скулеж умирающей собаки. Но решил, что я попытаюсь уползти дальше. А потому поспешил, бросился вперед, не особо заботясь о выборе укрытий. Может, молодой?

Рассмотреть мое тело в камуфляже стрелок сразу не смог. Сразу – это в первую секунду. А во вторую в его плечо ударила пуля. Вторая мимо, третья в ногу, четвертая в живот, пятая мимо... Шестая в голову.

Трясущимися руками меняю обойму. Пытаюсь встать. Опираюсь на левую и тут же падаю: порванная рука не способна быть опорой. Кое-как все же встаю.

...Я уводил их на болото сколько смог.

Грохнула еще одна растяжка. Когда я пробрел чуть-чуть вперед, передо мной предстали сразу несколько бойцов полицейских частей в обычной серой форме. Двое возились рядом с телом погибшей овчарки, последнюю (других не видел) держал за ошейник третий противник. Пуля из ТТ поразила его в ногу; еще три патрона ушло в соседей. Один умело упал и открыл точный автоматный огонь в ответ, зато второй свалился, держась за плечо. Я отступил назад.

Раненный в ногу не удержал пса, молча бросившегося на врага. Последнюю (надеюсь) овчарку встретили два выстрела в упор.

Дело сделано: без собак, с тремя ранеными, немцы охоту не продолжат. Но хотя бы за одного они должны отчитаться, хотя бы за одного... Потому я шел к болотам, в надежде, что если преследование продолжится, еще кто-то найдет свой конец в трясине. Или меня «отпустят», посчитав, что раненый на болоте и так найдет свою смерть.

Собственно, так и получилось. Практически.

Мне помогли. Был пятый стрелок. Я это понял, когда сзади раздался точный выстрел из карабина, и раскаленный прут пронзил на этот раз лопатку. Опять левую.

Падая в прохладную воду, я на миг даже подумал, что это хорошая смерть. Смерть в бою, с чувством исполненного долга. А вода так приятно охлаждает тело...

Главное, я искупил свое зло.

Прости, Господи, мне мои грехи. Защити, Господи, моих любимых, помоги выбраться Жене, Грише, Максиму... И даруй, Господи, победу русскому воинству, защищающему свою землю!

Глава двенадцатая. Схватка

За окном вовсю гремит гром, оглушительные разряды которого похожи на выстрелы пушек; молнии ослепляют, на считанные мгновения превращая вечерние сумерки в день. Сильный ливень барабанит по карнизу, добавляя свою лепту в мелодию разыгравшейся стихии.

Запах озона смешивается с ароматом волос жены, таким же пьянящим и дурманящим, как и ее поцелуи. Как же сладко быть рядом с ней!

Неповторимый контраст бушующей природы и уюта уединения с любимой женщиной делают этот миг уникальным; хочется, чтобы он растянулся в вечность. Хочется, чтобы эта минута, это сейчас не кончалось. Такое уютное, теплое, нежное сейчас...

Гроза уходит, а дождь теперь мерно поливает, принося долгожданную прохладу измученному жарой городу. Вдруг на западе расступаются тучи, и на миг карие глаза жены освещают лучи заходящего солнца; они будто зажигают их. Самые прекрасные и родные очи сами начинают словно источать свет, который так тепло греет мое взволнованное сердце... Красивый жест уходящего дня.

Сейчас нет места разговорам, нет. Лишь бессвязные слова любви и ласки, перемежающиеся нежными поцелуями...

Воспоминание одного из последних моих увольнений, после которого я узнал, что любимая непрадна...

...Ребенок. Такой маленький, крохотный, так нелепо и в то же время по-детски мило переступающий маленькими ножками. Я не понимаю, мальчик это или девочка – в годовалом возрасте одетых в штанишки детенышей трудно различить. Я вижу невероятно счастливую улыбку во весь рот, четыре зубика и слышу детский такой писк, перемешивающийся со смехом: ребенок пытается догнать маму. Последняя, также весело и счастливо смеясь, убегает от малыша на четвереньках, нарезая круги вокруг детской кровати... Какая же добрая и милая картина... В матери я узнаю Дунишу, а в крохе своего ребенка. Ребенка, которого я никогда не видел.

Из глубины дома раздаются голоса. Кажется, они мне знакомы. В одном я узнаю свою маму, в другом Айнгерру... Господи, неужели это правда и они в безопасности?!

...Томящая, сладкая и нежная грусть, тоска по любимым сменяется

вдруг тревогой. Это чувство вытесняет оставшуюся негу не сразу, но, появившееся вдалеке, оно нарастает и заполняет все мое сознание.

Вдруг я оказываюсь в лодке. Окружающий туман, скрывающий противоположный берег, безмолвие, мерный скрип уключин – я вспоминаю это место мгновенно, оно навсегда отложилось в моей памяти. Это та самая ночь, Буг... Только плыву я не на советскую сторону, а, наоборот, к немцам.

Страх ледяной иглой пронзает сознание. Я помню, что он умер, что я его убил. Но это было в той жизни, а ведь сейчас он должен быть рядом... Я чувствую его присутствие, пытаюсь повернуть голову к носу лодки – и не могу. Будто какая-то чудовищная сила сковала меня, я не могу пошевелиться – но все-таки борюсь.

Наконец будто бы получается развернуться. В лодке никого нет, сдавленный вздох облегчения невольно вырывается из груди. Но в этот же миг сильный толчок бросает меня на деревянное сиденье.

Я причалил к берегу. Туман рассеялся, и сквозь ночную тьму я различаю одинокую фигуру, неспешно приближающуюся ко мне. Сомнений быть не может, это ОН. Я чувствую вдруг тяжелый запах свертывающейся крови и разлагающейся плоти. Горло сдавливает от нахлынувшего ужаса, а гауптман с разорванным животом вплотную подходит ко мне. Его лицо бело как мел, и эта неживая белизна хорошо заметна даже в темноте.

Его губы вдруг кривятся. Он пытается что-то сказать:

– Локи, это Валькирия! Локи, ответь! – вдруг раздаются в моей голове слова выходящих в первый день на связь летчиков. Или, может, они звали группу позже?

И уже совсем другой, мертвенно-скрипучий голос капитана Климова вопрошает:

– Что же ты молчишь, Локи? Ответь...

Видение вдруг сменяется другой картиной. Черный, будто нависший над головой деревянный потолок, маленькая комнатуха, освещаемая тусклой лучинкой, и мужское лицо, смотрящее на меня в упор. Борода клином, обвислые усы и длинные волосы, нахмуренные брови, длинный, будто клюв, нос... Этот мужчина почему-то ассоциируется в моем сознании с Кощеем Бессмертным. Да, Кощей. Значит, очередной кошмар.

– Держись, парень...

Становится невыносимо жарко. Рядом работают печи, огромные, жаркие печи. Наверное, доменные. Да, наверняка доменные.

Становится все жарче...

Мне кажется, я слышу людские голоса, какой-то неясный, тревожный рокот, в котором еле различимы отдельные стоны и вскрики.

Как же страшно...

Я иду темными пустынными коридорами, сопровождаемый этим тревожным рокотом. Все чаще я слышу в нем глухой плач, в который иногда вплетается детский визг.

Им нужна моя помощь!

— Ау, люди! Я здесь! Я иду! Где вы?!

В коридорах повисает глухая тишина... Что я потревожил?

Наконец-то я выхожу в какое-то помещение. В нем также никого нет, а из всей мебели только столы. И куча какого-то тряпья на них.

Я подхожу ближе. Становится понятно, что это уже ношенная одежда, аккуратно отсортированная по видам и половой принадлежности. Кто же ее носил и где они?

Вдруг сзади раздается противный скрип двери и грохот поставленного на пол железного ведра. Я резко оборачиваюсь, но в помещении никого нет. Зато вновь раздаются крики и плач, теперь гораздо более отчетливо.

Я подхожу ближе к ведру. Что в нем? Какая-то серая масса. На что это похоже? Наклоняюсь чуть ближе... Пепел.

Жарко, как же здесь нестерпимо жарко...

Откуда этот пепел, что здесь жгли? Может, одежду? Да нет, вряд ли бы ее тогда так тщательно отсортировали...

Вдруг мой взгляд падает на отложенные в сторону детские ботиночки. Такие, которые носят как раз совсем еще малыши. И сумасшедшая догадка, пронзившая мое сознание... Она столь ужасна, что даже в кошмаре такое себе страшно представить.

И в этот же миг я услышал истошный детский плач. Так надрывно малыши плачут, когда рядом долго нет мамы. Очень долго нет. Секунду спустя он превращается в короткий вскрик нечеловеческой боли... Я знаю, откуда этот пепел.

ТВАРИ!!! ВАМ НЕТ МЕСТА НА ЭТОЙ ЗЕМЛЕ!!! ГОСПОДИ, ДАЙ МНЕ СИЛ ИХ ОСТАНОВИТЬ!!!

Нестерпимая жара спадает, когда мне на лоб опускается тряпка, обильно вымоченная в ледяной воде. Губ касается влага, и я начинаю жадно пить. Это какой-то отвар, отдающий малиной и смородиной, медом и чем-то еще...

— Пей, пей, вот так...

А это, кажется, та самая деревня, в которой я сделал окончательный

выбор. В ее земле остались лежать последние «бранденбуржцы» моего отделения.

Теперь на околице стоит «ганомаг» и пара «цундаппов». Люди в ненавистных серых кителях сгоняют народ на площадь. Дежавю: Вольф делал так же.

Здоровый, толстый фельдфебель что-то зачитывает. Затем дает какие-то команды своим противным, лающим, визгливым языком, что-то кричит собравшимся людям.

К сельчанам выводят председателя, фельдшера и еще двух жестоко избитых мужчин. Между ними еле перебирают ногами обе дочери фельдшера. Платья на обеих девушках изорваны на груди и спине, и последние вынуждены постоянно придерживать их покрытыми кровоподтеками, оголенными руками. Лица девчонок также изувечены.

Становится понятна и причина их тяжелой походки: платья обеих ниже пояса густо обгарены кровью. Девичьей кровью. То-то подталкивающие их конвоиры смотрят такими сальными взглядами...

Мрази.

Жирный фельдфебель вновь что-то выкрикивает (не разберу что), после чего заключенных выводят за околицу. Крестьян насильно гонят следом.

Конвой останавливается на месте, где землю по всем признакам недавно копали. Я даже знаю для чего, а точнее, для кого. Только боюсь, немцы это тоже знают.

Я пытаюсь броситься вперед, отвлечь «гансов», но на этот раз свое тело даже не ощущается.

Между тем мужиков грубо сбивают с ног и силком ставят на колени. Снова дежавю. С девушек срывают лоскутки платьев, до того скрывающих наготу. Взгляду предстают тела жертв жестокого насилия: груди, животы, бедра и спины их покрыты огромными кровоподтеками, следами укусов и свежими порезами, еще сочащимися кровью. Девочек не просто насиловали отделением, над ними глумились, их истязали...

Шесть палачей подходят каждый к своей жертве. Вот «гансы» вскидывают винтовки; звучит команда и раздается залп...

– НЕТ!!!

Бросаясь на помощь последним отчаянным рывком, я вновь проваливаюсь в дом Кощея. Или это уже не сновидение?

А вот и он, легкий на помине.

– Вставай.

Ну что, здесь мне становилось легче. Почему бы и не послушать

сурового дядьку?

Правда, встать получается не сразу и с чужой помощью...

...Я снова бреду в тумане. Опять ночь переправы?

Да, так и есть. Передо мной лодка. Хотя... Вроде как бы и день и вроде не река?

...Или все-таки туман и Буг? Да, я вновь плыву, вновь скрипят уключины, хотя вроде как и посветлее...

– Плыви, давай, шевелись, двигай веслами!

Как скажешь, Кощеюшка, как скажешь. Странно даже, такой негативный персонаж, а здесь дружелюбный. Детские сказки врал?

– Гребь, еще гребь!

Тело ломит от боли. Туман опять становится гуще, снова спускаются сумерки.

Я причаливаю. И от берега ко мне вновь направляется одинокая фигура. Хех, опять мертвец Климов? Уже вроде не так и страшно.

Хотя нет. Очень даже страшно. Это не покойный гауптман. Это казак-пластун, обучавший меня тонкостям ножевого боя. И вполне предсказуемо он сжимает в руке длинный тонкий клинок.

– Давай, давай, гребь, борись!

...Я понимаю, это схватка. В правой руке вдруг оказывается зажата финка. Принимаю стойку.

Пластун криво усмехается и змеиным броском проводит укол...

По лбу стекают первые капли пота. Как же тяжело... Но бороться надо, тут сказочный персонаж прав...

Рывком ухожу с линии атаки и с разворота выстреливаю стопой в живот противника. Такого старый воин еще не видел: он сгибается от пропущенного удара.

Ободренный первым успехом, стремительно бросаюсь вперед, но казак мгновенно реагирует уходом в сторону и легким точным взмахом клинка рассекает плоть левой руки...

Сквозь старательно наложенную на предплечье повязку (точно, сказки врут!) явственно проступают капли крови.

Только атаковать, только атаковать! Так есть хотя бы один мизерный шанс, что он ошибется!

Выстреливаю классическим джебом в голову, а правой колю точно в «солнышко». Но пластун, ловко перекинув нож в левую руку, легко уходит в сторону и оказывается чуть позади. Мгновением позже левую лопатку поражает узкое тонкое жало вражеского клинка...

– Сейчас все решится! Пойми! Это тоже схватка, схватка за жизнь!

*Я понимаю. Но мой противник слишком силен.
Остался последний шанс.*

Я чувствую направление его атаки, на этот раз он уверенно бьет ножом в живот. Но я не пытаюсь переместиться, скрыться от удара. Дикая боль в пронзенном левом боку сотрясает тело, но шея врага оказывается совершенно открыта справа.

Точный пластающий удар хлестко ее кромсает.

Я окончательно прихожу в себя. Надрывно болят ранения, из-под повязок струится кровь. Но я не чувствую жара. Нет, наоборот, мне удивительно легко, только сильно хочется пить. Одежда насквозь сырая от пота; такое ощущение, что меня обильно поливали из ведра. Но это именно пот.

Мужчина, сидящий напротив меня (ну вот действительно похож на Кощея), довольно усмехается в бороду:

– Теперь выживешь, паря, теперь точно выживешь!

Глава тринадцатая. Виктор

В моей жизни появился новый человек, которому я обязан жизнью.

Не знаю, каких трудов Виктору стоило вытащить меня с болот, сколько усилий он потратил на то, чтобы выходить меня. Фактически то, что я выжил, – настоящее чудо. Впрочем, мой спаситель этого и не отрицает:

– На все Божья воля, Никита. Крепко, видимо, молится за тебя твоя мать, раз Святая Богородица бережет тебя. Без ее помощи я бы тебя не спас, точно тебе говорю.

...Виктор – человек очень верующий, начинающий и заканчивающий свой день молитвою. Вообще, выполнение утренних и вечерних молитвенных правил – обязанность каждого христианина, вот только далеко не каждый ее блюдет. Собственно, практически никто – по крайней мере, в эмигрантских кругах я такой традиции не знал.

А мой спаситель не просто отдает дань традиции или молится два раза в день просто потому, что так надо. Нет, он искренне проникся верой и все, что делает, делает с любовью, славя Господа. Он поет, именно поет псалмы во время работы, а работает он все время. Также и перед едой.

В его жизни все как-то размеренно основательно. Он никуда не спешит, за какое бы дело ни взялся – никогда не халтурит. Про семью отмалчивается, так что я стараюсь не бередить старые раны уже возрастного мужика, живущего бирюком. Сам себе пищу добывает, сам себе и готовит, причем даже простые вещи у него получаются очень вкусными.

К примеру, толченая картошка. Ни сливочного масла, ни молока, и, казалось бы, что тут придумаешь? Но разогрев на огне сковородку с постным маслом и аппетитно обжарив в нем мелко порезанный лук, Виктор смешивает все это с картошкой, которую предварительно толчет в варившейся воде. В итоге у «пюре» появляется восхитительный ароматный, пикантный привкус.

Когда я начал вставать, у нас появилась традиция совместного чаепития.

Вначале встаем на молитву. В горнице перед столом висят на стене обязательные лики Спасителя и Богоматери, а также некоторых святых. Торжественно пропев «Отче наш», «Богородице Дево, радуйся», псалом Пресвятой Троице и еще некоторые другие молитвы, которые я пока не запомнил, мы садимся за стол. Ничего лишнего: миска меда, нарезанный

крупными ломтями серый хлеб и чайник с заваркой – но как же все вкусно! Чай пьем без сахара, да и заварка представлена смесью липы, чабреца, душицы и засушенных ягод лесной земляники, однако вкуснее чая я в жизни не пил. Мед с хлебом под такой чай идут лучше всяких шоколадов и мармеладов; от печки, на которой греется кипяток, исходит приятное тепло. Хорошо!

И чем еще мне приятны такие чаепития, так это разговорами. Виктор – удивительный собеседник. Где-то строгий, простой в общении, любитель доброй шутки, он очень мудрый и понимающий мужик, несмотря на то, что за спиной его нет ни университетов, ни академий, ни даже гимназий. Он оперирует богатым жизненным опытом и природным умом; мне очень импонируют его тактичность и умение слушать собеседника. А еще что очень важно для меня – Виктор не спешит судить и осуждать, не торопится делать поспешных выводов.

Впрочем, такая размеренная жизнь у нас началась не сразу...

– Стой, куда ты?!

– Мне нужно... Предупредить, я должен... Хах... Я должен помочь им, спасти...

– Кого спасти собрался, воин? Ты полкилометра пройдешь и замертво свалишься, только-только чуть ли не за чертой побывал!

– Я должен!

– Ты выжить должен, если кому-то хочешь помочь. А с твоей смерти тем, кого ты хочешь спасти, легче не станет. Ты суть дела поясни, может, чем я помогу.

На секунду остановившись и стерев со лба обильно выступивший пот, я впервые внимательно посмотрел на человека, которому, по-видимому, отныне обязан жизнью. Его лицо и некоторая схожесть со сказочным персонажем не были плодом моего воображения, обьятого горячкой. Еще он сухощав, высок и широкоплеч, а в целом производит впечатление человека надежного и сильного духом.

– Вы, очевидно, спасли меня. Такие вещи не забывают. Но сейчас в опасности еще несколько людей, которых я должен хотя бы попробовать выручить. Но вы правы, сам я до них не доберусь. Деревня, название которой я не знаю, расположена на грунтовой дороге, идущей параллельно шоссе, километрах в сорока отсюда. Нужно предупредить председателя колхоза, фельдшера и его дочерей.

– Фельдшера Иваном Степановичем кличут?

– Знаете его?

– А отчего же не знать? Тут в деревнях грамотные медики – большая

редкость. Ивана знает вся округа. Предупредить, говоришь?

– В их деревне был уничтожен немецкий отряд. Они косвенно приняли в этом участие и теперь, я боюсь, их просто выдадут немцам.

Мой спаситель тогда сразу как-то посерел лицом.

– Хорошо. Завтра там буду, если не опоздаю, выручу. Тебе вот что – лежать, спать, пить. Оставлю тебе два ведра воды, разводи ее с малиновым вареньем. Есть – каравай хлеба и мед. Думаю, протянешь. И имя-то свое назови, солдатик.

– Никита. Никита Мещеряков.

– Ну, будем знакомы. Меня Виктором нарекли.

Как я и ожидал, рукопожатие большой, натруженной руки моего спасителя ощутимо крепкое.

...Вернулся Виктор только на четвертые сутки. Все прошедшее время я по большей части провалялся в кровати. Иногда снова начинался жар и бредовое состояние, но тогда я кипятил воду, смешивал ее с небольшим количеством холодной воды и малиной и жадно пил. Помогало.

Перевязки также делал сам. Бинты приходилось кипятить, а так... В целом все не так плохо. Оба пулевых ранения были сквозными, и мне очень повезло, что немецкие спецвзрослы вели огонь не разрывными пулями. Наверное, потому, что у них плохая баллистика, а на «охоте» хорошая прицельность важнее. Если бы не это, умер сразу.

Еще сильнее мне повезло тем, что не были задеты внутренние органы. А начавшееся воспаление я сумел побороть каким-то чудом с помощью Виктора.

... – Ну что там?! Не томи, братец, сердце из груди выпрыгнет!

Вид серьезного и сосредоточенного Виктора, такого же серого лицом, что и в прошлый раз, здорово меня напугал. Сердце забилося в тревоге, предчувствуя самое страшное.

– Не тот немец нынче пошел, не тот, что раньше. Звери, не люди...

– Всех?!

– Девочек, слава богу, успел вывести. Но и только. Когда уже отходили от села, видел, как немцы приехали.

Весть о спасении девочек будто сбросила камень с плеч.

– На бронетранспортере и двух мотоциклах?

Виктор внимательно на меня посмотрел:

– А ты-то откуда знаешь?

– Честно? В бреду привиделось.

– Прозорливый какой-то бред... Да, именно на броневице, смахивающем на гроб, и двух мотоциклах. Потому-то я и задержался, что

пигалиц к родне отвел и не дал им назад броситься.

– А председатель и фельдшер почему с вами не пошли?

– Почему? Да правильно сделали, что не пошли. Народ-то с гнильцой, в последние годы привык друг на друга доносить. А сейчас, кто понимает, что немец лютей враг, а кто хочет уже при них выслужиться. Так что то, что настучат, мужики понимали.

– Ну так тем более, почему? И что девок раньше не отправили?

– Не отправили, потому что не с кем и некуда, я тайно к своим вывел. Сами-то пигалицы никуда идти не хотели. А мужики поняли, что немцам жертвы нужны. Показательные. Вот и остались, в надежде на то, что «гансы» ими и успокоятся. И правильно, иначе других бы взяли. А так... Думаю, не станут «гансы» землю носом рыть пока что, не станут. Им сейчас это не с руки, да и не выгодно. В одной руке кнут, в другой пряник. Колхозы распустили, партийных активистов, кто остался, переловили – так многие из них сельчан в свое время крепко обидели. Вот и церкви открывают.

– А что черноризцы? Небось сразу бросились им одно место лизать да немецкое оружие в молитвах славить?

Виктор резко побледнел, встал надо мной, как грозовая туча. Глаза мгновенно из усталых – суровые. Голос звучит глухо и твердо:

– Еще раз такое про Церковь и священнослужителей скажешь – не посмотрю что раненый. Пойдешь на все четыре стороны.

– Витя, ты чего?

– Ничего. Если бы ты знал, сколько «красные» здесь дел наделали, держал бы язык за зубами. Тут многие «гансам» служить будут не за страх, а за совесть, припомнив старые обиды. И просто чтоб ты знал, я церковным старостой буду, а до того десятку на Соловках отмотал за веру свою.

Тут уж пришел мой черед бледнеть:

– Так ты, выходит, немцам служить будешь? Не за страх, а за совесть? Тогда что ж ты меня спас, или за «ганса» принял? Так-то не так! Ошибся ты, староста!

– Охолони! Документ твой при тебе был, что энкавэдэшник ты, прекрасно знаю. Но ведь образ Божий живет в каждом человеке, опять же, ты на шее крест носишь, не пропащий человек. И за немцев я не ратую. За кнут рассказать не успел.

А кнут таков: всех коммунистов, комсомольцев, активистов – к ногтю! Всех, кто раненых у себя приютил, расстреливают на глазах у всей деревни, чтобы другим неповадно было и руку новых хозяев чувствовали! Так что я с тобой уже по острию хожу, но коли что – смерть за други своя приму,

христианским подвигом спасусь. И если пошел такой разговор, в прошлую войну я с «гансами» не брался. Накоротке с ними общался только в штыковых.

Уже чуть остыв, я протянул Виктору руку:

– Прости меня. Видишь как, не понял тебя. Просто подумал, что раз немцы церкви открывают...

– Так Церковь Богу служит, а не «гансам». Это Господь сподобил, чтобы храмы открывали и службы в них вели и люди могли в них утешение найти, и помощь, и надежду. А что касается молитв, так не было и не будет в истории русской Православной церкви, чтобы за победу врага молились!

– А точно все церковники понимают, что немец враг?

– А как тут не понимать? В церкви люди неглупые, грамотные в основном, с пониманием. Разве Гитлер верующий, хоть и католик? Он-то, конечно, верующий, только верит в Одина, Тора и Локи и прочих языческих богов, суть демонов. Он оккультист, состоял, а теперь руководит новоязыческими сатанинскими орденами, оттуда и берет вдохновение и жестокость. У себя в Германии он папскую церковь прижал, хотя и хитрит, до полномасштабных гонений не доводит. А здесь храмы открывает только потому, что ему сейчас это выгодно. Однако и нам это выгодно, потому и открываемся. Но за победу врага молиться не будем, тут не сомневайся.

Я же в эти секунды вспомнил про немецкие позывные – Локи, Валькирия... Да, Виктор прав. И ведь не только Гитлер или фанатики эсэсовцы сатанисты. На моих глазах простые часовые, еще когда мы искали «окна» в системе пограничных патрулей, беседовали про богов прошлого, про Рагнарек. Тогда мне показалось, что это просто забава, ночные разговоры с целью нагнать жути, прям как в детстве. Но если допустить, что хотя бы часть немцев относятся к этому серьезно, что они верят в Гитлера, как посланца богов прошлого, то на выходе мы получаем фанатиков, лишенных понятий человеческой морали. Но действительно уверовавших, что они эталонная нация и имеют право уничтожать тех же евреев, цыган, славян... просто потому, что те принадлежат к «низшим расам». И идеи Гитлера о превосходстве собственной расы и сплочения народа перерождаются в руководство к действию по истреблению «низших». В памяти тут же возникли образы видений о человеческом крематории... Климов обманулся и здесь.

– Но вот ты же сам себе противоречишь. Неужели те священнослужители, что так пострадали от советской власти, разве они не думают о том, что власть эту нужно ликвидировать?

– Думать, может, и думают, и думали, и верили, когда на Москву шел

Деникин, а на Петербург Юденич. А сейчас на Родину напал враг, и двадцать второго июня, еще до выступления Молотова, Патриарший блюститель митрополит Сергей обратился к верующим с воззванием, в котором благословил христиан сражаться с захватчиками. Русская православная церковь разделит судьбу народа.

– Ну и что, теперь, значит, все должны его послушаться?

– Плохо ты знаешь Церковь, Никита. Да, должны, поскольку в православном служении послушание – высшая добродетель.

Оставалось лишь только недоверчиво покачать головой.

...Постепенно я иду на поправку. Раны зарубцевались, воспаление практически полностью спало, по крайней мере, меня больше не лихорадит. Как я понял, определенный лечебный эффект дала гребля, о чем не преминул спросить.

– Я от Ивана Степановича про этот способ прослышал. Больше, конечно, напоминало сказку, да и сам Степаныч привел его в качестве примера медицины древних, сегодня не практикуемой. Просто с тобой у меня других вариантов-то и не оставалось.

А история, в общем-то, простая. Древние викинги, как сам понимаешь, не имели никаких лекарств. А раны, полученные в бою, воспалялись так же, как и сегодня, наверное, даже еще чаще.

И был у них простой, но действенный способ. Когда викинга охватывала лихорадка, он садился один в тяжелую лодку и греб, сколько сможет. Если сердце выдерживало, зараза уходила из ран с потом.

– Так, значит, и мое сердце выдержало? Хм, а я уж думал, действительно чудо.

– Так чудо и есть. За весла садятся в сознании, а я-то тебя на болоте подобрал уже полумертвого. И легче тебе не становилось. А потом, когда у тебя уже совсем жар сильным стал, ты вдруг заметался, задержался, пытался встать, не приходя в чувство. Я подсобил, а иначе бы все. И ведь не слышал я о таком, чтобы когда человеку совсем плохо становилось от лихорадки, он был способен даже просто встать. Так что вот тебе и чудо.

Виктор теперь целыми днями пропадает в деревне, где восстанавливает храм, освященный во имя Георгия Победоносца. Церковный староста весь как-то подобрался, просветлел лицом, стал веселее и энергичнее – что значит воплощать мечту в жизнь своими руками!

Как-то раз вечером, когда он уже пришел домой и после еды мы пили чай, я решил расспросить своего спасителя о его службе в армии. Решение это пришло не просто так: я собрался продолжить свою войну с немцами, и

мне нужны были люди. Да и не только люди: любая информация о противнике (разведданные), контакты с местным населением, запасная база, связной и прочее, и прочее. Разговор получился довольно интересный:

– В пятнадцатом я на фронт ушел, попал в пехотную часть.

– Во как! Самый тяжелый год! Тогда ведь практически без артиллерии воевали.

– Что верно, то верно. Хотя знаешь, ведь на войне и в армии в целом все зависит от командира.

Вот пример. Артиллерия у немцев была, конечно, сильной, снарядов много – но не до бесконечности. Тяжелые гаубицы, которые траншеи в фарш превращали, работали по нам только перед наступлением. Полковые же трехдюймовки были хороши атаку подавить да пулеметы заткнуть, но окопы от них защищали надежно.

А у нас командир батальона был, капитан Зиновьев, очень грамотный офицер. Нас закопал в землю по самые уши, а чуть погода заставил подготовить запасные позиции и связать все это ходами сообщений. И запасные позиции, и ходы сообщений вели ночью, посменно. Думаешь, сладко нам было? Ненавидели его, садиста такого, думали, что специально нас мучает, перед начальством выслуживается – ведь у других такого не было!

Правда, позже узнали, что начальство личную инициативу как раз и не особо-то поддерживает.

Так вот, капитан, помимо того, чтобы закопать нас, организовал целую систему разведки. «Языков» брали регулярно, хотя занятие было рискованным: немцы усиливали ночную бдительность и шмаляли из пулеметов на каждый шорох. Тогда наши подбирались ближе к немецким позициям и брали или боевое охранение, или перехватывали разведку врага.

Помимо того, в окопах и на ничейной земле дежурили наблюдатели, которые отслеживали любые перемещения на той стороне. Немцы протянули проволоку с подвешенными консервными банками (как раз против наших «охотников»), так мы регулярно исследовали ее по периметру. Когда «гансы» делали в ней проходы, как правило, ожидалось наступление. Которое как раз и сопровождалось мощной артподготовкой.

Собственно, про то, что капитан Зиновьев организовал такую эффективную разведку, мы поняли чуть позже. Пока немцы не наступали, походы за «языками» или наблюдение в «секретах» подразумевалось как само собой разумеющееся.

Но вот настало утро, когда нас всех внезапно отвели на запасную позицию. Точнее, даже ночь, а вот с утра пушкари «гансов» «заговорили» из всех стволов. Ох, что было... Земля дыбом вставала, грохот стоял такой, что люди буквально глохли. Я честно думал: умру.

И только когда гаубицы замолчали, а немцы пошли в атаку, каждый из нас трижды попросил про себя прощения у капитана и поблагодарил его за спасенные жизни.

И воевал наш комбат грамотно. Атакующих подпустил поближе, а потом из всех батальонных пулеметов – раз! Да еще и позиции расчетов расположены так, что в бок врагу бьют. Немцы много народа потеряли, от «кинжального»-то огня! А пока «гансы» очухаться не успели, капитан лично нас в штыковую поднял. Немчура даже сообразить ничего не успела, разбили мы их в пух и прах! Я тогда своего первого «ганса» взял, на штык насадил... А вот другие батальоны полка попали под раздачу гаубиц по первому разряду. И если бы мы на своем участке немца не разбили, потеснили бы нас, как пить дать. Правда, чуть позже полк и так отступил, но не бегом, не бегом...

Вот как понять, что командир правильный? А очень просто. Он о своих людях заботится, и проявляется эта забота во всем. Пробу с пищи капитан лично брал первым, с интендантами ругался по-черному, дело до скандалов доходило. Когда отступали, разведчиков (а держал он их при себе) отрядил привести какую скотину. Все равно ведь немцам достанется, а мы на марше горячее мясо ели...

Одновременно он очень жестко наказывал тех солдат, которые лишки еды прятали, не сдавали в общий котел. И правильно делал, ведь на запах еды прибегали крысы, разносчицы всякой заразы. Внимательно следил за солдатами, чтобы чистыми были и чистоплотными, ибо чистота – залог здоровья. Если кто заболел, сразу личным приказом изолировал от остальных, чтобы зараза не распространялась. Внимательно следил за обмундированием, лично ездил получать, чтобы выдали хорошее. Одним словом, всеми правдами и неправдами делал так, чтобы его солдат был здоров, накормлен и снаряжен. Да еще и по оружию: старался получить на складах как можно больше боеприпаса, даже «мертвые души» у нас были – боеприпас выдавался с расчетом на количество людей. На котловое довольствие список подавал честный, а вот патронов и гранат старался получить поболее. И немецкие трофеи, особенно пулеметы и гранаты хотя бы, пытался попридержать у себя. Однажды захватили бомбомет, так у батальона целую неделю имелась собственная артиллерия!

Еще господин капитан внимательно следил за нашей боевой

подготовкой, особенно стрелковой. Как только начиналось позиционное сидение, так учимся стрелять. Лучших стрелков выберет, им выделяются лишки патронов, и начиналась «охота».

Мы, когда получалось, немцев доставали прямо с позиций, но такое бывало крайне редко – слишком большое расстояние. Подползали к их траншеям, выбивали наблюдателей, пулеметчиков, офицеров. В основном пулеметчиков. Придумали даже такую схему: к спусковому крючку одной винтовки прикрепляли веревочку, ствол закрепим. За веревку потянули, выстрел бах! В ответ начинает строчить пулемет. А по вспышкам вдвоем, втроем разом ударим – и прятаться. Бывало, что доставали немца, кайзеровские МГ без щитков были. Но и потери несли, конечно: немцы не дураки, ловили нас, и стрелки среди них были хорошие. Ничего, мы учились быстро: и место выбрать, и запасное место, и цель подождать, и отползти незаметно, и прождать целый день не шевелясь... Война – лучший учитель.

Правда, у «гансов» скоро появились винтовки с линзовыми прицелами, и они на нас целую охоту открыли. «Мосинок» с такими приспособлениями не было, так что с ничейной земли немчура нас потеснила. А затем и «охотиться» начала, и очень успешно. Но мы «гансов» от таких вещей отучили быстро, голь на выдумку хитра! Сделали пару чучел, аккуратно их так высовывали – немец бах! Чучело вниз, а позицию стрелка засекаем. Так определили их основные «лежки».

Немного времени спустя устроили засаду: три лучших стрелка на ничейной земле хорошо так спрятались и подловили немца на чучелках. По вспышке выстрела накрыли одного, а второго стрелка взяли наши охотники – в сумерках, когда тот попытался отползти. Одним из стрелков, к слову, был я, за что и получил Георгия четвертой степени.

– Нехило! А дальше?

– А дальше меня ранили. Лежал в госпитале, откуда был направлен в формирующуюся отдельную Черноморскую морскую дивизию.

– Это в ту самую, которую комплектовали только из георгиевских кавалеров?

– Так точно! Особая дивизия, которая создавалась для захвата древней греческой столицы – Царьграда.

Тогда мы зажили, конечно... Дивизия формировалась под контролем лично Верховного главнокомандующего, то есть самого императора. И это не пустые слова: как оружием, так и провиантом нас снабжали не хуже гвардейских частей. И готовили серьезно. У офицеров имелись подробные карты Царьграда и укреплений, защищающих город, так что мы примерно

знали, где и в каких условиях будем наступать. Учения всех ступеней, стрельбы, бомбометания, даже пробные десанты проводились постоянно, но ведь и какова миссия – добить османов, выиграть войну! Офицеры нам объясняли, что, захватив Царьград, мы перережем важнейшую железную дорогу, по которой из глубинной Турции шли поставки продовольствия в Германию. А ведь без провизии много не навоюешь.

Я думаю, так бы оно и было. Еще бы чуть-чуть, и провел бы Колчак успешный десант, и подняли бы мы Святой Крест над собором Святой Софии... Но, видимо, не было на то Божьей воли. Февральская революция тут же расслоила армию преступными приказами, недопустимыми в военное время. Солдат обсуждает и имеет право не выполнить приказ офицера. Это каково? Разброд в умах и сердцах людей до хорошего не довел...

– А в гражданскую?

– Я, можно сказать, в гражданскую не воевал. Здесь был, с ляхами с начала и до конца дрался. Мобилизовали большевики, но так поляков здесь никто особо-то и не любил, еще с давних времен, так что дрался я на совесть. И многие также, что паны оценили по достоинству. Не знаю, где как, но при мне панове упражнялись в точности стрельбы по пленным. Звери, и русских сильно не любят.

Но правду за правду, так сказать. Про меня ты теперь знаешь все. Я же про тебя практически ничего. Не обижайся, Никита, но не похож ты на энкавэдэшника. И крест нательный, и ведешь себя как-то... отлично, не нашему.

Запираться я не стал и вкратце осветил основные этапы моей судьбы. И про спасение мамы отцом, породившее их взаимное чувство, и ответное спасение папы матушкой. И про то, что отец воевал в Белой армии и остался прикрывать в Крыму нашу эвакуацию.

Про детство, проведенное в Марселе, становление меня боксером и бойцом шоссона, конфликт с бандитами и Раулем. Про встречу с дроздовцами, уничтожение банды и первое в моей жизни убийство.

Про Испанию, боевое крещение на Пингаррон, где погиб наш отряд, а я впервые встретил «красных» соотечественников. Про войну с басками, про их мужество и встречу с Дунишей. Про уничтоженную Гернику и мое бегство из Испании.

Как же давно это было... Затем был краткий рассказ о жизни во Франции и учебе в артиллерийской школе. Рассказал о недолгом, но насыщенном моем пребывании на фронте, после которого был плен, «предложение, от которого нельзя отказаться», и подготовку в учебном

батальоне «Бранденбург-800».

Поведал я и о событиях совсем недавних, в том числе о диверсионных операциях, в которых принял самое деятельное участие. О том, как в деревне я понял, что выбрал не тот путь, и как попытался все изменить. Про последний бой, в котором принес себя в жертву сознательно, чтобы искупить совершенное зло.

Виктор сидел просто ошарашенный всем услышанным. Заговорил не сразу:

– Вот это да. Не ожидал, не ожидал... Людей с такой историей, я думал, просто не бывает. Если только в книгах.

И что же ты теперь собираешься делать? К «красным» тебе нельзя. Может, вас и выучили вести себя так, чтобы не вызывать первое время подозрений, но стоит только присмотреться, как в тебе обнаруживается нечто инородное.

– Да я к «красным» и не собирался, не хуже тебя понимаю, что меня там ничего хорошего не ждет. Тем более моя семья сейчас должна быть совсем в другом месте, так что мне и резонов никаких нет к большевикам прорываться.

А вот здесь и сейчас я могу пригодиться.

– И что ты собираешься делать? Партизанский отряд какой искать будешь или сам его организуешь?

– Искать не буду, а вот организовать... Отряд не отряд, а группу, как и отделение в «Бранденбурге», человек десять-двенадцать собрать, думаю, возможно.

– И много вы навоюете вдесятером?

– А смотря что под войной понимать. Пытать счастья в полевых сражениях не получится, даже если у меня будет не десять человек, а тысяча. Немцы сразу найдут и авиацию, и танки, и артиллерию. Нет, тут дело в другом.

– В чем же?

– Хм. Вот скажи, что является залогом успешных действий немецких военачальников? Правильно, четко сработанный и до мелочей продуманный план. До мелочей, а ведь подвоз боеприпасов, техники, людского пополнения и провианта мелочью никак назвать нельзя. А что является главным транспортным средством на больших расстояниях? Поезда, воинские эшелоны.

Немецкие офицеры, руководящие железнодорожными перевозками, настоящие виртуозы, дирижеры. Они даже процент различных поломок и выходов из строя подвижного состава рассчитывают, учитывают все,

вплоть до возможности нанесения авиаударов противником.

Но только все-таки последние расчеты очень зыбки. Для того чтобы на несколько часов затормозить движение эшелона, достаточно просто разобрать перед ним путь на несколько десятков метров. Утрирую, конечно, но все же. И это несколько часов остановки немецкого наступления, своевременно не обеспеченного боеприпасом. Это несколько часов советским солдатам, за которые можно закрепиться на позиции, организовать эвакуацию, подготовить контрудар.

А если пустить эшелон под откос? Оно, кстати, и крушение на железнодорожных путях можно подготовить без взрывчатки. В эшелонах трофеи, там, глядишь, минами или снарядами разживемся. И пускай немцы принимают любые меры по охране пути – многокилометровые участки дорог надежно не перекроешь. Здесь малое число группы, наоборот, преимущество.

Если все получится, пойдет слух, кто-то возьмет с нас пример... А по Белоруссии тянутся те железнодорожные магистрали, что снабжают группу армий «Центр», нацеленную на Москву. И каждый удар по ним будет тормозить темп немецкого наступления.

– Толково. Вот что. На мою помощь можешь рассчитывать сколько угодно. Семья моя разбросана по стране, с началом войны про них ничего не знаю. Так что, по сути, я один.

Но есть еще один человек, который, как я думаю, поможет нам всенепременно и чья помощь тебе очень пригодится на первых порах.

Глава четырнадцатая. Правда Веры

Человеком, про которого говорит Виктор, оказался батюшка, приехавший служить в деревню из самой Франции. Но я уже кое-что знал о разладе в церковном мире, а потому прямо высказал свои опасения:

– Вить, а ты в нем уверен? Они же твоего митрополита Сергия не особенно признают, как я слышал. Кроме того, до меня доходили вести, что часть духовенства зарубежной Русской церкви поддерживает Гитлера. А вдруг ты ему что расскажешь, а завтра здесь будет взвод гренадеров?

– Вот не знаешь человека, а уже плохо о нем говоришь. Отец Николай из фронтовиков, что с германцем в ту войну бился. Надежный человек. Раньше служил в Чехословакии, после оккупации был арестован гестапо. Но Бог миловал, выпустили в прошлом году, как Гитлер стал готовиться на СССР напасть. Батюшка – человек, сильный духом, волевой, а немцев однозначно считает завоевателями.

– А что ж он сюда приехал, к немцам под бочок?

– Дурень ты! Он на Родину вернулся, чтобы быть с народом, людям православным оказать помощь в трудную минуту.

– Ну и чем он сможет нам помочь?

– Ну как чем? Ты ведь партизанить собрался, так? А людей надежных где возьмешь? У батюшки на исповеди люди открывают всю свою подноготную да заодно и про ближних говорят. Понятно дело, таинство исповеди есть таинство, но кто какой человек и как к немцам относится, вполне можно понять. Тем более наверняка найдутся такие, что будут хоть и священнику, а на других жаловаться. На тех, кто, к примеру, идейный коммунист и безбожник и немцев ненавидит. Про Господа с подобным человеком можно потолковать, а во всем остальном – тебе ведь и нужны люди, кто с нацистами драться хочет.

А с другой стороны, кто заподозрит православного священника в лояльности к «красным»? В подробности военных и политических операций его, понятно дело, посвящать не будут, но кое-что, кое-где, в общих чертах... Неосторожное слово, хвастовство, еще что-нибудь – а на деле вполне себе важная информация, так ведь? Наконец, на храм люди еду жертвуют, хлеб приносят освящать или на помин. Хлеб партизан откуда возьмет? И кто его вам печь будет без риска? А в церковь принесут без всяких проблем, и никто особо считать не будет, сколько его староста отнесет к себе на дальний кордон. Правильно я говорю?

– Правильно. Значит, священник будет нашим агентурным разведчиком, вербовщиком и снабженцем. Ты – связистом, кордон – перевалочным пунктом. Так?

– Выходит, что так.

– Добро. А где, говоришь, воевал отец Николай?

– О! Его боевой путь по-своему очень интересен. Отец Николай и по происхождению из духовенства, то есть поповский сын. Но в молодости делами Церкви интересовался не очень сильно, образование получил светское (окончил гимназию), на фронт бежал без отцовского благословения, о чем сильно жалеет. Отца никогда больше не видел... В войска попал вольноопределяющимся, служил в гарнизоне Осовецкой крепости.

– Ого! Вот это да!

– Что, нерусь французская, слышал про Осовец?

– Как же не слышал. Еще и учил, еще и проект по ее обороне делал!

...Оборона Осовецкой крепости – уникальный эпизод в истории мировой войны. И потому естественно, что наши преподаватели уделили ему особое внимание.

К 1914 году теоретики от генеральных штабов союзников, базируясь на опыте обороны Порт-Артура, считали современные крепости практически неуязвимыми узлами обороны. Отталкиваясь от этой аксиомы, они и разрабатывали планы ведения будущих боевых действий.

Но немцы всех перехитрили, создав к 1914 году огромные осадные орудия (мортиры) «Толстушка Берта», с чудовищным калибром в 420 мм. «Толстушки» на раз сокрушали мощные форты самых современных крепостей. Льеж пал 16 августа, Намюр 25 августа, Антверпен 9 октября (боевые действия начались 4 августа). Французская крепость Мобезж оборонялась 10 дней. И все они должны были остановить или как минимум задержать врага – но каждая стала лишь почетным трофеем в победном списке «Берты».

Но не Осовец. Уникальность обороны русской крепости заключалась в эффективном сочетании долговременных и полевых укреплений. Первая линия обороны была вынесена далеко вперед. Обычные пехотные траншеи, с блиндажами, дзотами, ходами сообщений – но их прикрывала крепостная артиллерия. Ее огонь раз за разом позволял защитникам крепости отбивать немецкие штурмы.

И наоборот, германцы не могли приблизить на расстояние эффективного огня своих «Толстушек» – мешала полевая артиллерия и пулеметы окопавшихся русских солдат.

В общей сложности Осовец продержался полгода (абсолютный рекорд мировой войны); гарнизон покинул крепость в строгом порядке, согласно приказу командования.

Но тем не менее стоит отметить, что главную роль в обороне крепости сыграл русский солдат. Именно его мужество и стойкость стали той «стеной, которую невозможно преодолеть» – так, кажется, говорили спартанцы. Особенно ярко сей факт доказал третий штурм. Тогда немцы использовали отравляющие газы, практически уничтожив защитников первого оборонительного рубежа.

Но когда германская пехота пошла в атаку, еще не умершие русские воины (с разлагающимися от хлора легкими) кинулись на наступающих немцев в контратаку. Их было совсем немного, но сработал эффект внезапности. Кроме того, сам вид выплевывающих свои легкие, полностью залитых кровью, но бегущих в контратаку русских был ошеломляющ. Все это стало полной неожиданностью для немцев, предполагающих занять «вымершие» позиции; германцы в ужасе бежали от умирающих, но не сдавшихся защитников крепости.

Позже эту контратаку окрестили «Атакой мертвецов»...

– Ну так вот, воевал тогда еще вольноопределяющийся Талабухин в гарнизоне крепости. В «поиске» добыл ценного «языка» и первое ранение, за что получил «Георгия», три месяца госпиталя и протекцию на поступление в школу прапорщиков. Стал офицером, продолжил воевать на Западном фронте, дослужился до штабс-капитана. Заслужил еще два креста, «Владимира» и «Станислава», наградное оружие – «Аннушку». А потом революция...

– В Гражданскую воевал?

– Да. У Юденича, что, кстати, положительно сказалось на отношении к отцу Николаю немцев: в Прибалтике германцы были единственными надежными союзниками белых формирований. Те отвечали взаимностью.

– И с такой биографией в священнослужители?

– А почему нет? Война и служение не мешают друг другу, наоборот: если человек на войне обретает веру, то это уже навсегда, без всяких сомнений и колебаний.

Подполковник Талабухин потерял всякую связь с семьей и был вынужден эмигрировать. На чужбине долго пытался найти себя, раздавленный свершившейся трагедией, постигшей его семью, народ и страну. Впрочем, тогда все были раздавлены. Немало офицеров с черной тоски кончили жизнь самоубийством. А наш батюшка пытался осознать, почему подобное случилось с нашей родиной. И сделал должный вывод.

– И какой же?

– А такой. Поражение белой армии, как и Гражданская война, как и падение самодержавия – все это было предрешено. И никакое мужество, самопожертвование, военный талант – ничто из этого не могло изменить предначертанного.

– Говоришь загадками, Виктор. Ну хорошо. Мне тоже на деле очень интересно, почему?

– Почему... Да потому, что люди веру утратили. Именно так. В храмы они ходили, службы для вида выстаивали, даже постились, даже думали, что верят.

Только ведь вера заключается не в том, чтобы соблюсти какие-то формальности.

...Началось это все еще более двухсот лет назад, в царствие императора Петра Первого. Тогда Россия круто преобразилась, и изменения эти были в первую очередь даже не внешние, а внутренние. Как говорят, каждая медаль имеет две стороны. Основали Петербург, по последнему слову реорганизовали армию, построили флот, страна получила доступ к торговле на Балтике. Русские выиграла две войны, подняли авторитет державы.

Но это лицевая, показушная сторона. А вот то, что протекало незаметно, – в Россию хлынули иноземцы, и их образ жизни с подачи государя стал образцом для подражания. Появились кабаки, пошла мода на курение, но это опять же только внешняя сторона.

Кто приезжал тогда в Россию? Голландцы, англичане, немцы – кто они в общем? Протестанты. Внутреннее мировоззрение которых очень отличается от нашего, православного. Но ведь на них равнялись верхи, начиная с императоров! За ними соответственно потянулось и остальное наше дворянство. И каков итог? На протяжении нескольких поколений полный отрыв от традиций, от собственной веры и народа.

К чему это привело? Люди перестали разговаривать на родном языке, чураясь его. Историю нашу переписали в угоду Западу – это я о Карамзине – что только укрепило просвещенную часть общества в осознании культурного лидерства Европы. Все стали считать, что саму государственность на Русь принесли европейцы – это я о Рюрике. Хотя последний был варягом, но ведь это же не национальная принадлежность, а образ жизни. Его можно сравнить с казачеством. Рюрик не был ни мурманом (норвежцем), ни даном (датчанином), ни свеем (шведом). Он был внуком Новгородского правителя, Гостомысла, и призван им на княжение как последний представитель мужской линии рода. Так-то.

Карамзину, кстати, Ломоносов за его переписку истории морду бил, да все тщетно.

Историю переписали в угоду западничеству, процветающему в России. И к собственному народу дворяне стали относиться так же, как к ним относились на Западе. Барин на деревне до XIX века был маленьким царем, имеющим право казнить и миловать, причем казнить буквально. Людей обирали до последней нитки, чтобы купить себе дорогую безделушку, людей продавали, людей проигрывали в карты! Кстати, и сами карты – богопротивная игра, придуманная иудеями как символ Христового распятия. Не знал? То-то. Я тоже в свое время не знал.

Каждая масть в игре обозначает одну из четырех составляющих казни: черви – губка, впитавшая Его кровь, бубни – гвозди, которыми Его прибивали к Кресту, пики – копье, которым Его пронзили. И крести – сам Христос. Еще есть второе их название, трефы – с иврита – падаль. Так иудеи называли Сына Божьего. Потому в карты играть ни в коем случае нельзя, этим мы еще раз распинаем Христа, как, впрочем, и любыми другими грехами.

Аристократы сами не замечали, как теряют веру, как западные моды убивают в них сущность православных христиан. За пустую мелочь, за неосторожную шутку или наглый взгляд мужчины убивали друг друга на дуэлях. Ну вот посмотрел на тебя другой мужик не так, косо взглянул на твою жену. На деревне или у казаков за это морду били, но ведь не убивали же!

А самоубийства? Суд офицерской чести, который приговаривал человека к самоубийству, – но ведь это же самый тяжкий грех! Пускай человек совершил подлость, за которую, возможно, заслужил смерть. Расстреляйте! Зачем лишать его последней надежды на будущую жизнь? И ведь не только же офицеры сводили счеты с жизнью. Сколько было представителей дворянской молодежи, совершавших сей тяжкий грех из-за несчастной любви или для того, чтобы обратить на себя внимание?! И все это европейская мода... Еще и так бывало: какой-нибудь отец семейства, не сумевший состояться в жизни, потерявший достаток, решает покончить жизнь самоубийством. Вот хотя бы для того, чтобы не видеть голодных глаз своих детей. Не спорю, когда страдают ближние, в том числе и по твоей вине, – это страшно. Но разве самоубийство в такой ситуации не являлось позорным бегством, разве такой мужчина не обрекал любимых на еще большие страдания и муки?

И что самое страшное, Церковь молчала. Точнее, та ее часть, которую представляет иерархия священнослужителей. Молчали батюшки, когда

людьми торговали, когда разлучали венчанных супругов, что само по себе является страшным грехом. А почему молчали? А потому что священники были подчинены не духовным пастырям, а государству, Синоду. Потому что батюшки стали хорошо и сытно жить, и в структуру священнослужителей стали стремиться те, кто ищет себе теплого места. Все это стало причиной вырождения части духовенства.

Аристократия нищала, зато вес набирало купечество, промышленники. Это особая категория людей, всей своей натурой стремящихся к выгоде. Не буду спорить, среди них были и достойные, отзывчивые люди. Но даже и они, подчиняя себя, свои желания и стремления к личному обогащению, служили не Богу, а мамоне. А ведь рабочий класс сложился именно под их началом и то, что люди в большинстве своем трудились в тяжелейших условиях, влияло на их растущее недовольство. Оно обострялось тем паче что сами купцы в своих кутежах и гуляниях старались перещеголять друг друга, бросая в одночасье на ветер такие суммы, которые простые работники не могли накопить и за всю жизнь.

И ведь могли же по-другому! Нет, кто-то делал для своих работников какие-то послабления, оказывал им бесплатную медицинскую помощь, открывал при фабриках детские ясли и т. д. Но это были частные случаи меценатства, а не стабильная практика. В основном же рабочий класс жил хуже прочих, в том числе и крестьян.

Соответственно, видя беззакония и претерпевая несправедливости со стороны власть имущих, что давно уже потеряли истинную веру, обычные люди также начинали сомневаться и колебаться.

Вот и сложилась к царствованию Николая Второго такая ситуация, когда при общей видимости церковной жизни фактически за веру держались единицы. Что сама церковная жизнь свелась к соблюдению формальных обрядовых традиций, но при этом люди утратили саму суть веры, без числа нарушая заповеди. Возгордились без меры, забыли о человечности и помощи нуждающимся, жили только собственной выгодой, блудили... И в иерархии священнослужителей стало слишком много людей, чьи уста пускай и вещали правильные вещи, но поступки доказывали обратное.

Господь послал людям очистительные скорби, благодаря которым народ мог получить прощение. Вот она, основная причина тех ужасных войн, что сотрясают нашу землю. И ты скажешь, что это несправедливо, неправильно, что нельзя наказывать одного за грехи всех, и наоборот. Но на деле каждый получает воздаяния именно за свои деяния той мерой, которую заслужил. И разве несчастия и преждевременная смерть в земной

жизни не стоят вечного пребывания в Царстве Божьем?

Все это тогда ясно понял еще подполковник Талабухин, все это прочувствовал сердцем, которое с детства растили в любви к Господу. А поняв, продолжил войну, только не с «красными», а с первопричиной всех наших скорбей – с грехом. Он выбрал служение Церкви.

– А теперь, получается, очередные искупительные скорби?

– Конечно. После Гражданской практически все отказались от веры. И тут уже не важно, делали это люди сознательно, огрубевшими сердцами отрекаясь от Бога и гоня его от себя, или же просто побоялись за него пострадать. Пусть неодинаково, но преступно и то, и другое. И тогда Господь послал нашему народу еще новое испытание – немцев. Точнее, попустил их нападение на нашу землю. Потому «внезапная» война, начавшаяся без объявления двадцать второго июня, была предрешена.

И сейчас решается, быть России или не быть. Если народ наш в сей страшный час обратится к вере, не убоится зла, вспомнит о Боге – он выстоит. Но если нет – Россия погибнет. Потому-то отец Николай здесь: Церковь должна разделить судьбу народа.

– Сильно сказано... То есть, если люди сейчас обратятся к Богу, они выстоят, так ведь?

– Конечно, о чем тебе и толкую.

– А если в дальнейшем снова станут грешить, то Господь пошлет очередные скорби?

– Люди никогда не перестанут грешить. Но ведь и грехи бывают разными. А в храмах искренне кающиеся получают отпущение своих грехов, причастиею покаяния их. В храмах люди задумываются о своей грешной жизни, задумываются о спасении и борьбе за него. И когда пастыри словом и примером призывают людей жить праведно, а сами люди внемлют им и искореняют свои грехи, то тогда верующие спасаются любовью и благими деяниями. Но когда пастыри перестают верить в то, о чем проповедуют, когда люди приходят в Церковь лицемерить, то как же они смогут обрести спасение без скорбей? Как еще они задумаются о том, что грешны, и когда же еще они обратятся к Господу с искренней молитвой, идущей от сердца – которая есть ключ ко спасению?

И уж тем более, если храмы закроют, а от Бога откажутся – тогда уж нет совсем никакого шанса на спасение, кроме скорбей и болезней. И разница здесь будет заключаться лишь в их величине.

– Мрачновато.

– А ты думал.

– Скажи, Виктор, а как ты пришел к Богу?

– Это был долгий путь. Начало было положено еще в раннем детстве. Ведь детская вера самая крепкая и искренняя, она не задает вопросы – не зря же Иисус обещал спасение тем, кто будет верить в него, как ребенок. В храм меня тогда приводил отец.

Как же там было красиво... Великолепие образов и роскошные убранства летнего предела поражали воображение. Казалось, что я уже в раю – ведь не зря же храмы еще называют Божьим домом. Ощущение чего-то легкого, возвышенного, торжественного всегда посещало меня в минуты пребывания в нем.

Но особенно красиво было в погожие дни, в утренние и вечерние часы. Тогда солнечные лучи проходили сквозь огромные окна под куполом, словно пронзая воздух, и лик Спасителя, нарисованный на нем, будто парил в воздухе.

Но детская вера есть детская вера, а когда человек вырастает, он начинает задавать вопросы. И первый, но главный вопрос: а почему мир так несправедлив? Почему одни безмерно богатеют и жиреют, зачастую несправедливо, а другие всю жизнь, не разгибаясь, трудятся и всю жизнь голодны? Почему те, кто воруют, живут долго и припеваючи, а у других дети умирают младенцами? Почему страдают невинные, почему случаются войны, гибнут люди?

– И ты нашел ответы?

– Да, нашел. Не сразу, конечно, но нашел. Однако этому поспособствовала моя служба в армии и война.

– Обрел на войне веру? Случилось чудо, наподобие моего спасения?

– Можно и так сказать. Случился хороший человек на моем пути. А точнее, войсковой капеллан, отец Илия. Он до духовной семинарии служил срочную и все тяготы военной службы знал не понаслышке. С новобранцами работал с полной самоотдачей с самого начала формирования части. И службы он вел как-то особенно: вдохновенно, самозабвенно, так, что все вопросы вылетали из головы, оставалось одно только упоение от литургии. Ты не думай, что в тыловых частях был рай земной. На фронте в чем-то бывало легче. К примеру, офицеры или унтера фронтовики редко позволяли себе поднять руку на простого солдата. Все-таки в бой вместе шли. А вот в тыловых частях мордобой процветал: что унтера, что командиры на фронт не рвались, предпочитая «отличаться» в подготовке солдат. И главным в процессе обучения было не получение боевых навыков, а муштра. Солдат должен был браво выглядеть, красиво маршировать, громко петь строевую песнь. Если что-то не так, сбил там ногу или не начистил сапоги, или, не дай бог, не подал команду дежурному

офицеру – профилактика была одна: подставляй мордасы! В столовых нас обвешивали по-черному... А отец Илья был нацелен на истребление таких вещей, и нацелен жестко. Когда прознал про самоуправство одного из офицеров, лично высказал ему в глаза все прямо перед солдатами, а затем подал на имя командования рапорт. Последнего в недельный срок отправили на фронт, а остальные стали вести себя с солдатами осторожнее. Мордобоя стало меньше.

Еще отец Илья организовывал нам на большие праздники походы в город, где служба проходила в кафедральном соборе. С помощью прихожан устраивал солдатам угощения, сладкие столы – а солдату в армии сладкого хочется больше прочего. Наш капеллан всегда был дружелюбен и открыт бойцам, отзывчив. Всегда старался помочь, хоть бы и правильным советом, который, как правило, приходился к месту, а когда мог, помогал и делом.

И воскресенье, когда мы шли на литургию, был самым любимым моим днем. Когда я видел сквозь стекла в храме зажженные свечи, внутри все замирало от восхищения и предвкушения того, что сейчас уже я окажусь в этом сказочном месте.

Вот таким был наш капеллан, который с самого начала службы был рядом. Ему-то я и задал все вопросы, мучившие меня. И получил правдивый ответ.

– Ну, так расскажи об этом. Признаться, ответы на такие вопросы и мне хотелось бы получить.

– Все на самом деле очень просто. Каждый человек заключает в себе образ Божий и каждому дается шанс на спасение. И все мы грешим. Кто-то ворует, убивает и насилует. А кто-то гордится, жадничает, ругается с ближними, осуждает, ленится, желает близости с разными женщинами и добивается этого, блудит. Кто-то обманывает, пускай и в мелочах, объедается и опивается без меры, когда имеет такую возможность, ненавидит, гневается. Кто-то нарушает пост едой или супружеской близостью, не кается в своих грехах, осуждает ближних. Каждый, понимаешь, каждый грешен. Вспомни про смертные грехи: там ведь не только убийство или воровство. Там многое из того, что совершается человеком, пусть и мысленно, каждый день. И если Господь будет карать за это сразу, то кто останется на земле? Младенцы? Еще раз говорю, каждому дается шанс на спасение, и далеко не один, даже если человек совсем заблудший.

Но одновременно с этим есть Божья справедливость, и если человек не кается в своих грехах до последнего, то несчастья, постигающие его и его род, поистине ужасны. Вот пример: сельский врач, желавший брака с

красивой девушкой, что предпочла другого мужчину, «залечил» их ребенка. Тот сильно простудился, а лечение получил от другой болезни, причем совершенно это было сознательно. Младенец умер.

И что в итоге? Эта женщина так и не ушла от мужа. Врач же в итоге встретил другую, женился на ней. Но вот прошло время, и уже выросли его дети. А потом вдруг его дочь взяли силой и убили какие-то залетные лихие люди. Сына тоже убили, в городе, где он учился. Не хотел налетчикам золотой брегет отдавать, отцовский подарок. Жена повесилась... А он остался в живых. Только его ад начался уже на земле.

Другой пример. Купец, погрязший в жадности, воруящий и обманывающий людей. Он сколотил свое богатство буквально на человеческих слезах. И что же? Его дочь, от которой он всю жизнь отдаривался, пристрастилась к морфию. А когда он попытался надавить на нее, выбросилась из окна.

Пример не такой жестокий? Приходит к прозорливому батюшке за советом прихожанин. У него пьет сын. Вот пьет, и всё, никак не могут его от этой страсти пагубной отлучить. Внимательно так посмотрел батюшка на прихожанина, а потом вдруг как закричит: «Да как же ты посмел зачинать ребенка, когда в колокола звонили Пасху?»

А уж если говорить про убийц, грабителей и прочих – так ведь редко кто из них доживает до средних лет, не то что до старости. Или вот свежий пример из жизни: на православных началась настоящая охота после Гражданской. А вот где теперь следователи, что нас вылавливали и судили? Свои же ведь их и уничтожили, в тридцать седьмом начав... Но, конечно, пути Господни неисповедимы. К примеру, будут болеть дети бывшего блудника, не покаявшегося в грехе похоти. Но могут заболеть, чтобы привести родителей в храм, не совершавших подобного греха, но и не пытающихся спастись в Церкви. Это может казаться странным, но ведь дитя поправится, как только родители осознают, в чем согрешили, и покаются... Нельзя недооценивать силу искреннего покаяния. Разве не разбойник первым обрел Царство Небесное, всем сердцем раскаявшись уже на кресте? Может, я что-то говорю неправильно, я не священник, но говорю то, что понял и как понял.

Вот что я точно знаю. Приходя в Храм в поисках спасения, нужно не других осуждать или роптать на Бога за несправедливость, в дерзновение забыв, кто дал нам жизнь. Нужно свою жизнь и свои грехи перед глазами держать и каяться в них, искренне каяться и стараться впредь не допускать. Ведь результат искреннего покаяния как раз и заключается в том, чтобы искоренить свои грехи. И когда человек ясно осознает пропасть своего

падения, то он уже не думает о чужих ошибках и недостатках. Искренне верующий пытается сам спастись – любовью и благими деяниями, молитвою и постом. А также он пытается спасти своих близких, только делать это необходимо в первую очередь не увещеваниями и нравоучениями, а примером своей жизни.

Я слушал Виктора и думал о том, насколько правдиво и честно то, что он говорит. Неисповедимы пути Господни, приведшие меня в этот дом, но как же они верны...

– А что же было дальше, когда отправились на фронт?

– Отец Илия всегда был рядом, не боялся передовой. Однажды даже поднял батальон в атаку под сильнейшим огнем противника – просто с молитвой пошел вперед. И ведь не тронула его пуля! Хотя делать этого по идее никак не мог и от духовного руководства получил крепкий нагоняй.

Солдат он учил псалму «Живый в помощи...» и «Да Воскреснет Бог...». Я начинал им каждое утро и кончал им каждый вечер. И знаешь, всем нам казалось, что какая-то незримая сила действительно нас хранит. По крайней мере, потери в нашей части были гораздо меньшими, чем у соседей.

А вообще, хотя сам отец Илия говорил нам о том, что батюшка в первую очередь – это указатель пути, и даже если он грязный, ржавый и покосившийся, главное, чтобы он указывал верную дорогу, все равно очень важно, чтобы священник сам показывал достойный пример. Отец Илия являлся как раз таким, правильным батюшкой, но, к сожалению, далеко не все священники были подобны ему.

В то время у нас еще оставались кое-какие недопонимания насчет православия и войны. Вот что нам тогда ответил капеллан. Может, не дословно, но где-то так:

«Многие видят противоречия в том, что в войсках есть капелланы, и обличают Православную Церковь, благословляющую свою армию на войну. Не верьте и не слушайте этих людей. Пускай они приводят пример слов Иисуса Христа: «Кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую». В общем смысле это призыв к миролюбию и неразжиганию ненависти и мести. Однако Господь сам изгонял торговцев из храма. И никогда православным христианам не запрещалось защищать себя, своих родных, честь и жизнь, свою землю. Разве не благословлял святой Сергей Радонежский Дмитрия Донского и русское воинство на сечу с татарами? Разве не отправил на брань святых преподобных Пересвета и Ослябю? Разве инок Пересвет не сразил могучего противника, восточного колдуна, тем самым предвестив русскую победу на Куликовом поле? Разве Патриарх

Гермоген не призывал народ в Смутное время подняться против захватчиков? Он не признал власти самозванца, за что был замучен голодом! И разве не монахи Свято-Троицкой Сергиевской лавры рассылали его воззвания и первыми подали пример воинской доблести – отразив штурм многократно превосходящих сил врага? Разве не монахи тогда подбирали раненых по дорогам, разве не они давали приют обездоленным и пищу голодным?

Разве не воспеты в народе подвиги святого преподобного отца нашего Илии Муромского? Разве кто-то из вас не слышал про Александра Невского, святого благоверного князя, защищавшего нашу землю и Церковь от немецких псов-рыцарей? Разве адмирал Федор Ушаков, святой праведный воин, не побеждал басурман на поле брани, разве не учил он своих матросов 90-му Псалму, оберегая их жизни? Разве не удостоились благословления Богородицы казаки, защищавшие от турок Азов, в праздник Покрова Божией Матери не увидели они спины тысяч бегущих басурман? И разве не явилась Божия Мать нашим солдатам под Августовым в прошлом году? Погиб тогда хоть кто-то из свидетелей этого чуда?

Вы не просто русские воины, вы православные воины! Наша армия, все ее существование или защищает родную землю, или освобождает братские народы, или выполняет обязательства перед союзниками. Но никогда со времен удельных князей русское воинство первым не нападало. Помните это! Помните, что вы – наследники боевой славы воинов, мерзших на Шипке, освобождая болгар от турок, или на перевале Сен-Готард, тесня французов из Италии. Вы потомки тех, кто дрался на Бородинском поле и защищал Севастополь, а ваши старшие братья дрались с японцами, защищая Порт-Артур! Полтава и Измаил, деревня Молоди и Плевна помнят доблесть и мужество русского солдата, так будьте достойны славы своих предков!

И не верьте тем, кто говорит, что мы сейчас воюем несправедно! Как и при генерале Скобелеве, мы помогаем нашим балканским братьям сербам защитить родину, и только нашей помощью они еще держатся. Мы сами защищаем свою землю от немцев, потому что они – враг, который жаждет захватить Россию!

И я буду благословлять вас на ратное дело, потому что это правое дело! И помните, православные воины: смерть солдату на поле брани не должна быть страшна! Потому что, погибая за Отечество, воин принимает смерть за други своя. А это одна из высших доблестей Православного Христианина!»

Под конец речи Виктора меня трясло от еле сдерживаемых рыданий. Как же точно и глубоко сказано! Как же искренна эта Правда Веры, открытая когда-то войсковым капелланом своим солдатам!

– Ну что ты, парень, хватит... Сильно зацепило?

– Хех... хм... Еще как. Тронуло до самой глубины... Вот что. Когда сможем встретиться с отцом Николаем?

– Завтра, думаю, сможем. Но я ему про тебя ничего не рассказывал. Будешь освящать свой послушной список?

– Придется. Хочу исповедаться.

– Правильно. Исповедь – это правильно. Ну, тогда на том и порешим.

.....
К восстановленной церкви мы подбираемся уже глубокой ночью. В окнах бывшего клуба еле тлеет одинокая свеча, однако Виктор убежден, что батюшка нас дожидается.

Так и оказалось.

Отец Николай – мужчина чуть старше средних лет, невысокий, худощавый. Взгляд васильковых глаз строгий, лицо украшает недлинная, но широкая русая борода. В целом по его виду не очень-то скажешь, что стоящий передо мной мужчина ветеран двух войн. Но такое впечатление обманчиво.

– Виктор сказал, что вы хотели исповедаться, но не желаете, чтобы посторонние вас видели?

– Так точно.

– Ну, хорошо. Проходите.

...То, что я рассказывал на прошлой исповеди, еще тогда, в Париже, сегодня не упоминалось. Но грехов и так хватало, причем самых тяжких.

После исповеди я уже в полной мере поведал батюшке свою историю.

– Да, у вас захватывающая биография. Похвально, что вы в конечном итоге сделали правильный выбор, сделали его сердцем. Но сюда вы пришли только ради исповеди?

– Нет, батюшка. Сюда я пришел за помощью.

– Помощью в чем? Я пастырь, мое дело – спасение людских душ, борьба с грехом. Жители этой деревни – моя паства, а ваши действия, вполне возможно, поставят их жизни под угрозу.

– Виктор говорил...

– Виктор разговаривал со мной о войне, о моем отношении к немцам. От своих слов я не отказываюсь, но я никому не говорил, что приму участие в вашей борьбе.

Тут подал голос мой спаситель:

– Батюшка, но ведь вы можете помочь. Мы с вами можем помочь.

– Я еще раз спрашиваю, о какой помощи вы меня просите? Взять в руки оружие? Не имею права. Начать «агитировать» прихожан на проповеди? Так я бесполезно «исчезну» на следующий день, да еще и люди пострадают.

– То есть вы смирились с тем, что немцы завоевывают Россию?

– Немцы завоевывают Советский Союз. И нет, такого я не говорил. Но тот период моей жизни, когда я был солдатом, остался в прошлом.

– Простите, батюшка, что побеспокоили.

Я развернулся к выходу, довольно сильно разочарованный в священнике.

– Стойте!

Властный и сильный голос отца Николая остановил мое движение:

– Ты пришел исповедаться и исповедался, ты пришел за помощью и бежишь, хотя я не дал ответа. Ты же так и не смог мне сказать, что ждешь от меня, я же лишь обозначил, чего я не смогу делать. Но теперь скажи мне ты, что ты хочешь делать?

– Сражаться.

– С кем?

– С врагом моего Отечества.

– Иди под благословление.

С чувством меня перекрестив, отец Николай произнес:

– Сражайся с врагом, Никита Мещеряков, православный воин, защищай свою землю и народ. А я помогу тебе всем, чем смогу.

Эпилог

«Блицкриг» образца лета 41-го года был страшен и неумолим, словно паровой каток. Сама тактика молниеносной войны, отточенная до совершенства в Польше, Франции и Югославии, была самым совершенным оружием Рейха.

Немцы не обладали численным превосходством в бронетехнике – но создавали его на участках прорывов танковых групп. Они пронзали советскую оборону, словно клинки шпаг, и неудержимо бросались вперед, запирая в «котлах» целые армии.

Знаменитые Люфтваффе также уступали по численности машин ВВС РККА. Но если немецкие танкеры превосходили советские танки только по тактическим показателям (оптике и радиофикации, что давало им некоторое преимущество во взаимодействии на поле боя) и вчистую проигрывали им по основным (бронированию, скорости, орудийной мощи), то в небе ситуация была обратной. По крайней мере, если речь идет об истребителях. Ведь самые массовые истребители РККА в 1941 году И-16 («ишачок») и И-153 («чайка») уступали по всем показателям Bf.109-E («Эмиль»), не говоря уже о новой модификации Bf.109-F («Фридрих»). Не вдаваясь в технические подробности, стоит отметить, что самолеты, равные модифицированным «мессершмитам» в бою, появились только в конце 1942 года.

Естественно, итог воздушной схватки зависит далеко не только от технических характеристик техники; решающими факторами становятся боевой опыт пилота и его летное мастерство. Но здесь асы Люфтваффе, победно воевавшие в небе Европы на протяжении 2 лет (не учитывая войну в Испании), превосходили «Сталинских соколов» практически в абсолютном большинстве. Единственное, чем располагали советские пилоты, было их личное мужество.

Поэтому почти при двукратном численном превосходстве ВВС РККА в начале войны советскую авиацию разбили наголову. В первый же день было потеряно около двух тысяч самолетов, причем в большинстве своем прямо на аэродромах. И что интересно, немцы в последующие дни продолжили наносить успешные воздушные удары по местам базирования советской авиации. Во многом чудовищные потери ВВС были обусловлены слабым зенитным прикрытием аэродромов.

И вот результат: немецкие танковые клинья рвались вперед, на ходу

прошибая жиденькую оборону, которую пытались возвести на их пути советские военачальники. Наиболее грамотные командиры отмечали, что темп наступления нацистов зависит от скорости движения танковых и моторизованных колонн, и концентрировали оборону именно на шоссе. Иногда немцев действительно получалось остановить. Но гибкий во взаимодействии вермахт реагировал молниеносно: вместо получивших по зубам танкистов советскую оборону обрабатывали массированными воздушными ударами пикирующие бомбардировщики. Ответить было нечем... Перепаханные авиабомбами позиции, зачастую уже лишенные артиллерии, штурмовали еще раз, еще большим числом танков. Если красные бойцы и командиры благодаря сверхъестественному мужеству и самопожертвованию умудрялись отбиться еще раз, их снова бомбили... Эта чудовищная карусель продолжалась до тех пор, пока оборона полностью не подавлялась.

Но такое сопротивление случалось редко. Мужество и героизм были массовыми, а вот умение грамотно командовать и своевременно реагировать на немецкие удары встречалось значительно реже. Обычно советские командиры высоких рангов предпочитали воевать по устаревшим уставам, растягивая оборону в тонкую нить, равномерно распределяя силы по всей линии фронта. Результат не заставлял себя долго ждать. Немецкие танковые клинья, легко прорывая оборону, рвались вперед «до последней капли бензина», молниеносно занимая крупные железнодорожные узлы и важные развязки шоссе дорог. И оказавшиеся в окружении огромные массы советских войск сразу оставались без подвоза боеприпасов, топлива и продовольствия, теряли связь с командованием. Начинались неконтролируемые и неорганизованные отступления. И зачастую прямо на маршах советские танкисты и артиллеристы вынуждены были бросать сотни единиц исправной бронетехники и орудий, просто потому что кончалось топливо или нечем было стрелять... Стрелковые же части, не сумевшие отступить, оказывались в смыкающихся «котлах» без боеприпасов, танков, пушек. Им нечем было отвечать наседающей немецкой пехоте, которой в приграничном сражении было-то как раз в 1,5 раза больше.

Вот они, символы «Блицкрига»: Люфтваффе и Панцерваффе! Но был и третий компонент столь совершенного военного симбиоза.

...«Бранденбург-800» не стал первым в истории диверсионным подразделением: у британцев в тот же период имелись «коммандос», у большевиков – ОСНАЗ. Да и сама идея спецсил уходит корнями в глубокую древность: исмаилитские ассасины, японские ниндзя, русские казаки-

пластуны... Этот список можно продолжать очень долго.

Но в то же время «Бранденбург-800» был по-своему уникальным подразделением. Находясь в июне 41-го в оперативном подчинении армейского командования, немецкие спецназовцы максимально эффективно использовались на наиболее ключевых участках наступления.

Пример тому – захват мостов через Двину (что обеспечило стремительное продвижение группы армий «Север»), где «бранденбуржцам» противостояли пограничники (бойцы действительно серьезно подготовленные). Или захват мостов через Березину. Причем в последнем случае диверсанты не только захватили стратегически важные объекты, но и в течение суток удерживали их. Про уровень подготовки «бранденбуржцев» говорит тот факт, что малым числом (29 человек) они сумели отбить атаки превосходящих сил советской пехоты и танков. И пускай бронетехника наверняка была представлена не тяжелыми КВ или мощными Т-34, но ведь даже массовые Т-26 и БТ были для пехоты смертельно опасны!

Бойцы батальона (а затем и полка) были заточены не под разведку под видом местных, не на разовую диверсионную акцию, а на масштабную дезорганизацию советского тыла. Наиболее яркий известный пример – взятие Майкопа в 1942 году. Тогда диверсионная группа, проникшая в город в форме бойцов и командиров госбезопасности, заняла узел связи, а затем начала сеять по городу панические слухи о немецком прорыве и окружении. Масса отступающих войск, находящаяся в Майкопе, легко поддавалась панике, а возможность связи с руководством была заранее исключена немецким спецназом.

Основные же силы германцев подошли к городу только на следующие сутки и не встретили организованного сопротивления.

Но это только наиболее известные операции. На деле же «бранденбуржцы» двигались впереди порядков наступающих войск и полноценно использовали все имеющиеся в своем распоряжении возможности. Они начали войну еще 21 июня, организованно лишив советские войска связи. А затем... Навести авиацию на колонну советской бронетехники или демаскировать позиции артиллеристов, организовать налет на штаб подразделения или перехватить связистов – все это совершалось попутно. Они сеяли панику и выявляли наиболее слабые участки обороны советских войск, по которым тут же следовал мощный удар. Они наносили жесткие точечные удары, лишая войска командования, а командование – связи с частями.

А еще они устраивали показательные расстрелы мирных жителей,

разжигая в обычных людях ненависть к отступающей советской армии...

Но не стоит забывать, что «Бранденбург-800» был не единственным немецким спецназом. В структуре Абвера были и другие разведывательные группы, а кроме того, специальные подразделения имелись и в составе войск СС. Третий рейх активно использовал коллаборационистов, русскоговорящих среди которых после Гражданской было хоть отбавляй. Но отдельно стоит упомянуть батальоны «Роланд» и «Нахтигаль», что очень важно к пониманию современной ситуации на Украине.

Дело в том, что часть территорий еще Киевской Руси, в свое время вошедших в состав Великого княжества Литовского, а затем и Речи Посполитой, после раздела Польши в XVIII веке «ушла» под Австрийскую империю. Это как раз территория Западной Украины, где русских почему-то особенно сильно ненавидят.

Но вот почему?

Во время Крымской войны бывший союзник по Наполеоновским войнам, Австрия, спасенная от разрушительной революции русской армией, нанесла России удар в спину. Австрийцы не объявляли войну, но устроили на пограничной территории показательную военную демонстрацию, привязав часть русской армии к границам. Ту часть, которая была так нужна в Крыму... С тех пор Российская и Австрийская (а в будущем Австро-Венгерская) империи последовательно выступали противниками друг друга.

На карпатской территории Австрии проживали славяне, которых также еще называют русинами. По отношению к русским они были настроены в целом дружелюбно. Но еще во времена гонений на православных в Польше и Польско-Московских войн среди местного населения выделилась прослойка, принявшая церковную унию, что подчиняла Православную церковь католической. Вылилось это в жестокие притеснения исконно православного населения, за которое в свою очередь заступалась Московская держава. Весь семнадцатый век здесь реками лилась кровь: то во время казачьих восстаний, то во время их подавления, во время турецких походов и татарских набегов и, конечно, во время войн с Москвой. В итоге левобережная Украина вместе с Киевом отошли к России в XVII веке, затем туда же «ушла» бо́льшая часть правобережной в XVIII веке. Да только и «союзнички» австрийцы подсустились, оттяпав свой кусок пирога... На русской территории униатов или обращали обратно в православие, или изгоняли, а на австрийской земле они находили надежное пристанище.

И в XIX веке, в период создания противоборствующих военных блоков

в Европе, многонациональная Австро-Венгерская империя делала ставку на те слои населения, что активно выступали против ее политических врагов. В Хорватии поддерживалось национальное течение, ориентированное против сербов и в будущем выродившееся в усташей. Про их зверства во Вторую мировую стоит написать отдельную книгу, достаточно сказать, что в концлагерях они устраивали соревнования на число зарезанных за раз сербов. Победитель чемпионата за сутки зарезал более тысячи человек... А в карпатской Украине ставка была сделана на национальные течения, что имели униатские корни и ненавидели русских. Вспомните Степана Бандеру, самого одиозного лидера националистов Западной Украины. Кто он по происхождению? Сын священника униатской церкви.

При этом стоит отметить, что среди русин были очень сильны великоросские устремления, которые, естественно, поддерживала Россия. Австрийцы пытались прижать русофильские организации, устраивали политические процессы над их лидерами, но фактически ничего этим не добились.

Однако во время войны военное положение и тот факт, что большая часть русинского населения встретила русскую армию как освободителей, дал австрийским властям повод «подавить сепаратистские течения». Тысячи русинов погибли в концентрационных лагерях Талергоф и Терезин, а общее число жертв (среди которых имеются и дети, и старики, и женщины) оценивается в 60 тысяч человек.

Зато тех, кто отличался ненавистью к России и русским, австрийцы поддерживали, как могли, создавая в Галиции политический противовес «великороссам». Это и были первые «украинцы» по самоназванию (до того даже делегации от местного населения именовались русскими). На территории исторической Украины в тот период времени преобладало иное самоназвание местного населения (воспринимавшего себя отдельной частью русского народа) – малороссы, да и сама земля носила имя Малороссии (вспомним Гоголя).

В общем смысле идеология «украинцев» заключалась в выделении нации из состава русского народа и ориентации ее на Запад. То есть всё, как и сегодня. Только стоит отметить, что русским в многонациональной царской России именовался человек любой национальности, принявший православие. Соответственно ориентирование на Запад первых «украинцев» заключалась в тяготении к католической церкви и существовании в составе европейской державы. Любопытно, что в 1945 году бойцы дивизии СС «Галичина» не были выданы англичанами советской стороне из-за давления папы римского, именовавшего

украинских эсэсовцев «добрыми католиками» (в дивизии служили капелланы из числа униатов).

Австрийцам было очень выгодно существование подобных политических и национальных течений, ведь назревала большая война. В случае удачного ее исхода украинофильские идеи становились дополнительными рычагами, способствовавшими в присоединении богатой хлебом Малороссии к империи Габсбургов. А потому их не просто поддерживали, их *создавали* при активной поддержке униатской церкви. Даже украинская «мова», по некоторым данным, разрабатывалась искусственно (по крайней мере, определенные ее особенности).

И еще немного про поддержку униатской церкви. После развала СССР грекокатолики подняли голову на Украине, добились (причем нередко насильственным путем) «возвращения» им православных приходов. Сейчас, в период боевых действий в Новороссии, униаты активно поддерживают украинских силовиков и националистические формирования, собирая для них денежные средства и закупая в том числе грузы военного назначения (каска, бронежилеты). Не так давно на просторах интернета и в новостях можно было увидеть «православного» священника с Украины, призывающего уничтожать русских. Знакомьтесь, это униат.

Во время Первой мировой войны из числа представителей скаутских организаций галицких украинофилов австрийцами создавались военные формирования, получившие статус ландвера (ополчения). Этим было положено создание частей «сечевых стрельцов». Они приняли бесславное и невнятное участие в боевых действиях с русской императорской армией, ничем особенным себя не проявив.

Но уже после Первой мировой войны, когда часть территорий Западной Украины отошли Польше и Чехословакии, часть «стрельцов» приняли активное участие в развитии скаутских движений и националистических формирований. К слову, поляки украинцев довольно крепко прижимали, и действия боевых групп националистов носили характер «актов возмездия». А «сечевые стрельцы» в Чехословакии, во время оккупации страны, после «Мюнхенского сговора», оказали вооруженное сопротивление венграм.

Перед началом Великой Отечественной войны руководство Третьего рейха посчитало целесообразным использование националистических течений западных украинцев. Естественно, оуновцы пошли на контакт, обманутые лживыми посулами о будущей независимости Украины. Впрочем, совершенно безмозглыми они не были, просто из двух зол

выбрали наименьшее. Тем более союз с немцами соответствовал изначальным идеологическим установкам украинофилов.

Со стороны украинских националистов последовало предложение о создании в составе вермахта своих боевых частей. Однако в планы гитлеровцев не входило создание украинской армии, потому из добровольцев, уже имеющих боевой опыт, было создано всего два батальона. Их цель – совершение диверсионной деятельности в Западной УССР и дезорганизация тыла.

Часть личного состава прошла подготовку по минному делу и организации диверсий на транспорте и линиях связи в лагере «Бранденбург-800». Это были не полноценные спецназовцы, а «рабочий материал», получивший минимальные навыки. Тем не менее диверсионные группы батальонов перебросили через линию фронта 21 июня, как и прочих «бранденбуржцев».

Остальной личный состав проходил подготовку на территории оккупированной Польши. В одном из отрядов был создан хор «Соловейко», который пользовался большой популярностью у командиров вермахта. Отсюда и название батальона «Нахтигаль» – соловей.

И «Нахтигаль», и «Роланд» находились в оперативном подчинении «Бранденбурга», но единственное громкое их дело (а точнее, «соловьев») – захват Львова. Вскоре после этого произошел конфликт руководства оуновцев и гитлеровцев, в ходе которого оуновское правительство было арестовано. Бойцы «Нахтигаль» отказались принимать дальнейшее участие в боевых действиях в составе вермахта и были разоружены.

Стоит отметить, что само по себе желание свободы и независимости родины не может быть порочно. Среди «сечевых стрельцов» и прочих националистических украинских формирований наверняка имелись искренние патриоты, верившие в свою правоту. Однако также стоит отметить, что оуновцы и нацистские формирования зарекомендовали себя в первую очередь как военные преступники.

Еще в Первую мировую войну во время геноцида русинов множество людей пострадало от наветов украинофилов, а наверняка и от их личного насилия. Что же касается Второй мировой, то еще бойцы «Нахтигаль» засветились во Львове в массовых акциях террора. Уничтожение гражданского населения по национальному признаку (русских, евреев) было спровоцировано чисткой тюрем сотрудниками НКВД, в ходе которых погибло более двух тысяч человек. Среди них были далеко не невинные жертвы, хотя понятна и агрессия «соловьев». Понятна, но месть энкаведэшникам не вяжется с истреблением некомбатантов и никак не

оправдывает действия бойцов батальона. Они не стремились на фронт мстить в бою, они убивали (а еще наверняка насиловали и грабили) тех, кто не мог за себя постоять.

После расформирования обоих подразделений бо́льшая часть их бойцов подписали индивидуальные личные контракты с немцами и были сведены в отдельный 201-й батальон охранной полиции, который весной 1942 года отправился в Белоруссию. Неподписавшиеполнили трудовые лагеря.

В Белоруссии украинцы приняли участие в борьбе с партизанами. Вроде как успешное: на 30 погибших бойцов приходится порядка 2000 уничтоженных противников. Вот только не стоит забывать, что немцы и иже с ними очень любили преподнести себя, подчистив статистику. А ведь при этом в некоторых источниках прямо указывается, что среди уничтоженных партизан было столько-то детей.

Другими словами, для борьбы с «лесными мстителями» активно применялась политика уничтожения заложников. К примеру, часть жителей какого-то села или деревни обвинялась в пособничестве партизанам. И когда происходила крупная диверсия или иная громкая акция, немцы показательно уничтожали мирное население. А всех уничтоженных жителей (женщин, стариков, детей, младенцев) зачисляли в партизаны и вносили в победные списки.

Верится с трудом? Но бойцы 201-го полицейского батальона чуть позже вошли в состав дивизии СС «Галичина», «отличившейся» в борьбе с югославскими партизанами при подавлении Варшавского и Словацкого восстаний. Весь «боевой путь» дивизии отмечен множеством военных преступлений.

Также стоит отметить, что население Западной Украины, вошедшее в состав СССР после «Польского похода» РККА, к новой власти относилось враждебно: люди искренне (и не без оснований) боялись колхозов. Точнее, того, что их будут туда загонять. Хотя до 1941 года система коллективных хозяйств на Западной Украине как таковая не была развернута, местные поддерживали оуновцев. А в начале Великой Отечественной на отступавших красноармейцев и пограничников в Карпатах открыли настоящую охоту... Также стоит отметить, что данная территория была самой спокойной из завоеванных немцами в ходе Восточной кампании.

...Активное развитие партизанского движения в СССР, а особенно на территории Белоруссии, было обусловлено рядом факторов. И первым из них, как ни странно, является хваленый немецкий «Блицкриг». Парадокс, конечно, ведь тактика молниеносной войны позволяла немцам в самый

короткий срок уничтожать своих противников. Но уже в Югославии она дала сбой в виде повсеместно развернувшегося партизанского движения. Ведь сербская армия не была уничтожена в полевых боях, ее солдаты встретили капитуляцию страны с оружием в руках... План «Барбаросса», построенный на этой самой «молниеносной» тактике, предусматривал полный разгром РККА за шесть недель в приграничной зоне. И несмотря на кажущийся успех плана, по сути, он оставался авантюрой: Гитлер не учел слишком много важных факторов.

К примеру, хваленый немецкий Абвер «просмотрел», что на западной границе сосредоточено не более сорока процентов Советской армии. То есть уничтожить всю ее в приграничном сражении и не дать отступить в глубь страны было просто невозможно. Оставшиеся шестьдесят процентов по мере поступления развернули второй эшелон обороны. Проломили и его, но возводились новые рубежи – каждый раз немецкие ударные отряды упирались в яростную оборону красноармейцев.

Абверовцы ничего не узнали о новых советских танках Т-34 и КВ. Конечно, режим повышенной секретности сыграл скорее негативную роль: экипажи просто не успели освоить и обкатать новые машины. Кроме того, знай немцы, что РККА обладает столь совершенными танками, могли бы и еще раз призадуматься о целесообразности нападения.

Но тем не менее само наличие Т-34 и КВ было очень неприятным сюрпризом. У местечка Райсеняй в Литве один КВ, всего ОДИН, остановил движение немецкой танковой дивизии на целые сутки. Взяли «Клим Ворошилов» только из зениток «Ахт-Ахт» калибра 88 мм. А во время грандиозного танкового сражения под Луцком – Дубно – Бродами состоялся бой немецкой кампфгруппы из 40 панцеров с 10 Т-34 и КВ. Советские танкисты без потерь остановили врага...

Но не учтено было не только техническое превосходство бронетехники РККА и возможности выстраивания эшелонированной обороны. Не учтен был русский менталитет (а я все же считаю русских, белорусов, малороссов единым народом).

Русский менталитет формировался на протяжении столетий в постоянной борьбе с кочевниками, борьбе за жизненное пространство, борьбе на уничтожение. Тяга к самопожертвованию веками формировалась в русском человеке (ведь степняков часто не получалось остановить, но удавалось затормозить ценой собственной гибели; за это время многие мирные жители успевали спрятаться в лесах). И вот этого немцы не учли.

Не учли, что перед каждой пограничной заставой останется компактное немецкое кладбище, на один-два взвода. Не предвидели, что

первый приказ об отступлении в Великой Отечественной войне будет отдан 22 июня именно ими: яростная контратака запертых в ловушке Брестской крепости красноармейцев опрокинула и уничтожила ударные группы вермахта. Кто до войны смог бы поверить, что гарнизон крепости продержится в осаде более 2 недель без еды, воды, боеприпасов и медикаментов? Что иссушенные жаждой красноармейцы будут находить в себе силы снова и снова бросаться в контратаки?

Немцы не могли себе даже представить, что советские летчики-истребители пойдут на самоубийственные тараны, спасая жизнь боевых товарищей, а сбитые бомбардировщики направят свои машины на наступающие колонны германской техники. В их голове не укладывалось, что порой даже один мальчишка-артиллерист будет вести огонь (из дивизионного орудия Ф-22, аналогов которого у фрицев не было) по танкам, успешно уничтожая боевые машины и драгоценные жизни экипажей до собственной смерти. Что экипаж единственного Т-28 ворвется в уже оккупированный Минск и устроит нацистам кровавую бойню!

Нет, предвидеть ничего подобного немцы не могли.

Они не учли, что благодаря курсам ГТО и движению «Ворошиловских стрелков» большая часть советской молодежи получила начальную военную подготовку еще в школе, что дало советскому командованию возможность быстро формировать пополнение на фронт. И, к слову, именно вчерашние школьники выиграли войну.

Не учли, что с 30-х годов политический курс страны изменился на преемственность по отношению к Российской империи. Наиболее явно это проявилось во время войны, однако уже в 30-е годы на патриотическом воспитании молодежи и изучении истории России делался особый акцент. Это, в свою очередь, в значительной степени повлияло на моральные установки молодежи.

В генштабе вермахта при разработке «Барбароссы» не сделали поправку на русскую смекалку. А зря. В конце 1941-го ситуация с артиллерией и бронетанковыми силами на фронте была более, чем плачевна: Верховный главнокомандующий (Сталин) поштучно (!!!) распределял танки между армиями. Когда генерал Рокоссовский запросил дополнительную артиллерию взамен утерянной в боях, ему предложили потрясти ближайшее артиллерийское училище на предмет учебных единиц. И это при том, что участок ответственности будущего маршала – Волоколамское шоссе – был самым важным в обороне Москвы! Училище уже успело эвакуироваться, но местные старожилы указали на забытый склад с законсервированными осадными орудиями времен Русско-турецкой

войны 1877–1878 годов. К ним подошли трофейные английские снаряды времен Гражданской. У пушек не было прицельных приспособлений, каждое орудие могло сделать не более десяти выстрелов до полного износа ствола.

Но хватило и десяти. Организовали танковые засады, набили в них до роты немецких панцеров. Целиться приходилось через ствол, выстрелы были неточными, но даже попадание снаряда (калибра 152,4 мм) рядом с танком его переворачивало, а прямой удар полностью уничтожал машины. Немцы сочли, что столкнулись с очередной секретной разработкой русских (как с «Катюшами») и затормозили наступление. Пока разобрались, что к чему, Рокоссовский получил адекватное подкрепление.

Будущему маршалу повезло, хотя большинство на его месте сложили бы руки и прошли мимо такой удачи. А вот рядовые бойцы действовали просто, но не менее эффективно. По воспоминаниям немецких офицеров, на лесных дорогах русские часто устраивали засады: повалив дерево переддвигающейся колонной техники, они выбегали из леса и забрасывали машины бутылками с зажигательной смесью («коктейлем Молотова»). Смерть экипажей в объятых пламенем панцерах или бронетранспортерах была поистине ужасна.

...Было еще очень много вещей, которые не просчитали хваленые немецкие аналитики. Союзники-японцы обещивались начать наступление на Дальнем Востоке, довершив уничтожение Союза. Но загодя дважды крепко получив (в боях у реки Хасан и на Халхин-Гол), азиаты посчитали, что нечего лезть напролом в третий. Пускай немцы вначале разобьют всю Красную армию, возьмут Москву, тогда уж и они подключатся.

А в итоге во время боев под столицей у Сталина, как у хорошего карточного игрока, оказался в рукаве козырь – целая кадровая армия, получившая *победный* боевой опыт в боях с японцами! До определенного момента ее держали на границе с Китаем (оккупированным Японией), но битые самураи решили начать агрессию против американцев. Контрнаступление советских войск (большей частью переброшенных с Дальнего Востока) под Москвой было очень неприятным «сюрпризом» для Гитлера.

Хотя, казалось бы, в целом германцам в 1941-м сопутствует военная удача. К примеру, число попавших в плен в первый год войны бойцов РККА было действительно огромным, называют цифру в два миллиона человек. При этом стоит отметить, что немало людей ненавидели советскую власть (с Гражданской прошло всего 20 лет, да и большевики успели натворить дел), многие поверили в гитлеровскую ложь «об

освобождении». Так что процент сознательно сдавшихся в плен и желавших дальнейшего сотрудничества был немалым. Кроме того, многие сдавались ранеными или исчерпав все возможности вести бой.

Однако тысячи советских воинов продолжали сражаться даже в безвыходных ситуациях, при первой возможности прорываясь к своим. По пути они наносили очень болезненные удары по коммуникациям, штабам, тыловым и боевым частям. И хотя к линии фронта выходили единицы, такие удары в значительной степени тормозили темп немецкого наступления. Это пример истинного мужества воинов, нечеловеческими усилиями которых в далеком 1941-м ковалась будущая победа.

...Победный немецкий марш, стремительные рывки в глубь страны, нацеленность на прорыв обороны и быстрое завершение кампании – все это сказалось на том, что многие «котлы» не были до конца зачищены. В них «варились» целые армии, так что даже та часть бойцов, что выжила и не попала в плен, была очень многочисленной. Уцелевшие в «котлах» красноармейцы и командиры зачастую не рвались в бой, предпочитая осесть среди мирного населения. И обвинять их с точки зрения человеческой морали нельзя – люди в буквальном смысле прошли через ад.

Но очутившись в немецком тылу, они оказались на виду, на них быстро выходила оккупационная администрация. Кого-то без всяких разговоров угоняли в Германию, а кому-то делались «предложения, от которых нельзя отказаться» – вступить в ряды полицаяв. И были те, кто шел, не видя для себя другого выхода.

А кто-то нет. В Белоруссии, на Брянщине и Смоленщине сама природа (густые леса, болота) будто создана для ведения партизанской войны. И чуток оклемавшиеся военные предпочитали уходить в них, начиная новую для себя войну, благо в большинстве своем сумели припрятать оружие. На Украине партизанское движение не смогло получить широкого развития как раз из-за особенностей природы – малого количества лесных массивов.

Участь вступивших в ряды полицаяв была незавидна. Их грамотные и жестокие командиры, набранные в основном из идейных противников большевизма, вязали своих подчиненных кровью. Полицаяв привлекали к многочисленным расстрелам евреев, комиссаров, военнопленных, гражданских заложников... После этого пути назад не было, люди, по сути, «продавали душу». Заливая голос совести и страх расплаты спиртным, они быстро скатывались до грабежей, изнасилований и прочих преступлений, превращаясь в верных немецких псов. Таких, кто способен жестоко растерзать любого, на кого указал хозяин.

Правда, нередкими были случаи, когда часть полицаяв уходили

партизанить, а кто-то вел двойную игру: подчинялся немцам, но при случае помогал партизанам.

Немецкая политика согласно плану «Ост» была беспощадна к населению Белоруссии. Людей обирали до последней нитки, угоняли в Германию, совершали чистки «неблагожелательных элементов». Тех, кто укрывал у себя раненых красноармейцев, просто уничтожали. Так что население быстро возненавидело оккупантов, и приток добровольцев в партизанские отряды заметно рос. Но на первые диверсионные акции немцы ответили террором, показательными казнями случайных заложников. Вот только германцами опять не был учтен русский менталитет: вместо того чтобы морально сломаться, партизаны ожесточались и мстили. Война в тылу пошла на уничтожение и приобрела грандиозный масштаб. Какое-то время на территории Белоруссии шли настоящие полевые сражения, у врага отбивались территории целых областей, возникали партизанские зоны и края!

Естественно, они уничтожались немцами, но ведь сколько сил и средств приходилось тратить на чистку тыла, когда они были так нужны на фронте!

По достоинству партизанское движение было оценено в управлении НКВД. Под руководством легендарного Павла Судоплатова была создана Отдельная мотострелковая бригада особого назначения НКВД СССР. На базе бригады формировались диверсионные группы для заброски в тыл противника. Ускоренный курс спецподготовки делал из бывалых фронтовиков настоящих спецназовцев, не хуже «бранденбуржцев». В группы обязательно включали радистов, специалистов-подрывников, а в зависимости от назначения еще и снайперов, инструкторов по рукопашному бою и стрелковой подготовке. Диверсанты могли получить конкретные задания, выполняемые силами исключительно группы, или же выходили на контакт с существующими партизанскими отрядами, или же сами их организовывали, становясь ядром будущего соединения.

Главное, подобная практика на порядок увеличила профессионализм действий «лесных мстителей» и позволяла координировать действия партизан из «Центра».

Но и гитлеровцы умели адекватно реагировать. Педантичные немцы старались принять любые возможные меры по защите от партизанских налетов. Еще летом 1941 года ими создавались специальные конные патрули, контролировавшие объекты инфраструктуры, дороги, а солдатам запрещалось находиться вне части поодиночке и безоружными. Но вскоре стало понятно, что эти мероприятия совершенно неэффективны.

Чуть позже в тылу развернули значительное число охранных и полицейских частей, которые специализировались исключительно на партизанах, но и их действия нельзя назвать успешными. «Лесные мстители» наносили удары из засад, продолжали совершать диверсии, но столкновения с более сильным противником избегали, отступая в глубь лесов. Немцы и другие бойцы охранных частей (вспомним про «соловьев» – украинцев) отыгрывались на мирных жителях, совершая показательные казни. Иногда эти меры приносили свой результат, и партизаны, чьих ближних изуверски казнили, бросались в боя, попадая в заранее подготовленные ловушки. Но сражаться с охваченными праведной яростью «мстителями» было еще тем делом – «красные» не знали жалости ни к себе, ни к противнику, и очень дорого продавали свои жизни.

Для того чтобы эффективнее контролировать оккупированную территорию, германцами была развернута система опорных пунктов, связанных между собой. «Укрепленные деревни» становились базами полицейских и охранных частей; опираясь на них, гитлеровцы совершали рейды в глубь партизанских районов и карательные акции. Но зачастую гарнизоны опорных пунктов сами становились целью нападений крупных отрядов «мстителей».

Пытались немцы защитить и железную дорогу – объект инфраструктуры, более всего страдавший от диверсий. Меры принимались самые серьезные. Наиболее уязвимые места – мосты охранялись крупными подразделениями (не менее усиленного взвода), на вооружении которых было достаточно пулеметов, минометы и зенитная артиллерия. Плюс ко всему мотоциклы и легкая бронетехника. Подходы к мостам перекрывали колючей проволокой (иногда по ней пускали ток) и минировали, деревья и кустарник вокруг вырубали, устанавливали дозорные вышки, оснащенные машингеверами и прожекторами. Двухкилометровая зона вокруг признавалась запретной для движения посторонних, дежурные расчеты открывали огонь на каждый шорох. Для гарнизона оборудовались пулеметные точки, дзоты и доты, блиндажи с надежным перекрытием. Орешек очень крепкий, взять в лоб который было практически невозможно.

Железнодорожные переезды и наиболее опасные участки перегонов старались укрепить также. Но ведь сотни километров дороги подобным образом не перекроешь... Ограничивались вырубкой леса, возведением укрепленных стационарных постов, меняющимся графиком пускали бронелетучки и бронепоезда, над дорогой постоянно дежурила авиация... Тщетно. Удары по железке только учащались и усиливались, партизаны быстро набирали необходимый опыт.

Нацистами всесторонне практиковался захват заложников и их уничтожение – «лесные мстители» наносили еще более чувствительные и дерзкие удары, выявляли и истребляли предателей, уничтожали немецких чиновников, отдавших приказ о казни. Кровь щедро лилась с обеих сторон, ответные удары следовали друг за другом, при этом более всего страдало местное население. Но простые люди понимали, кто истинный враг, понимали, ради чего и из-за чего страдают. Они знали, что удары по коммуникациям здесь очень выручают *там*, на фронте, а потому всячески пытались помочь «лесным мстителям», ряды которых регулярно пополнялись добровольцами.

Пытались немцы также изменить логистику перевозок, задействовать второстепенные линии, менять график движения – но эшелоны с ценными грузами и людьми снова шли под откос. Партизаны вовремя получали необходимую информацию и переносили направление ударов. Когда же диверсии на транспорте стали выполняться повсеместно, по четко сработанному плану «Центра» (операции «Концерт», «Рельсовая война»), движение немецких эшелонов было вовсе парализовано.

Нейтрализовать советских партизан нацисты пытались как могли: помимо разворачивания охранных и полицейских частей бросали против «мстителей» войсковые части, активно задействовали авиацию и бронетехнику. Для борьбы с партизанами на базе первого панцера был разработан даже специальный танк!

Но самым успешным опытом стало применение «охотничьих» ягдкоманд. Небольшие подразделения формировались из бывших егерей, лесничих, спортсменов-охотников. Им был знаком лес, они умели выждать «добычу» и метко стреляли, обладали богатым фронтовым опытом и оттого не стремились снова попасть в мясорубку полевых сражений. Специальный «лесной» камуфляж и первоклассное оружие делало бойцов ягдкоманд опасным противником, замотивированным выполнять свою новую работу качественно. На каждую группу выделялось по одному пулемету, автоматы, ружейные гранатометы, трофейные АВС и СВТ, в том числе с оптическими прицелами (они специализированно отбирались для ягдкоманд). Советские полуавтоматические винтовки плохо показали себя на фронте из-за своей капризности и многочисленных отказов. Но, как правило, все это было следствием неумелой эксплуатации сложного в обращении оружия. В руках профессионалов из ягдкоманд СВТ-38, СВТ-40, АВС-36 полностью раскрыли свой немалый потенциал.

«Егерский спецназ» перенял тактику партизан, успешно организуя засады и слежки, грамотно отступая при столкновении с превосходящими

силами противника. Местом внезапных нападений «охотников» становились партизанские тропы, потенциально наиболее уязвимые объекты инфраструктуры, деревни, которые, по данным немецкой разведки, снабжали «мстителей». Первокласное вооружение небольших групп (10–15 человек), внезапность атаки и подготовленные позиции, камуфляж – все это в сумме давало егерям значительное преимущество. Подвергались нападению отряды незначительной численности (от 5 до 20 человек), с более крупными соединениями бойцы ягдкоманд предпочитали не связываться (хотя при особой нужде могли атаковать и их). В числе «охотников» зачастую имелись радисты, которые в таком случае вызывали дополнительную поддержку и предупреждали о готовящейся диверсии.

Кроме того, навыки охотников и камуфляж позволяли егерям незаметно отслеживать партизан до расположения их баз. В таком случае «мстители» были практически обречены... Но и ягдкоманды несли потери.

Однако в Рейхе имелась еще одна категория граждан, способных вести «охоту», но по определенным причинам не вошедших в число ягдкоманд. Браконьеры.

История создания зондеркоманды СС «Ораниенбаум», состоящей из браконьеров и специализированной под борьбу с партизанами, неотрывно связана с именем Оскара Дирлевангера. Ветеран Первой мировой, воевавший на Западном фронте, кавалер двух степеней Железного креста, ветеран фрайкора, принявший участие в борьбе с Рурской Красной армией в 20-е годы... Убежденный нацист, вступивший в партию в самом начале ее существования, Дирлевангер мог добиться высоких постов с такой-то биографией. Собственно, к этому все и шло. Но погорел любвеобильный Оскар на растлении несовершеннолетней девочки из «Союза немецких девушек» и очутился на два года в тюрьме. Вышел, воевал в Испании в составе легиона «Кондор», заслужил испанский крест. Подал на апелляцию и был оправдан по всем статьям.

Именно он предложил формировать специальное подразделение из браконьеров, томящихся в заточении, и в дальнейшем стал их командиром. Браконьеры до того сидели в концлагере Заксенхаузен, а потому второй шанс восприняли серьезно. Тем более зондеркоманда СС была далеко не тем 999-м батальоном, из которого практически невозможно вырваться (штрафные части в вермахте появились задолго до Красной армии). Другим было и оснащение, и отношение, имелись свои привилегии. Хотя присутствовал определенный процент дезертирств. И кто знает, возможно, кто-то из браконьеров, прошедший ад концлагерей, возненавидел нацистский режим и присоединился к партизанам? Все может быть.

Однако зондеркоманда СС «Ораниенбаум» зарекомендовала себя в боях с партизанами с наилучшей стороны. И если в начале боевого пути она представляла собой ту же ягдкоманду, то в процессе боевых действий на смену погибшим браконьерам стали приходить уголовники. Они не искали возможности искупить свои прошлые преступления, нет. Они получили лицензию на новые: новые грабежи, новые изнасилования и новые убийства. Зондеркоманда СС «Ораниенбаум» со временем раздулась до бригады СС «Дирлевангер», выродившись в карательную часть, оставившую за собой в Белоруссии сотни пепелищ и тысячи трупов гражданского населения. Во время операции «Багратион» бригада сумела вырваться из БССР (что говорит не о профессионализме бойцов, а о том, что они просто бежали), а после приняла участие в подавлении Варшавского восстания. Естественно, уголовники Дирлевангера отметились нечеловеческой жестокостью и зверствами.

Но всему приходит конец. Бригада стала дивизией, но это не спасло ее от уничтожения в 1945 году. Сам Оскар Дирлевангер попал в плен к союзникам, где, очевидно, надеялся спастись (многие эсэсовцы, сдавшиеся англичанам или американцам, сохранили не только жизнь, но и свободу). Может быть, так и получилось бы. Но попал Дирлевангер к французам, а последние, учтя некоторые личные факторы, посадили его в тюрьму, охраняемую польскими солдатами. Бывший комдив перед смертью испытал весь спектр «прелестей» и физических ощущений беспомощной жертвы. Какой мерой мерите, такой вам и воздастся...

Страна выдержала самое страшное в своей истории испытание. Выдержали фронтовики, своими жизнями платившие за жизнь и свободу родных и потомков. Выдержали работники тыла, работавшие в нечеловеческих условиях и все же сумевшие обеспечить фронт большим количеством танков, самолетов, орудий, боеприпасов, чем весь европейский военно-промышленный концерн, работающий на Рейх. И ведь не мужики же работали, женщины и подростки...

Выдержали партизаны, несшие огромные потери, но сумевшие в значительной степени парализовать немецкие транспортные артерии.

И несколько не умоляя мужество, самопожертвование и подвиг наших предков, стоит отметить, что подобное испытание народ не смог бы вынести без Божьей помощи.

Свершился завет – во время Великой Отечественной войны люди обратились к Богу. Миллионы матерей, жен, отцов молили Бога о спасении близких, сражавшихся на фронте. А на поле боя сотни, тысячи, миллионы душ павших воинов забирали Ангелы на Небеса. Ведь погибнуть за

Отечество – значит принять смерть за други своя. А это одна из высших доблестей православного христианина.

Именно во время войны государство вернулось к истокам – официально прекратились гонения на Церковь, разрешены были службы, людей перестали преследовать за религиозные убеждения. Открылись тысячи приходов, а руководство страны пошло на близкий контакт с Православной церковью, решительно поддерживая ее в противостоянии с обновленцами. Было реабилитировано казачество и созданы казачьи соединения. РККА признали преемницей царской армии, вернув офицерские звания и погоны, разрешив носить наряду с советскими наградами Георгиевские кресты. И малоизвестен сегодня тот факт, что не сданы были именно те города, вокруг которых был совершен Крестный ход.

Сама Церковная организация русской Православной церкви также не осталась в стороне. Происходил постоянный сбор средств среди верующих, шедший на помощь фронту, в поддержку раненым и семьям погибших воинов. На эти средства строились танки (колонна «Дмитрий Донской») и самолеты (эскадрилья «Александр Невский»).

Но главное – это молитвенная помощь православному воинству, защищавшему свою землю (ведь бойцы 20-х годов рождения были крещены), и духовная поддержка людей. Русская православная церковь разделила судьбу народа и страны, выдержав вместе с ними это тяжкое испытание... Символично, что Пасха 1945 года пришлась на шестое мая, день памяти Святого Георгия Победоносца, небесного покровителя русского воинства.

А напоследок хочется просто помолчать. Ведь, кажется, молчанием у нас принято поминать память героев Великой Отечественной...